

100/8

К 64

Л. В. Коновалова

РАСТЕРЯННОЕ ОБЩЕСТВО

Л. В. Коновалова

РАСТЕРЯННОЕ ОБЩЕСТВО

Критика современной
буржуазной социологии
и психологии морали

Москва «Мысль» 1986

ББК-87.3802
К64

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты: д-р филос. наук А. А. Гусейнов,
д-р филос. наук Ю. В. Согомонов

К $\frac{0302020300-109}{004(01)-86}$ 71-86

© Издательство «Мысль». 1986

Введение

Обострение социально-экономических противоречий современного капитализма, его общее кризисное состояние, атмосфера разложения самым непосредственным образом влияют на состояние морали и нравов буржуазного общества. «Антигуманная идеология современного капитализма, — говорится в Программе КПСС, — наносит все больший ущерб духовному миру людей. Культ индивидуализма, насилия и вседозволенности, злобный антикоммунизм, эксплуатация культуры в качестве источника наживы ведут к насаждению бездуховности, к моральной деградации»¹. Современный капитализм почти полностью растратил свой духовный потенциал, утратил свои былые нравственные идеалы и, не приобретя новых, привел к девальвации основных моральных ценностей. Расшатанность моральных основ, моральная деградация личности, рост антисоциального поведения, кризис общения, засилье безнравственности сопровождающиеся ощущением бессилия перед растущим неверием в возможность выхода морали из кризиса, слабость и иллюзорность предлагаемых средств лечения «больного общества» — совокупность этих явлений позволяет сделать вывод, что нравственное состояние современного буржуазного общества конца XX в. характеризуется моральной растерянностью и полной ценностной дезориентацией. Это общество, утратившее четкие моральные ориентиры, изверившееся в добре и достижении моральных целей, не видящее средств борьбы против аморализма, насилия, отчуждения, преступности. Буржуазные идеологи и моралисты, не вскрывая истинных причин аморализма, не могут предложить сколько-нибудь действенные средства защиты морали от разъедающей эрозии, найти выход из тупика морального кризиса.

Вот как характеризует мораль современного буржуазного общества один из западногерманских социологов, Фр.-Г. Тенбрук, в книге «Повседневные нормы и жизненное ощущение людей в Федеративной Республике Германии»: «Везде господствует смятение, открывающее путь дема-

гогии и фанатизму. Учреждения, нормы, идеи выглядят не внушающими доверия. Язык и сознание распадаются и тонут в море дискуссий, которые в своих формах и в своем содержании лишились всяких ориентиров. Насилие стало контрнасилием, право — угнетением, правда — классической ложью... воспитание — насильством, ориентация на производительность и успех — репрессией, образование — бесчеловечностью, демократия — эксплуатацией, диктатура — свободой, предательство — избавлением... служба — предательством, послушание — трусостью, обвиняемый — обвинителем, компетенция — сомнением. Нет ничего, что не имело бы двойственного смысла, что не могло бы называться двумя именами, и граждане привыкают к такому мышлению в двух плоскостях, в рамках которого все может быть своей противоположностью, а кое-кто даже наслаждается, как веселой игрой, возможностью как можно скорее давать вещам другие имена»².

Свидетельством моральной растерянности современного буржуазного общества служит не только хаос в сфере нравов, но и сумбурное нагромождение различных точек зрения на мораль и поведение, вынужденная этическая всеядность, терпимость к иррациональным формам поведения, снижение критериев моральных оценок, непоследовательность и неустойчивость поведения. Моральная растерянность современного буржуазного общества нашла свое изоморфное отражение и в состоянии буржуазной этики — науки, призванной изучать и анализировать состояние нравов, прогнозировать развитие морали, предлагать методы лечения ее болезней. Современная буржуазная этика, отразив, как в зеркале, мораль общества, как бы теоретически воспроизводит ее разрушение. Царящие в ней эклектика, мозаичность, теоретическая неразбериха, зыбкость основных понятий, быстрая смена школ отражают то состояние, в котором находится мораль буржуазного общества, переживающего кризис ценностей, взглядов и идеалов. Предпринимаемый в книге критический анализ состояния современной буржуазной этики имеет целью решить несколько взаимосвязанных задач.

Прежде всего буржуазные теории морали, являясь формами современной буржуазной идеологии, выражают основные тенденции и направления, характерные для идеологического процесса в современном буржуазном

обществе. Они показывают, какие методы и идеи используются в современной буржуазной идеологии для того, чтобы влиять на буржуазное массовое моральное сознание. Знание их необходимо для борьбы против современной буржуазной идеологии и морали.

Далее, эти буржуазные теории, искаженные призмой буржуазной идеологии, все же отражают те реальные процессы, которые происходят в буржуазной морали. В них в той или иной мере фиксируются состояние нравов современного буржуазного общества, те изменения, которые происходят в моральном сознании и поведении людей буржуазного общества, та динамика, которая характеризует процессы внутри современной буржуазной морали. Содержащиеся в них факты и данные могут послужить основой для выводов, противоположных тем, которые делают буржуазные идеологи. Например, описанный социологами морали кризис буржуазных моральных ценностей подтверждает марксистское положение о кризисе буржуазной морали как одном из проявлений общего кризиса капитализма.

Наконец, критический анализ современных буржуазных социологических, психологических и этических концепций позволяет дать марксистскую оценку состояния самой современной буржуазной науки о морали, ее методологии, ее эвристических возможностей, неискоренимых недостатков и слабостей, а также предвидеть направление развития буржуазной этики, социологии и психологии морали. Этот анализ дает возможность раскрыть преимущества марксистско-ленинской этики в понимании сущности моральных явлений перед любыми школами и направлениями буржуазной идеалистической этики, а также применить марксистско-ленинскую методологию к ее критике.

В данной работе мы сосредоточим внимание на выделении ряда групп школ современной буржуазной этики, которые еще не были объектом критики со стороны советских специалистов. До сих пор в этической литературе по критике современной буржуазной этики внимание исследователей сосредоточивалось в основном на анализе и критике тех направлений и школ, которые пользовались методами теоретического анализа. Именно поэтому в поле зрения попадали прежде всего различные теоретические, аналитические и философско-публицистические концепции современной буржуазной этики. Ис-

пользование общефилософских принципов в анализе моральных проблем (при всех внутренних различиях) характерно для таких школ, как метаэтика, экзистенциализм, неотрейдиизм, различные теологические школы. Именно они принадлежат к числу наиболее глубоко проанализированных и подвергнутых марксистско-ленинской критике в советской этике³.

В данной работе мы обращаем внимание на существование целой группы иных школ в современной буржуазной этике, социологии и психологии, которые характеризуются использованием эмпирических методов исследования моральных проблем. К их числу относятся: теория морального научения; когнитивная теория морального развития личности; теории морального поведения и типологии морального поведения; теория моральной классификации типов личности; бихевиористская «технология поведения». Таким образом, мы рассмотрим не только теоретические, но и эмпирические методы исследования в современной буржуазной этике. При этом переход от теоретических методов к эмпирическим выступает как новая тенденция в современной буржуазной этике. Эмпирические методы исследования морали стали впервые за всю тысячелетнюю историю существования идеалистической этики массированно применяться именно в XX в., что и составило специфическую черту буржуазной этики нашего столетия, отличающую ее от всех предшествующих направлений идеалистической этики. Однако, анализируя эмпирические методы исследования морали, важно показать слабости и пороки, свойственные им. Это придаст критике современной буржуазной этики большую глубину и всесторонность, позволит показать, что и эмпирические виды современной идеалистической методологии обнаружили свои недостатки и исчерпали свои эвристические возможности.

При этом следует заметить, что одной из важнейших тенденций современной буржуазной этики (как и идеализма в целом) является все большее увеличение количества одновременно и параллельно существующих разновидностей идеалистических школ, школок, направлений и теорий. Если для истории классической буржуазной философии и этики было характерно значительное единообразие, когда та или иная школа существовала и разрабатывалась длительное время, иногда в течение столетий, и число основных школ было сравнительно не-

велико, то новейшей буржуазной этике свойственны раздробленность, плюралистичность, калейдоскопичность, многообразие и быстрая смена школ. В настоящее время их насчитывается около пятидесяти. Несмотря на то что все они лежат в русле идеализма, в основе каждой из них заключена некая самостоятельная идеалистическая идея, они достаточно заметно различаются и часто весьма далеки друг от друга, а порой даже противоположны. Вместе с тем они составляют в совокупности единый предмет — современную буржуазную этику, имеют общие теоретические, методологические и идеологические основы.

В буржуазной науке о морали существуют различные «образы этики»: метаэтика ее основными представителями (основоположником Дж. Муром и современным главой Р. Хеаром) была задумана как чисто теоретическая модель этики — образ науки, в принципе не занимающейся объяснением реальных моральных поступков и явлений и не стремящейся как-либо повлиять на их изменение, а лишь анализирующей эти факты и явления в их специфическом лингвистическом инобытии и озабоченной именно самим анализом ради анализа — его точностью, чистотой, тонкостью, а вовсе не его применением на практике. История метаэтики убедительно показала, что этот — аналитический — вариант этики обнаружил бессодержательную формальность и теоретическую неудовлетворительность такой методологии этики, и это несмотря на то, что именно аналитическая этика занимала самые высокие теоретические позиции в иерархии современной буржуазной этики.

Наряду с такими «чисто теоретическими» вариантами этики, ставящими своей целью решение сугубо теоретических, аналитических задач, в буржуазной этике с начала нашего столетия появлялись и иные ее модели, предпринимались попытки создать другие варианты этики с во многом противоположными абстрактному «анализу» методами исследования, которые можно назвать эмпирическими в отличие от абстрактно-теоретических. К разновидностям современных буржуазных «эмпирических» методов исследования морали следует отнести прежде всего социологические и психологические направления в этике. Они возникли как бы в ответ на идеи «позитивистской волны» в философии конца XIX — начала XX в. с ее требованиями покончить с «философскими

спекуляциями», как именовались общетеоретические и мировоззренческие проблемы философии и этики, и обратиться к «фактам». Под фактами при этом понимались в первую очередь те эмпирические данные, которые являлись результатом наблюдения, поддавались описанию и опытной проверке и могли быть экспериментально проверены. Именно такие «факты о жизни и поведении людей» должны были представить социология и психология — науки, которые начали бурными темпами разрабатываться в этот период и достигли достаточного развития уже к 20-м годам столетия.

Преимущество этих наук перед абстрактно-аналитическими и формально-теоретическими направлениями буржуазной этики состояло в том, что они пользовались методами эмпирических исследований, занимались сбором фактических данных, интенсивно вторгались в жизнь, интересовались живыми людьми, их конкретными поступками, отношениями, мотивами, оценками и идеалами. Все это сулило большее проникновение в реальные проблемы, возможность более глубокого погружения в жизнь, а значит, более достоверное знание о морали и законах человеческого поведения. Популярность и широкое распространение, надежды, интерес и доверие, которые выпали на долю эмпирических направлений этики, во многом можно понять именно как реакцию на недостатки и слабости квазитеоретических, аналитических концепций в этике.

В советской этической литературе, посвященной критике современной буржуазной этики, давно уже отмечено различие, существующее между двумя большими группами школ в ней. Чтобы отчетливее подчеркнуть это различие, предлагались разные термины и наименования. Так, например, О. Г. Дробницкий и Т. А. Кузьмина в одной из книг («Критика современных буржуазных этических концепций») выделили две основные группы школ, одну из которых предложили назвать «формализмом», другую — «иррационализмом». При этом было достигнуто размежевание формально-теоретических школ и разновидностей религиозной и иррационалистской этики. К первой группе школ были отнесены интуитивизм, эмотивизм и логический анализ языка морали (т. е. те школы, которые входят в общее понятие «метаэтика»), ко второй — неопротестантизм, а также неопрейдизм и

экзистенциализм. Данное разделение «работало» и продолжает «работать» при критике современной буржуазной этики.

Нам бы хотелось, однако, обратить внимание на то, что проведено различие, касающееся только общетеоретических, философских концепций этики. Но при этом остаются еще школы, которые как бы «выпадают» из этого деления или, точнее, не «подпадают» под него. Это школы, использующие методы эмпирического, социологического, психологического анализа морали. Данное деление, произведенное по методологическому признаку, особенно необходимо в настоящее время, поскольку традиционные «теоретические» разновидности — метаэтика, экзистенциализм, неопрецидизм и многие другие — уже достаточно четко обнаружили свои внутренние слабости, подверглись резкой критике, переживают период кризиса и внутреннего разложения как целостные школы, в то время как эмпирические — социологические и психологические — методы исследования морали набирают силу и размах, приобретают все большую популярность на Западе, привлекают к себе внимание и пока еще не прошли пика своего развития. Именно с этими школами связаны сегодня на Западе основные надежды на успешное развитие буржуазной науки о морали в ближайшем и более отдаленном будущем.

Эмпирические исследования сферы морали — различных ее сторон, аспектов, частей и форм — проводятся на Западе очень широко. Как известно, они стали использоваться для изучения моральных явлений именно в нашем столетии, а еще точнее — с 20-х годов XX в. В этот период начали осуществляться крупномасштабные опросы, анкетирование, социологические эксперименты. Именно в начале века возник и сам термин «социология морали», предложенный Э. Дюркгеймом. Однако с тех пор конкретно-социологические исследования моральных явлений так разветвились, что понадобилась дифференциация сферы и понятия морали на отдельные части, каждая из которых стала предметом собственной социологии. Так возникли «социология личности», «социология семьи», «социология женщины», «социология воспитания», «социология труда», «социология ценностных ориентаций», «социология стилей жизни», «социология девиантного поведения», «социология насилия», «социология преступности» и т. д.

Термин «социология морали» многозначен: он включает эти и многие другие виды социологий, но не тождествен ни одной из них. В какой-то степени это объясняется многозначностью и широтой самого понятия морали, ее слитностью со многими общественными явлениями, ее присутствием во всех без исключения сферах человеческого бытия и в то же время отсутствием каких-либо специальных институциональных форм.

Поэтому термином «социология морали» имеет смысл пользоваться для обозначения методов исследования морали, состоящих в привлечении к ее анализу приемов конкретно-социологических исследований — опросов, анкет, тестов, экспериментов, наблюдений, обобщений жизненного опыта, описания быта и нравов и т. д. Буржуазная социология морали в этом смысле будет пониматься как изображение реальных нравов современного буржуазного общества, изучение морального сознания, представлений и мнений отдельных людей и различных групп общества на основе эмпирических данных. Ясно поэтому, что буржуазная социология морали характеризуется пестрым многообразием тем, объектов, уровней исследования. Объектом социологии морали становятся глобальные вопросы типа «Что представляет собой мораль современного американского (или какого-то другого) общества?» и вопросы типа «Каковы представления современных людей о счастье?» (издаются специальные «Бюллетени благоденствия», где регулярно публикуются данные об улучшении условий жизни людей), «Каковы требования, предъявляемые современными людьми к семейной жизни?» и т. д.

Почти во всех крупных капиталистических странах существуют специальные институты изучения общественного мнения, а в США в настоящее время — более десятка крупных исследовательских центров, проводящих массовые опросы и анкетирования, сбор фактических данных. Такие институты имеются почти при каждом университете США помимо национального Американского института общественных исследований. Они собирают буквально груды разнообразного фактического материала, массу эмпирических данных. А если прибавить к ним исследования, проводимые отдельными социологами и социальными психологами, то станет ясно, что в орбиту социологии морали включены все или почти все стороны, аспекты, проблемы и явления моральной жизни буржуаз-

ного общества; они «измерены», «просчитаны», выражены в количественных показателях, таблицах, графиках и диаграммах.

Самые большие трудности начинаются тогда, когда фактические данные собраны, обработаны, систематизированы, классифицированы, разложены по полочкам. Наступает момент, когда их нужно проанализировать, обобщить, истолковать. Здесь нередко обнаруживается, что факты ведут к таким выводам, которые не соответствуют ожиданиям собравших их социологов, мешают осуществлению их идеологически заданных целей, вступают в противоречие с требованиями буржуазной идеологии, политики и пропаганды. В такой ситуации лишь наиболее добросовестные и честные ученые остаются объективными в их оценке и не пытаются исказить их под давлением идеологических стандартов. Большинство же стремится приспособить факты к заданной заранее цели, интерпретировать их в духе идеологических требований, а нередко и намеренно извратить.

Прежде чем перейти к анализу конкретных вопросов морали, посмотрим, как в новейшей идеалистической этике оценивается современная буржуазная мораль в целом.

Для обобщенной характеристики острых проблем и неразрешимых противоречий современного буржуазного мира имеет смысл привести слова одного из ведущих представителей «глобалистики», бывшего президента Римского клуба А. Печчеи, который писал, что если уж называть нынешнее глубоко ненормальное и неблагоприятное состояние всей человеческой системы кризисом, то мы «должны сознавать при этом, что это особый, всеобъемлющий, эпохальный кризис, пронизывающий буквально все стороны жизни человечества». Это «бесконтрольное распространение человека по планете; неравенство и неоднородность общества; социальная несправедливость, голод и недоедание; широкое распространение бедности; безработица; мания роста; инфляция; энергетический кризис; уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; распад международной торговой и финансовой системы; протекционизм; неграмотность и устаревшая система образования; бунты среди молодежи; отчуждение; упадок городов; преступность и наркомания; взрыв насилия и ужесточение полицейской власти; пытки и террор; пренебрежение

законом и порядком; ядерное безумие; политическая коррупция; бюрократизм; деградация окружающей среды; упадок моральных ценностей; утрата веры; ощущение нестабильности и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и их взаимосвязей...»⁴.

Перечислив двадцать восемь элементов, характеризующих «затруднения современной эпохи», и оговорившись, что этот список далеко не полон, А. Печчеи подчеркивал их взаимозависимый характер, ставя в один ряд столь неоднородные и разномасштабные явления, как «мания роста» и «ядерное безумие». Самое главное, однако, состоит в том, что Печчеи говорит о «человечестве», игнорируя факт существования двух противоположных социальных систем, что в этой глобальной характеристике перечислены негативные следствия, но не указана их основная причина — существование капитализма и господство частной собственности. Непонимание истинных причин лежит в основе непонимания сущности порождаемых ими следствий, а значит, и неверного представления о путях и средствах их устранения.

Важнейшей чертой всех буржуазных теорий и концепций является их мнимый классово нейтральный характер. Эта черта сохраняется и в самых «критичных» по отношению к капитализму теориях, хотя в некоторых из них используются марксистские характеристики капитализма, однако при этом буржуазные социологи переносят эти характеристики на человечество в целом или на человека как такового.

Так, представители критического крыла буржуазной философии и социологии заимствовали из марксизма такое понятие, как «отчуждение». К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин глубоко проанализировали сущность отчуждения в капиталистическом обществе. Они показали, что сама экономическая природа капитализма, господство частной собственности, эксплуатация наемного труда порождают отчуждение в экономической сфере, которое обуславливает социальное, политическое, правовое, моральное и другие формы отчуждения.

В марксизме рассматриваются различные виды отчуждения: отчуждение человека от общества, следствием которого является индивидуализм; отчуждение отдельного человека от политики, ведущее к пассивности и конформизму; отчуждение человека от культуры, выражающееся в бездуховности и замене подлинных культур-

ных ценностей эрзацами «массовой культуры»; отчуждение человека от труда, его содержания и результата, порождающее эксплуатацию труда, товарный фетишизм и потребительство; отчуждение человека от достижений науки и техники, следствием которого являются сциентизм, индустриальный фетишизм; отчуждение человека от человека, порождающее эгоизм, кризис общения, одиночество; отчуждение человека от морали, выражающееся в аморализме, неверии в мораль, апологии зла и греха; отчуждение человека от самого себя, ведущее к разрыву сущности и существования, деперсонализации личности, отказу от своего «Я».

Понятие отчуждения в интерпретации современных буржуазных социологов утратило критический смысл и приобрело апологетический характер. Этим понятием пользуются сегодня представители самых различных школ — от Франкфуртской до неотомизма⁵.

Э. Фромм считал, что в современном буржуазном обществе царит болезнь, которую можно назвать синдромом отчуждения. Это общество породило тип человека-потребителя, который бездумно потребляет все, что ему навязывают: сигареты, алкоголь, телевидение, кино, спорт⁶. По его мнению, отчуждение является следствием «сугубо человеческой ситуации»: человек отделился от природы, его сознание — от бытия, возник разум, и в результате оказалась потерянной внутренняя гармония. Пропасть между собой и природой человек стремится заполнить общественными институтами — хозяйством, семьей. Техника еще сильнее разрушает гармонию между человеком и миром, усиливает отчуждение, а единственным средством преодоления его является любовь. Стало быть, причина отчуждения заключена в природе человека, устройстве его психики. Отсюда он делает вывод, что отчуждение одинаково свойственно и капитализму, и социализму, ибо человеческая природа — одинакова, она вечна и неизменна.

Исходя из того что «понятие отчуждения содержит в себе полную концепцию человеческого поведения», современные теологи считают отчуждение результатом человеческой греховности, его источник видят во «внутреннем отчуждении от бога». Поэтому преодолеть его можно только благодаря вере, через приобщение к церкви⁷.

Теоретик постиндустриального общества Д. Белл так «полемизирует» с К. Марксом: Маркс якобы считал, что

отчуждение существует только в сфере труда и что его причина — частная собственность, а на самом деле она заключается в технологических и социотехнических факторах труда. Поэтому не изменение формы собственности, а такие социотехнические перемены, как сокращение рабочего дня, увеличение свободного времени, приобщение рабочих к управлению производством, являются, по мнению Белла, тем средством, которое приведет к «гуманизации труда» и преодолению отчуждения⁸. В еще более частных явлениях видит причины отчуждения известный футуролог О. Тоффлер. «В капиталистическом мире, — пишет он, — во всем происходят необычайно быстрые изменения: в производственных технологических процессах, в модах, в стилях жизни. Эти быстрые изменения и являются источником отчуждения, ибо, отдавая им частицу своего «Я», человек превращается в «выгоревшую свечу»»⁹.

В книге «Общественная конструкция отчуждения»¹⁰, посвященной анализу понятия отчуждения, признается, что это понятие одно из самых распространенных в современной буржуазной философии. Это не случайно, ибо отчуждение пропитывает всю жизнь буржуазного общества и каждого живущего в нем человека. На этом основании многие теоретики делают вывод, что отчуждение — фатально, преодолеть его невозможно, и занимаются лишь подробным описанием отдельных форм и видов его проявления.

При анализе современного буржуазного общества особой популярностью у современных буржуазных философов и социологов пользуются теории значения и роли науки и техники. Наука и техника, несомненно, являются одним из факторов, влияющих на моральную атмосферу в обществе. Специалисты подсчитали, что «со второго по восьмое десятилетие нашего века сделано больше естественнонаучных открытий и внедрено больше технологических процессов, чем за все предшествующие тысячелетия, за весь период от зарождения самых примитивных зачатков человеческого мышления до возникновения уже исключительно развитой индустрии начала XX в. За 50—60 лет объем человеческих знаний увеличился вдвое»¹¹.

На основании подобных данных буржуазные социологи в течение длительного времени фетишизировали научно-технический прогресс, считая, что наука и техника

решат все проблемы человечества. И по сей день у этой идеи немало сторонников, в том числе теоретики постиндустриального и технотронного общества, представители официальной «оптимистической футурологии», автор концепции «третьей волны» О. Тоффлер. Правда, если раньше все надежды связывались с радио, авиацией, телевидением, ядерной энергией и т. д., то в последние годы — с развитием электроники, теории информации, генной инженерии. Но изменяются детали, а общим для этих теорий остается непоколебимая вера в могущество науки и техники, развитие которых выдается за панацею от всех бед и представляется как надежда на то, что научно-техническая революция заменит социальную, политическую революцию.

Вот как понимает «новую цивилизацию», или «третью волну» человеческой культуры, автор «Футурошока» О. Тоффлер: ««Третья волна» несет с собой подлинно новый образ жизни, основанный на диверсифицированных, возобновляемых источниках энергии; на методах производства, которые делают устаревшими большинство фабричных сборочных линий; на какой-то новой («не-нуклеарной») семье; на новом институте, который мог бы быть назван «электронным коттеджем»; на радикально преобразованных школах и корпорациях будущего. Формирующаяся цивилизация несет с собой новый кодекс поведения и выводит нас за пределы концентрации энергии, денежных средств и власти»¹².

Однако наряду с фетишизацией науки и техники существуют и иные тенденции — алармистские, подчеркивающие отрицательные последствия НТР, ее опасность для человека и морали, и фаталистские, предсказывающие гибель человека и человечества как логическое завершение «машинной цивилизации». Среди алармистов, бьющих тревогу по поводу засилья техники власти машин в западном мире, и крупные ученые, и знаменитые писатели, и деятели культуры, и сотни простых людей, испытавших на собственном опыте негативные последствия научно-технического фетишизма. В свое время против этих последствий предостерегал Норберт Винер: «Грехопадение нашего времени в том, что магические силы современной автоматизации служат для получения еще больших прибылей или используются в целях развязывания ядерной войны с ее апокалиптическими ужасами»¹³.

Тревогу по поводу разрушительного воздействия НТР на моральную сферу жизни человека высказал К. Лоренц в книге с выразительным названием «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества». Он писал, что одним из последствий развития науки и техники является «жажда богатства», «ослепляющая жажда денег»¹⁴. В книге «Что станет из людей» он отмечал, что НТР порождает в людях особое «техноморфное мышление»¹⁵, которое приводит к тому, что «современное общество на Западе признает деньги единственной ценностью»¹⁶, «человек все больше утрачивает такие благородные качества, как трудолюбие, гуманность, сострадание, честность, откровенность»¹⁷. И если 15—20 лет назад, в разгар упоения победами НТР, подобные прозрения были свойственны лишь наиболее проницательным и дальновидным буржуазным ученым, то сегодня они стали достоянием массового сознания. В США было проведено исследование общественного мнения по программе «Технология и общество», в ходе которого 78% опрошенных согласились, что «люди сегодня стали слишком зависимы от машин», а 73% — что «правительство и большой бизнес... низвели личность до положения перфорированной карточки в компьютере».

Группа исследователей Станфордского университета (США) не пожалела черной краски для изображения капитализма 80-х годов. «Хронический развал», «апокалиптическая трансформация», «начало страданий», «ограниченное безумие» — такие сильные выражения используются для описания «распространяющегося гниения, безнадежной борьбы с энтропией, настроений всепроникающего пессимизма, ритма развала — адажио безнадежности, не прерываемого нигде и никогда, депрессии, из которой никто не видит выхода, кризиса энергоснабжения, гиперинфляции, высоких цен на нефть как причины высоких цен на продовольствие и промышленные товары, роста безработицы, падения доходов, роста преступности, всеобщего нервного расстройства»¹⁸.

Однако перечисление этих ужасных явлений заканчивается весьма банальными выводами. В качестве спасительного рецепта предлагается не революционное преобразование «больного» общества, а его оздоровление «путем изменения ценностных ориентаций населяющих его людей: мастерство, смелость и инициатива американцев предотвращают социальный крах путем быстрой пере-

стройки»¹⁹ с помощью «установления общего фундамента веры: мир изменился бесповоротно, и остается долгий путь, который должен быть отмечен бережливостью, добрососедством, сотрудничеством, искренним стремлением к общественному единению и, наконец, упорным трудом как последней надеждой хотя бы на простое выживание»²⁰.

Таково весьма скромное моральное кредо, которое сегодня выдвигается как альтернатива устаревшему мифу предыдущего десятилетия о «всеобщем процветании», «изобилии», «равных возможностях» и т. п. Упорный труд и бережливость предлагаются как цена за сохранение капитализма. Но это старая песня — именно этих христианских добродетелей идеологи эксплуататоров веками требовали от трудящихся. И совсем иные требования предъявляли они имущим, защищая их богатство и интересы.

Эксплуататорское общество не ставит и не может ставить своей задачей уничтожение бедности. Известный американский ученый С. Ленс писал, что капитализму было суждено «породить новые виды бедности...»²¹. Американские социологи с горечью констатируют такую отталкивающую черту американского образа жизни, как стремление кичиться своим богатством, рекламировать убогие радости «сладкой» жизни. Социолог П. Холландер пишет о специальных рубриках светской хроники в ведущих газетах капиталистических стран, где описывается образ жизни «высшего света»: путешествия на собственных яхтах, дорогостоящие охоты, многотысячные приемы и т. п. В одной из передач американского телевидения миллионерша, разъезжая в белом «кадиллаке» по своей усадьбе, объясняла: «Здесь мой розарий, здесь мой крематорий»²².

Отравляющие моральную атмосферу капиталистического общества социальное и имущественное неравенство, антагонизм нищеты и богатства открыто признаются многими западными социологами. Профессор Филадельфийского университета Дж. Рейнз в книге «Иллюзии успеха. Мечты и реальность среднего класса» констатирует: «Изобилие, вертикальная мобильность и свобода возможностей — таковы американские мечты, которые более скрывают, чем проясняют, американскую реальность. Мы — не общество средних классов, мы не мобильны, и наше изобилие не так уж велико»²³. Отметим,

что эти истины не являются откровением и для широких слоев населения капиталистических стран. По данным специального социологического исследования, на вопрос «Считаете ли Вы правильным мнение, что богатые становятся богаче, а бедные — беднее?» в 1966 г. положительно ответили 46% опрошенных, а в 1973 г. — 76% ²⁴.

Следствием антагонистического противоречия бедности и богатства, культа денег, культа потребления, когда вещи становятся символами достижений и успехов людей, их престижа, является рост преступности во всех экономически развитых странах капитализма. Приведем свидетельство уже упоминавшихся исследователей из Станфордского университета: «В середине 70-х годов половина американцев боялась прогуливаться поздно вечером в своем собственном районе. Наиболее вероятный исход для чернокожего мужчины в возрасте от 25 до 35 лет — это быть убитым. Страх перед насилием стал частью американского образа жизни. С какой бы меркой к этому ни подходить, преступность быстро разрастается. С 1967 г. число преступлений с применением насилия растет в среднем на 7% ежегодно, а среди них наивысшими темпами растет число изнасилований. В 1979 г. жертвами насилия стало более 12 млн. человек. Если темпы роста преступности сохранятся, то к 2000 г. в США ежегодно жертвами насилия будут 40 млн. человек. В 1960 г. в США было продано 600 тыс. единиц огнестрельного оружия, в 1979 г. эта цифра возросла до 2,4 млн. единиц, или на 400%. Параллельно возрастает и число людей, убитых этим оружием. В 1960 г. с помощью огнестрельного оружия было убито более 4 тыс. человек. В конце 70-х годов число смертей от применения огнестрельного оружия составляло около 14 тыс. в год. Ни одно другое государство среди промышленно развитых стран не имеет таких высоких темпов роста преступности, как США. Смерть в результате насилия в 3—20 раз более вероятна в США, чем в любой другой стране... Мы тратим все больше средств, чтобы защитить себя, но преступность и страх перед преступностью растут по экспоненте. В какой-то момент в следующие два десятилетия эта картина должна перемениться, иначе мы достигнем точки, когда вскоре после 2000 г. каждый человек в Америке станет жертвой насилия. Но каким образом переменить картину и остановить неумолимый

рост преступности?»²⁵ Авторы оставляют этот вопрос без ответа.

Западногерманский социолог Ф. Хакер, констатируя рост насилия, пишет: «Уже более 150 лет на Западе каждую минуту один человек убивает другого. За последние 50 лет этот интервал сократился на 20 секунд»²⁶. В связи с ростом преступности, насилия в буржуазной социологии оформилась самостоятельная отрасль — «социология насилия», которая стала в настоящее время чуть ли не самой развитой: о насилии ежегодно выпускается несколько сот книг. Буржуазная социология поистине отражает портрет буржуазного общества, забывая, однако, что она обязана давать и теоретическое объяснение изображаемых явлений.

Тенденции дегуманизации отношений между людьми, деперсонализации личности, культ наживы оказываются особенно разрушительными в сфере семьи. Все чаще в странах капитализма выходят работы под кричащими заголовками: «Гибель семьи», «Последние дни моногамии», «Сексуальное бездорожье» и т. п. В одной из них говорится, например, что в настоящее время, в конце XX в., происходит разрушение семьи: на смену брачной паре пришли групповой секс и коллективная любовь. «Групповой секс — одно из самых сильных течений западного образа жизни»²⁷. Разрушение семьи порождает новые проблемы: увеличение количества разводов, одиночество стариков, безнадзорность молодежи и, как следствие этих процессов, рост числа самоубийств.

Авторы книги «Последние дни моногамии» — западногерманские социологи Хавас и Паувелс приводят такие данные: 53% самоубийств жителей Западного Берлина вызваны брачными и сексуальными проблемами²⁸. Американские социологи предостерегали: «К 1990 г. термин «средняя семья» потеряет всякое значение. Вещи, для которых нет названия, исчезают — именно это и произошло с семьями. Хотя воспроизводство населения продолжалось, семья, как единица, продолжала распадаться. В 80% всех домохозяйств работают оба родителя, и семья в среднем сохраняется лишь шесть лет. С обоими родителями сразу живет все меньшее число детей. А после отречения от семьи стала исчезать и молодежь»²⁹.

О. Тоффлер, анализируя взаимоотношения между людьми в семье, предлагает следующую их интерпретацию: единая мораль и общезначимые моральные цен-

ности перестают существовать, уступая место дифференцированным нормам морали, практикуемым в каждой отдельной субкультуре — тинейджеров, хиппи, исследователей космоса, преступников, специалистов в области лазерной техники и т. п. Причина этого раздробления морали — бурное развитие науки и техники, научно-технический прогресс. «Сегодняшние технологические изменения и социальные сдвиги, — пишет он, — означают конец дружбы, любви и других человеческих ценностей, свойственных полноценной личности»³⁰.

Как мы отмечали, хронический кризис моральных ценностей, который уже невозможно отрицать, признается сегодня подавляющим большинством буржуазных социологов, но даваемые ими объяснения таковы, что разные производные причины — в данном случае развитие науки и техники — абсолютизируются, и при этом остаются в тени главные причины — социальные, коренящиеся в природе буржуазного общественного строя, на основе которых возникают общество вне морали и человек вне морали.

Приведенные мнения, высказывания и рассуждения буржуазных социальных философов дают возможность судить о том теоретическом уровне, до которого может подняться современная буржуазная теория. Однако существуют и гораздо более примитивные идеи и концепции, лежащие в русле официальной апологетики, в которых изображается в розовом свете настоящее и будущее буржуазной морали. Их задача состоит в том, чтобы вопреки очевидным фактам утверждать мнимые преимущества буржуазного морального сознания, его жизнеспособность, чтобы выдавать его за альтернативу коммунистическому моральному сознанию. Такого рода апологетические теории с отчетливым креном в антикоммунизм и антимарксизм весьма многочисленны. Их создают не только профессиональные политики и социологи, но и представители массовой культуры — авторы бестселлеров и кинобоевиков, поп-музыки. У этого крайне правого крыла буржуазной идеологии и социологии есть свои «знаменитости», свои «теоретики». Какой же логикой они пользуются, какие идеи могут предложить на идеологическом рынке?

Прежде всего это разного рода идеологические мифы, различные иллюзии, всякого рода безответственные обещания. Особенно много их появляется в моменты острых

политических кризисов, в периоды предвыборных кампаний и в критических ситуациях. «А может быть, нас ожидает полное процветание?» — задают вопрос теоретики официального буржуазного оптимизма, раскрывая понятие «полное процветание» следующим образом: высокий рост энергопотребления, благоприятный климат, изобилие дешевого продовольствия, средняя зарплата 50 тыс. долл. в год. Для получения этого они рекомендуют в качестве «ориентирующих тенденций» придерживаться «ценностей достижения»: делать упор на материальные приобретения, статус, славу, богатство, признание, продвижение по службе, успехи в бизнесе, положение в обществе, конкурентоспособность³¹.

Еще более выпендренно рекламируется будущее, которого якобы может достичь Америка, в программе республиканской партии США. Мощь Америки растет. Распространение советской идеологии приостановлено. Люди настроены оптимистически и удовлетворены американским экспериментом. Триумф технологии. Многие живут богаче, чем когда-либо ранее: все больше персональных компьютеров и автоматических кухонь попадает в руки среднего класса. Путешествия во время отпусков. Высшее образование, совершенное здравоохранение. Гонка за экономическим успехом ведется по-прежнему активно, так как награды остаются привлекательными и достижимыми. Таким образом, американцам обещано только материальное благополучие и ничего не сказано о личной свободе, духовной культуре. Но и эта картина вызывает глубокое недоверие у американцев. Г. Канн мрачно предсказывал, что «главной проблемой, с которой столкнется Америка к концу XX в., будет проблема не процветания, а дегенерации»³².

Но главное даже не в этом. Каковы же средства достижения процветания? Они настолько далеки от реальности, что кажутся принадлежностью области фантастики. Это «технические возможности программирования ощущений и чувства удовольствия, изменение настроения». «С помощью таких чудодейственных средств, — с мрачным юмором пишут исследователи из Станфордского университета, — удастся окончательно переменить настроения американской публики: хотя численность нуждающихся городских бездомных в 80-е годы возросла в 10 раз, привычный вид нищих и бродяг не повлиял на энтузиазм так же, как и банды молодежи, предающейся

преступности с жестокостью, иррациональностью и извращенностью»³³. Стало быть, все надежды возлагаются на «переделку сознания»: на этот раз на психику будут воздействовать с помощью особых лекарств и лекарей — «инженеров психики» или «инженеров-психиатров», как предлагают именовать психологов. Как видим, попытки идеализировать буржуазное общество продолжают. Но делать это становится все труднее: мешает сама капиталистическая действительность.

Заведомо невыполнимую задачу лобового оправдания капитализма с моральной точки зрения, вновь выдвинутую на повестку дня подъемом неоконсерватизма, сегодня берутся решать лишь немногие волонтеры апологетической идеологии. Работ такого малопопулярного жанра в наше время можно насчитать буквально единицы. В последнее время появилась пара таких работ. Одна под вышедшим из моды лет двести назад заголовком «Этика капитализма»³⁴ недавно издана в ФРГ. Ее автор с первых страниц заверяет, что книга не носит апологетического характера, что в его намерения входит «критический анализ этических основ капитализма». Однако очень скоро даже самый доверчивый и простодушный читатель замечает, что автор пытается решить в принципе неразрешимую задачу: доказать моральность капитализма. Поскольку сделать это крайне трудно, ему приходится идти на целый ряд подтасовок.

Во-первых, на место капитализма как социально-экономической формации с присущей ей формой собственности, системой хозяйства, классовой структурой, политикой, культурой и моралью ставится капитализм как хозяйственная система. Вопрос об этике капитализма превращается в вопрос об этике хозяйственной системы.

Во-вторых, подменяется и понятие этики, морали. Вопрос ставится в абстрактном виде и звучит так: «Является ли капитализм, учитывая ограниченность естественных ресурсов и ограничения, которые ставит человеческая природа, достойным человека и правильным хозяйственно-экономическим устройством?» Вопрос риторический, и ответ, даваемый автором, довольно туманный: «Капитализм можно морально санкционировать путем обращения к природе вещей, т. е. к специфической функции хозяйства и к возможностям самореализации человека в условиях этого хозяйства»³⁵. Как видно, для морального оправдания капитализма автору понадоби-

лось обратиться не только к «природе человека», но и к «природе вещей».

В последующих четырех частях книги автор ведет речь о свободе, эффективности и связи между ними, об «эмансипации» капитализма от обычаев, религии и культуры, об автономном существовании сферы бизнеса, который ушел из-под контроля норм обычаев и моральных норм, о развитии «европейского духа индивидуализма», о «социальной метафизике» объективизма и субъективизма, о «чрезмерной жажде обладания», о двух типах рыночного хозяйства и о многом другом.

Все эти «чисто теоретические», абстрактные рассуждения совершенно ничего не говорят ни о противоположности классовых интересов, ни о социальной сущности содержания свободы. В рассуждениях по вопросам экономики автор не идет дальше Милля. Недостатки капитализма он объясняет весьма оригинально, а именно тем, что эта общественно-экономическая система нигде не смогла осуществиться в «идеальном виде» — везде ей мешали ограниченности природных ресурсов и природы людей. Если бы не это, капитализм можно было бы морально оправдать как строй, якобы сумевший «так организовать множество индивидуальных целей и стремлений, что моральная и экономическая свобода стала возможной не в состоянии «войны всех против всех», а в состоянии мирной домашней войны, результатом которой всегда является компромисс»³⁶.

Стоит ли говорить, что такой идиллии не существует в реальной жизни ни в США, ни в ФРГ, ни тем более в Чили или в ЮАР. Она существует только в голове «чистых теоретиков». Но еще Ф. Энгельс заметил, что «в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции»³⁷. Именно такая судьба постигает и социальных теоретиков морали современного буржуазного общества.

Итак, новейшая буржуазная социология рисует пеструю, мозаичную, калейдоскопичную картину современной буржуазной морали и нравов. Преобладают в ней мрачные тона, есть в ней цвета тревоги и опасения, но в конечном счете все перекрывает желтый цвет искусственного успокоения. Как определить жанр нарисованной картины? Его нельзя назвать ни реализмом, ни фотогра-

фией, ибо этим жанрам присуща достоверность. Это и не абстракционизм, поскольку действительность все же прорывается и просматриваются ее отдельные, вполне реалистические детали. Общий стиль этой картины вернее всего определить как коллаж — весьма современный жанр, родившийся не столь давно, чтобы выразить сумбурный характер сегодняшней буржуазной действительности. Он не укладывается ни в один из традиционных жанров, ибо содержит газетные лозунги и слова модных песенок, предметы реального мира и сюрреалистические aberrации, груды вопиющих фактов и иллюзорные надежды. При этом все скомпоновано вместе, без разбора, главное не отделено от несущественного. Тягостное впечатление производит такой коллаж. Но к нему следует относиться как к адекватному изображению «разорванной действительности» и как к исходному материалу для критической оценки: только в этом случае детали этой картины становятся на свои места, а вся она обнаруживает свой истинный смысл.

Социологическое «обоснование» аморализма

В конце XIX — начале XX в. повысился интерес буржуазных ученых к социологии, к конкретно-научному изучению общественных явлений, к исследованию жизни общества и человека как члена общества. В этот период возникли крупные социологические школы: французская, наиболее известными представителями которой были О. Конт, Л. Леви-Брюль и Э. Дюркгейм; немецкая — М. Вебер, Г. Зиммель и др.; английская — Дж. Ст. Милль, И. Бентам и Г. Спенсер, американская — Дж. Дьюи и У. Джеймс, А. Смолл, Ч. Кули, А. Росс, У. Самнер и др. Теоретики этих школ обращали пристальное внимание на проблемы морали в социальном контексте, очерчивали круг социологических проблем морали, пытались разработать социологические методы исследования морали.

Социологические подходы к морали возникли не на пустом месте. Им предшествовала длительная историческая традиция, берущая начало чуть ли не с древнегреческой этики, в которой уже содержались блестящие догадки относительно социальной природы морали и давались достаточно точные описания быта и нравов тогдашних обществ. Однако если в этике древних существовали именно отдельные гениально угаданные элементы, не составлявшие еще единого теоретического целого, то в английской этике XVII в., развивавшейся под сильным влиянием материализма, а тем более в этике французских материалистов XVIII в. уже были созданы достаточно стройные социальные модели морали. Мораль исследовалась в них в первую очередь как социальное явление, т. е. рассматривалась в связи с обществом, государством, общественной средой, политикой и системой хозяйства.

В XIX в. на развитие социологии в широком смысле слова оказал огромное влияние марксизм. Диалектико-материалистический метод требовал видеть за идеальными явлениями, в том числе и моралью, их экономические и социальные корни, их классовую природу.

Таким образом, на протяжении многих столетий социальный анализ морали осуществляли представители материализма — сначала метафизического, а затем диалектического. Идеалисты вплотную приступили к социологическому анализу морали и общества только в XIX в., пытаясь при этом извратить материалистическую идею общественной природы морали. Социологи-идеалисты восприняли наличие связи между моралью и обществом, неправильно истолковав при этом как сущность общества и морали, так и характер имеющейся между ними связи. Как же в буржуазной социологии шло осознание идеи связи морали и общества, становление методов социологического исследования морали?

Прежде всего представители буржуазной социологии выступили с критикой традиционной теоретической этики. Они начали с того, что заявили о невозможности научно обосновать этику, которая как теоретическая наука якобы не имеет права на существование, ибо все усилия доказать решение моральных проблем, дать их однозначное истолкование оказались напрасными. Поэтому, утверждали они, искать решение проблем морали нужно на основе строго фактического знания с использованием новых, эмпирических методов. Отсутствие проверенных опытных данных и методов эмпирических исследований явилось, по их мнению, причиной того бедственного состояния, в котором находилась этика на рубеже прошлого и нынешнего столетий.

Так, во «Введении в науку о морали», написанном еще в 1892 г., Г. Зиммель писал, что наука о морали должна давать только ее социологическое, историческое и психологическое объяснение и описание. Если этика хочет быть «позитивной наукой», она должна опираться на факты. Она может быть либо частью социологии, т.е. давать описание форм общественной жизни, лежащих в основе нравственного должествования индивида, его мотивов и действий, либо частью истории и в этом случае сводить каждое моральное представление к его примитивной, зародышевой форме, а его развитие — к его историческому становлению и считать главным исторический анализ, а не понятийный. Наука о морали может быть и частью психологии, и тогда предметом ее анализа становятся индивидуальные волевые акты, чувства и суждения, содержание которых оценивается как нравственное или безнравственное¹.

С критикой теоретической этики выступил и Л. Леви-Брюль, написавший книгу «Мораль и наука о нравах»². Первая часть его книги называется «Нет никакой теоретической морали и ее не может быть». Обосновывая свою позицию, он утверждал, что предметом научного познания являются факты и их законы; теоретическая же этика должна быть нормативной наукой, т. е. устанавливать высшие цели действия и правила поведения. Но таковая в принципе невозможна, ибо не может быть построена ни на основе опыта, ни априори. «Действительная наука о морали может состоять лишь в анализе моральной действительности, прошлой и настоящей», а этим занимаются социология и история.

Представитель позитивизма А. Росс в книге «Критика так называемого практического познания» предлагал заменить теоретическую этику еще одним вариантом эмпирического знания: «На место теоретической этики, которая есть лишь философская моральная спекуляция, должна быть поставлена наука о моральных явлениях — этология»³. «Этологию» он понимал как собрание «моральных материалов», т. е. установление и описание всех моральных выражений данного времени, как «псевдосистематизацию известного уровня специфических общих моральных формул согласно их псевдосмыслу, как описание реальных моральных импульсов и отношений, ими обусловленных, как объяснение морали, которое есть познание общих законов моральных явлений»⁴.

Идею о превращении этики из теоретической науки в чисто эмпирическую, опытную науку развивал Дж. Дьюи. В книге «Теория оценки» он писал, что ценностные суждения нужно понимать как высказывания об определенных видах человеческого поведения, а именно о реакциях на существующие ситуации и о предвидении возможных ситуаций. Так, масса энергии, потраченной на действия, определяет их ценность⁵. Поэтому моральные суждения уже не бессмысленные выражения, а предметные высказывания. То, что составляет их содержание — виды поведения, цели и средства, — может быть установлено через наблюдение и верифицировано⁶. Так, теория оценки превращается, по Дьюи, в эмпирическую фактическую науку⁷.

В русле позитивистской социологии вырисовывалось новое понимание этики как описательной, эмпирической науки, задача которой должна состоять в том, чтобы

устанавливать, какие моральные воззрения и почему в определенной среде и в определенное время имели и имеют значение, каковы причины того, что они были и есть. Для решения этой задачи нужно привлекать материалы этологии, этнографии, археологии, истории культуры. При этом сбору фактического материала о нравах и быте первобытных людей, различных народов мира придавалось особое значение, поскольку он дает ключ к решению таких этических проблем, как происхождение и функционирование норм, правил, требований и запретов.

Наиболее четко тенденцию к социологизации этики выразил Э. Дюркгейм. Именно он предложил термин «социология морали», провозгласил необходимость социологического обоснования морали, использования методов социологического исследования морали и пытался создать новый образ этики — эмпирической науки. В книге «О разделении общественного труда» Дюркгейм писал, что она представляет собой попытку обсудить факты моральной жизни методами позитивной науки, проанализировать моральные факты, содержащиеся в опыте, исследовать их функции и причины. Социологический метод исследования морали, согласно Дюркгейму, позволяет осознать связь морали и общества: моральные требования поддерживаются индивидом потому, что он живет в обществе, в социальном окружении, подчиняясь его законам, мораль состоит в солидарности с группой⁸.

По Дюркгейму, два главных вида групповой солидарности — схожесть индивидов друг с другом и их труд — служат источником моральных и правовых норм и правил. Мораль выступает при этом как обобщение условий социальной солидарности⁹. Изменчивость в содержании морали и динамика ее развития также зависят от социальных условий¹⁰. Дюркгейм утверждал, что не существует единой морали, имеются лишь различные моральные факты. В то же время он утверждал, что среди различных правил морали нужно различать нормальные и ненормальные. Он ввел даже специальный критерий для различения нормальных и патологических правил морали и подчеркивал, что нельзя подчиняться таким правилам поведения, которые неморальны. Критерием оценки моральных правил он считал мнение большинства. Социология морали, по Дюркгейму, должна исследовать моральную жизнь общества в ее фактологичности, что

позволяет освободить этику от абстрактных и интуитивных, т. е. строго не доказанных, построений.

Дюркгейм считал «социологию морали» «физикой обычаев»; оба термина принадлежат ему и широко употребляются его последователями¹¹. Под «физикой обычаев» так же, как и под «социологией морали», он понимал такое исследование морали, которое сходно с исследованием явлений природы; это близко к тому значению, которое Леви-Брюль вкладывал в понятие «наука об обычаях». Леви-Брюль писал: «Когда наука установит, каким образом возникла каждая обязанность совести, как она развивалась и приобретала принудительную силу, какие результаты она вызвала и какие функции она еще выполняет в обществе, — тогда мы будем знать, в какой мере необходимо и возможно ее изменение»¹².

Однако социология морали понималась при этом не как один из разделов социологии или этики. Первоначальный замысел состоял в том, чтобы заменить традиционную этику как науку новой, эмпирической, социологической ее разновидностью — социологией морали, методология которой в корне отличалась бы от способов исследования и решения моральных проблем, присущих старой, традиционной этике. Предполагалось, что «социологизированная этика», оперирующая фактами и исследующая реальную моральную жизнь, имеет преимущества перед морализаторской, абстрактно-спекулятивной, оторванной от жизни этической теорией. Но дальше провозглашения этой идеи и выдвижения системы аргументов в пользу ее обоснования дело не пошло и в школе Дюркгейма. Дюркгейм и Леви-Брюль, провозгласив необходимость социологии морали как науки об обычаях и нравах, не дали ясного представления ни об основных ее проблемах, ни о специфических методах исследования.

Что же помешало конституированию этой науки и ее дальнейшей разработке? Это объясняется как теоретическими, так и практически-техническими причинами. Одна из них заключается в ограниченности эмпирических методов. Ведь социология морали может изучать моральные отношения именно в том виде, в каком они сложились в обществе, исследовать реальное соотношение интересов, чувств, склонностей и обязанностей конкретных людей, не вдаваясь в их причины. Социология морали может также исследовать различные формы развития

морали в разных средах, классах и обществах; она призвана описывать и фиксировать моральные воззрения, существующие в определенной среде в данное время. Но такая эмпирическая наука о морали не может, строго говоря, содержательно сравнивать различные виды морали, ибо в этом случае критерий оценки лежит в сфере теоретических рассуждений. Эмпирическая наука о морали не может также давать критику существующих видов морали, так как для этого тоже необходимо подняться выше фактологического уровня развития морали и встать на позиции теоретической этики, выйти в сферу моральных ценностей и идеалов, перейти от сущего к должному.

Вторая причина состоит в трудности конкретно-социологического исследования морали, проистекающей из не определенности самого понятия морали, а также из ее специфического характера. Социология культуры, социология права, социология религии, искусства и других форм общественного сознания развивались и развиваются более быстрыми по сравнению с социологией морали темпами во многом именно потому, что они имеют свои институализированные формы. Мораль оказалась самой «неуловимой» формой социальной практики, наиболее трудно поддающейся изучению эмпирическими методами исследования. Ее слитность, неотделимость, нераздельность с самыми различными общественными явлениями, ее «растворенность» в них явились причиной тех трудностей, которые сопровождали социологию морали с самого начала ее развития.

Третья причина состояла в том, что создатели социологии морали неверно определили ее статус. Примерно к середине 30-х годов была четко осознана неправомерность попыток заменить социологией морали этику и свести всю проблематику этики к социологии. Было общепризнано, что социология морали является лишь составной частью этики, т. е. вместо позитивистской установки рассматривать этику как часть социологии возобладала точка зрения, согласно которой этика должна быть «дополнена» социологией морали, «социологизирована» с целью придания ей фактологического основания и обогащения ее эмпирической базы. Именно в таком качестве социология морали существует в буржуазном мире и в наше время.

Однако до сих пор остаются нерешенными многие

теоретические вопросы. Прежде всего не вполне ясен сам термин «социология морали». Несмотря на то что имеется ряд работ, посвященных непосредственно социологии морали, и некоторые социологи пытаются проанализировать содержание и объем этого понятия, еще не преодолены сомнения в правомерности его использования.

Как известно, конкретно-социологические методы стали широко применяться при изучении моральных явлений только в XX в., особенно начиная с 20-х годов. Это относится прежде всего к таким методам, как широко-масштабные опросы и анкетирования. Поэтому, как нам кажется, можно утверждать, что буржуазная социология морали существует всего 50—60 лет. Однако такие методы социологического исследования морали, как наблюдение, обобщение личного и чужого жизненного опыта, знакомство с дневниками и воспоминаниями людей, описание и изучение быта и нравов, несомненно относящиеся к эмпирическим методам, издавна входили в арсенал моралистов и этиков. В типично морализаторских работах предшествующих времен, как правило, широко использовались «жизненные примеры», глубокомысленные сентенции, почерпнутые из жизненного опыта много испытавших людей. В этом смысле социология морали, понимаемая как бытописание, изображение нравов своего времени, людских добродетелей и пороков и т. д., уходит в далекое историческое прошлое и существует уже несколько тысячелетий. Мы ограничимся, как было сказано, лишь современной буржуазной социологией морали в узком смысле, т. е. исследованиями быта и нравов, морали и моральных представлений людей сегодняшнего капиталистического мира, основанными на конкретно-социологических, эмпирических данных.

Многие социологи морали, ведущие исследование проблем морали методами социологии и получающие интересные результаты, избегают широко пользоваться самим термином «социология морали», предпочитая различные, часто еще менее удачные его заменители — «этос», «стиль жизни», «ценностные ориентации», «моральные установки и оценки» и т. д. Главной причиной этого, по нашему мнению, являются неопределенность понятия морали в современной буржуазной этике и слишком широкое его толкование¹³. В процессе критического анализа современной буржуазной социологии морали мы будем стремиться вскрыть ее недостатки, по-

казать неразрешимые антиномии и непреодолимые трудности.

Самые различные сферы моральных явлений, моральные проблемы становятся полем эмпирических исследований. Это и глобальные вопросы типа «Что представляет собой мораль современного американского общества?» и «Каковы моральные представления современных верующих?», «Каковы представления людей о счастье?», «Каковы моральные идеалы современной молодежи?», «Каковы требования, предъявляемые современными людьми к семейной жизни?» и т. д. Говоря об этих исследованиях, необходимо выделить некоторые общие черты, свойственные всем тем разноплановым, калейдоскопическим работам, которые и образуют социологию морали.

Прежде всего подавляющее большинство работ по социологии морали за последнее десятилетие характеризуется преобладанием мотивов критицизма и скептицизма в оценке нравов современного буржуазного общества. В различных формах — от самых крайних и резких до более умеренных — социологи морали подвергают сомнению способность современного буржуазного общества хранить и развивать высокие моральные ценности и принципы. В период 60—70-х годов общая негативная оценка состояния морали капиталистического мира стала столь широко распространившейся модой, что почти вытеснила откровенно апологетические теории. Лишь в самые последние годы вновь возобладали тенденции консерватизма и неоконсерватизма.

Это не означает, что моральный скептицизм выливался в критику капитализма в целом. Дело обстояло сложнее: пафос негодования по поводу пороков современного буржуазного общества скептики изливали в самых резких формах, когда речь шла именно о морали. Критиковать модно (и даже необходимо для снискания популярности) конкретные стороны, явления, поступки отдельных людей или групп, но не буржуазный строй как политико-экономическую систему в целом. Поэтому и скептицизм в оценке морального состояния общества никогда не поднимался до критики капитализма в целом и даже использовался иногда для его оправдания. Тем более это относится к откровенной апологетике. Замаскированная под «острую критику», по своей сути она всегда была лояльна по отношению к капитализму. Это

необходимо иметь в виду, чтобы правильно ориентироваться в возникающей время от времени моде на «критическую» социологию морали и «либерализм».

Специфической чертой современной буржуазной социологии морали является противоречивость предлагаемых ею решений вопроса о судьбах морали в сегодняшнем и будущем капиталистическом обществе. Сосуществуют две прямо противоположные тенденции. Первая выражается в пророчестве гибели морали и деградации всех моральных ценностей в будущем. Она связана с современным кризисом капитализма и отражает объективные закономерности его развития. Вторая тенденция заключается в провозглашении будущего морального возрождения, появлении «новой морали», спасении человека и человечества от нравственных пороков. Последняя тенденция, идущая в русле «оптимистической футурологии», несмотря на ее оптимизм, имеет весьма слабую фактологическую базу и опирается в основном на веру в лучшее.

Наконец, еще одну черту буржуазной социологии морали составляет тенденция к усилению антимарксистской и антикоммунистической направленности. «Опровержению» коммунистической морали, а значит, защите буржуазной морали служат самые различные приемы из арсенала методов социологии морали. Указанная тенденция выражает реакцию буржуазных моралистов на успехи сформировавшейся новой, социалистической морали в странах социализма, на реальные достижения в коммунистическом воспитании трудящихся в этих странах.

В данной работе термин «социология морали», как уже указывалось, используется для обозначения исследований морали современного буржуазного общества, которые условно можно назвать описанием реальных нравов этого общества. С помощью этих исследований, во-первых, изучаются моральные представления и мнения по конкретным моральным проблемам различных социальных групп и отдельных людей буржуазного общества, во-вторых, прогнозируются пути и тенденции развития буржуазной морали. При этом исследователи моральных проблем часто используют методы эмпирической социологии — опросы, анкетирование, тесты, самоотчеты и др. Характерной особенностью социологии морали, на наш взгляд, можно считать метод исследования мораль-

ных проблем средствами конкретно-социологического, эмпирического анализа. При всем несовершенстве подобного определения оно оказывается достаточным для употребления в качестве рабочего.

Как уже говорилось, современная буржуазная социология морали характеризуется большим разнообразием тем, объектов и уровней исследования. Мы остановимся лишь на некоторых проблемах, на наш взгляд характеризующих современную буржуазную социологию морали в целом, ограничившись тремя большими группами вопросов: как в буржуазной социологии характеризуется и оценивается состояние морали современного буржуазного общества? какие изменения, происходящие в морали на данном этапе развития капитализма, выявляются и фиксируются и какие пути развития буржуазной морали в ней предсказываются?

1. Буржуазная мораль в зеркале эмпирической социологии

В известной сказке А. С. Пушкина о спящей царевне упоминается некое загадочное зеркальце. Волшебное свойство его состояло в том, что оно с готовностью сообщало тому, кто в него смотрелся, что «милее, румяней и белее» нет никого на свете. Но так было лишь до тех пор, пока не появилась где-то молодая красавица, что была действительно лучше всех в целом свете. Тут уж и зеркальцу пришлось сообщить об этом своей прежней владелице.

Нечто подобное произошло и с буржуазной социологией. Пока существовало только капиталистическое общество, она твердила о его прелестях. Но после победы социализма и образования мировой социалистической системы идеологическое зеркало капитализма все чаще вынуждено отображать зримые приметы исторической обреченности этого общественного строя, его пороки и против своей воли говорить о молодом, набирающем силу мире социализма.

Рассмотрим пристальнее картину буржуазной морали и нравов, которая отражается в зеркале буржуазной эмпирической социологии.

Для характеристики морального состояния буржуазного общества используются различные эпитеты¹⁴. Одно из определений буржуазного общества как «больного об-

щества» было дано Э. Фроммом еще несколько десятков лет назад, но сохранило свое значение до сих пор.

Хронологически следующим за фроммовской характеристикой был диагноз, поставленный буржуазному обществу с позиций моральной оценки социологами Франкфуртской школы социальной философии Г. Маркузе, Ю. Хабермасом, Т. Адорно и др., — «одномерное общество», «репрессивное общество».

В социологии критического толка бурных 60-х годов, ознаменовавшихся молодежной «революцией», движением хиппи, подъемом феминистского и негритянского движений, возникли новые оттенки в критике буржуазной морали: подчеркивалось усиление тенденций аморализма, и буржуазное общество стало именоваться обществом «вседозволенности», «пермиссивным обществом» (т. е. разрешающим, позволяющим все и всяческие нарушения моральных норм), обществом коррупции. В эти годы вышла книга американского публициста Ф. Кука «Страна коррупции. Социальная мораль современной Америки»¹⁵, где на огромном фактическом и статистическом материале были показаны различные стороны морального кризиса господствующей элиты американского общества. Автор убедительно доказывал, что в сфере бизнеса, в погоне за деньгами нет и не может быть никакой этики, никакой морали. «Современное американское общество, — писал Ф. Кук, — это общество, где деньги стали этикой, а мораль, которой мы следуем на практике, является прямой противоположностью той морали, которую мы проповедуем на словах»¹⁶. В конце книги автор делал вывод: «Современное американское общество — это лицемерное общество, оно на словах громко провозглашает ту самую этику, которую давно отвергло на деле. Это общество, где человек и его интересы перестали приниматься в расчет... В этом мире наступила смерть морали»¹⁷.

В 70-е годы характеристику моральной атмосферы Америки продолжил социолог и публицист Ч. Рейч. По его мнению, в современной Америке существуют три типа ценностных ориентаций, или, как он их называет, три типа сознания¹⁸. Первый тип сформировался в XIX в. и основывался на вере в энергию и труд отдельного индивида как традиционное мировоззрение американских фермеров, мелких бизнесменов, рабочих, которым свойственно стремление выдвинуться. Для него характерно

убеждение, что жизнь — это суровая борьба за существование, за личное благополучие. Однако эти ориентации и убеждения все чаще приходили в столкновение с капиталистической реальностью, где человек отчужден от результатов его труда и где каждый желающий выжить включается в безудержную погоню за деньгами, добываемыми любыми средствами, а не только честным трудом и личными усилиями.

Второй тип сознания Рейч называет «корпоративным». Оно проникнуто ощущением безграничной власти корпоративного государства над жизнью и судьбой отдельного человека. Человек начинает понимать, что главные силы в обществе — государство, законы, промышленность, наука и техника. Моральное сознание человека расщепляется на две сферы — общественную и личную. «Индивид имеет две роли, — поясняет Ч. Рейч, — две жизни, две маски, два набора ценностей. Существует человек общественный и человек частный»¹⁹. «Общество, в котором человек должен играть свою роль, — продолжает он далее, — превращается в тюрьму, жестко ограничивающую такие фундаментальные аспекты личности, как взаимоотношения с людьми, самовыражение, образ мыслей, цели и стремления»²⁰.

Третий тип сознания представляет собой своеобразную реакцию на первые два: он появился недавно и тесно связан с молодым поколением американцев, с бунтующей молодежью. «Дети видели, — пишет Рейч, — как рушатся браки, потому что нет ничего, что скрепляло бы их, они ощущали цинизм, отчуждение, отчаяние даже в образцовых домах Америки»²¹. Они видели общество насквозь лживое и лицемерное, а в нем — войны, расизм, отсутствие свободы и демократии, фальшь, ханжество.

По мысли американского социолога, третий тип сознания — это реакция на глубокий моральный кризис американского общества, проникнутая духом критики. Чтобы оттенить преимущества этого типа сознания, свойственного молодежи, Рейч не жалеет резких эпитетов для описания прогнившего морального и духовного стиля жизни современного буржуазного общества. Состояние буржуазной морали в Америке 60-х годов он выразил словом «кризис», а выход из кризиса он увидел в новой морали. Этот вывод американского исследователя типичен для всей так называемой критической социологии. Это, так сказать, высшая точка, до которой может под-

няться буржуазная социология морали в рамках идеалистической методологии социального анализа буржуазного общества.

Почти целое десятилетие (70-е годы) в социологической литературе капиталистических стран ситуация в области морали и нравов рисовалась как ситуация «встревоженности», беспокойства и страха за необратимое разрушение моральных ценностей. В книге Дж. Фулбрайта «Гигант-калека» (так автор именует современное американское общество) утверждается, что Америка представляет собой «встревоженное общество», где большинство традиционных гуманных, рациональных ценностей поставлено под угрозу. «О том, насколько страна верит в провозглашенные ею моральные ценности, лучше всего судить по той легкости или трудности, с какой она их предает. Америка переживает сейчас исключительные трудности, отрекаясь от идеалов Джефферсона, Линкольна и Вильсона»²².

Что же понимает Дж. Фулбрайт под «встревоженным обществом»? «Господствующим политическим настроением в Америке в последние годы, — утверждает он, — был страх: страх перед коммунизмом, страх перед преступностью и наркотиками, страх белых перед черными и черных перед белыми»²³. Что есть в американской жизни такого, что кажется столь пугающим и несовершенным огромному большинству народа — продолжает автор ставить вопросы по поводу духовной и моральной атмосферы жизни современной Америки. «Если можно выявить какую-то преобладающую тенденцию, — пишет он, — то это — потеря индивидуальности. Мастерство в работе и гордость им стали каким-то странным, причудливым и редким явлением. Мы систематически, хотя и не сознавая этого, превращаем американский образ жизни в бесплодную механическую абстракцию»²⁴.

Фулбрайт изображает картину современной американской жизни мрачными красками, используя высказывания Э. Фромма, З. Бжезинского, Л. Мамфорда. Он говорит о засилье несправедливости, лицемерия, об отчужденности людей, о расизме и милитаризме. Люди поработены машинами, техникой, вещами, деньгами. «В больших американских городах, — пишет он, — господство машины над человеком приближается к пределу. Среди стали и асфальта каждодневная жизнь отдельного человека — это безнадежное сражение с препятствиями,

созданными людьми. В атмосфере любого крупного города почти физически ощущается что-то недоброе, господствующее надо всем, настроение недоброжелательности и раздражения, изоляция в толпе, чувство одиночества при невозможности побыть одному»²⁵.

Где же выход из создавшегося трагического положения? Фулбрайт не видит никаких реальных перспектив изменения положения в будущем. Поэтому, считает он, остается лишь уповать на чудо и попытаться возродить старые «добрые» традиции. «В отличие от жизни больших городов в сельской Америке и в небольших городках еще сохраняется что-то от безмятежности и взаимного расположения людей. Маленький городок в Арканзасе, Небраске и Вермонте — это совсем другой мир по сравнению с Нью-Йорком или Чикаго»²⁶. В таком городке, свободном от шума и давки большого города, житель еще сохраняет свои индивидуальные качества, гармонию с окружающей средой, человеческие отношения с соседями и т. п. «Наше общество, — пишет он, — как оно сформировалось с колониальных времен, содержит в себе ядро гуманных и демократических ценностей, и я знаю, что эти традиционные ценности еще живы в Америке и что они стоят того, чтобы их спасти»²⁷.

Однако Фулбрайт не сообщает читателям ни о реальных основаниях, на которых покоится его вера в живучесть традиционных ценностей, ни о путях борьбы за их спасение. Поэтому читатели вряд ли смогут разделить его веру и надежду, они скорее согласятся с выводами о кризисе моральных ценностей, которые подкреплены фактами из жизни. Сам же Фулбрайт, известный в Америке и за ее пределами своими либеральными взглядами, вольно или невольно оказался среди сторонних наблюдателей, способных самое большее на скрупулезную регистрацию процесса разрушения этих ценностей, а не среди их активных защитников.

Подробную характеристику морали современного буржуазного общества дал американский социолог П. Холландер. Его работа «Советское и американское общество. Сравнительный анализ»²⁸ почти целиком посвящена сопоставлению моральных ценностей этих обществ.

Открыто выраженной американской ценностью, пишет он, является «равенство возможностей». Многие американцы верят в то, что в американском обществе

главным, если не единственным, препятствием к улучшению положения индивида в обществе являются отсутствие честолюбия, лень и другие личные недостатки. Так, Холландер использует основной аргумент современной буржуазной пропаганды: в буржуазном мире существуют все возможности для райской жизни, а если кто-то не достиг ее, значит, виноват сам. В основе этого утверждения лежат два тесно связанных принципа субъективно-идеалистической морали: упор на индивида и индивидуализм и перенесение морали из сферы социальных отношений в область личных усилий человека. В системе американских моральных ценностей четко прослеживаются оба принципа идеалистической этики.

В центре системы буржуазной морали стоит принцип индивидуализма. С ранних лет людям внушают: «надейтесь только на себя, делайте ставку на самих себя». «Как только вы утвердите силу своего «Я», не будет границ тому, чего вы сможете достичь. Ваши желания будут осуществляться быстро и автоматически», — утверждает в книге «Сила своего «Я»». Из этого положения вытекают известные аксиомы американского стиля жизни — энергия, талант, честолюбие. Вот как, пишет Холландер, звучат «заповеди» индивидуалистской морали: все должны стремиться к целям, которые открыты для всех, возможная нынешняя неудача является лишь небольшой промежуточной станцией на пути к конечному успеху, подлинная неудача состоит только в уменьшении или отказе от честолюбия.

Каковы же цели, к которым следует стремиться, к чему должно побуждать честолюбие, что составляет главный смысл жизни? Отвечая на эти вопросы, Холландер дает прямой и недвусмысленный ответ: успех, богатство, власть, популярность. «В американском обществе, — пишет он, — доход является не только весьма надежным показателем высокого социального положения, он является критерием мгновенной оценки человека». «Богатство в США ценится высоко независимо от того, какими способами оно приобретено». А раз так, остается одно: действуй всеми средствами, но добивайся богатства, власти, господства над людьми.

Интересно, что для изображения картины нравов американского общества и господствующих в нем ценностей Холландер не использует специальные научные или пропагандистские труды, соответствующие факты, а ана-

лизирует многочисленные рекламные материалы, издаваемые в США. Социолог, конечно, имеет на это право. Реклама действительно является одной из самых характерных черт жизни американского общества. Достаточно сказать, что только в 1970 г. на рекламу в США было израсходовано 20 млрд. долл. и что средний американец каждый день видит и слышит приблизительно 1,5 тыс. рекламных сообщений. Холландер отмечает, что американская реклама достигла тотального и систематического охвата всего населения. Что же она пропагандирует, каким целям служит?

Рекламируемыми ценностями являются успех, высокий заработок, завидное общественное положение, престиж, популярность, агрессивность, мужественность, молодость, бодрость, физическая красота. Цель рекламы — усиливать и расширять стремление людей к потреблению, алчность к материальным благам, нетерпеливость в удовлетворении материальных потребностей. И это не удивительно, признает Холландер, поскольку США — мир бизнеса, погони за деньгами, конкуренции и махинаций.

Но какими средствами и методами достигаются желанные цели в американском обществе? Если раньше доказывалось, отвечает на этот вопрос Холландер, что успех является результатом упорного труда и энергичных усилий человека, то теперь он объявляется результатом различных ухищрений, особых приемов. «Главное, чему нужно научиться, — это делать деньги», — поучает один из рекламных сборников под многообещающим названием «Анатомия успеха». Причем не путем получения образования, повышения квалификации или приобретения полезных знаний, а с помощью особых навыков, талантов, вдохновения, специальных трюков, хитроумных уловок и несложных приемов, которыми может овладеть каждый.

Рекламный сборник под названием «Как заработать кучу денег» внушает, что успех (ассоциирующийся с деньгами) есть нечто мистическое, неуловимое, загадочное, таинственное, к чему нужно просто «подобрать ключи», а вовсе не результат серьезной работы или усилий. Средством достижения такого успеха является, например, как уверяет другой рекламный сборник, «Дайджест для каждой семьи», увеличение силы своего психического влияния на других людей. «Нужно научиться господ-

ствовать над другими людьми, подчинять их себе, контролировать их, сохранять или увеличивать их любовь и уважение к себе» — такой совет дается в книге «Как устанавливать контакт с людьми».

Описав все эти потуги американской рекламы внушить своим потребителям непреодолимое желание немедленно включиться в погоню за деньгами, Холландер вынужден признать: «Нам кажется, что идеи, заключенные в «Дайджестах», породили бы удивление и отвращение у советских людей», так как они отрицают лицемерие и фальшь, а тем более обучение людей притворству в достижении уважения, денег и власти²⁹.

Что же, с Холландером можно согласиться, поскольку он в данном случае объективно оценивает определенные стороны американской действительности. Тем более с ним можно согласиться, когда он пишет, что «ценности, отражаемые в американских рекламных материалах, представляют собой лишь преувеличенный вариант наиболее общих господствующих социальных ценностей, но отнюдь не искажают их, не противоречат им и не изображают их в карикатурном виде»³⁰.

Не только автор «сравнительного анализа советского и американского общества» отрицательно оценивает многие из рекламируемых в США идеалов и ценностей. Холландер отмечает, что с начала 60-х годов социальная и моральная критика американского образа жизни оформилась в особую контркультуру, составляющую оппозицию основным ценностям буржуазной морали. Носителями этой контркультуры являются учащаяся молодежь, в первую очередь студенчество, а также выходцы из среднего класса, представители интеллигенции, «новые левые» и т. п. Все они, подчеркивает Холландер, придерживаются ценностей, диаметрально противоположных системе буржуазных ценностей. Вместо культа успеха они избирают уход от действительности (эскапизм), вместо лицемерия и фальши — открытость и эмоциональность, вместо работы ради денег предпочитают праздность или раздумья, вместо приспособления и манипулирования — свободу и самовыражение.

Как известно, формы протеста бунтующей молодежи против норм буржуазного образа жизни часто носят деструктивный характер. Советские исследователи этих процессов неоднократно отмечали сложность, противоречивость и эклектичность позиций и взглядов представи-

телей движения «новых левых». Но несомненно одно — их критика буржуазной морали является отражением кризисных явлений, присущих капиталистическому обществу, попыткой найти ответы на вопросы морального порядка: каково место человека в мире и его отношение к обществу? в чем смысл жизни и цель человеческого существования? каковы причины несправедливости и зла, присущих буржуазному обществу?

Подробно анализируя движение молодых радикалов, экстремистов, «новых левых» и т. п., Холландер подчеркивает, что в основе всех этих движений лежит убеждение, что «американская система слишком прогнила, что бы ее можно было исправлять и реформировать»³¹. Он отмечает, что присущие этим движениям антикапиталистические настроения основаны главным образом на моральных принципах, таких, как жажда справедливости, «сообщества», т. е. идеального общества, где все заботились бы друг о друге, неприятие конкурентного индивидуализма. Представители многочисленных движений, продолжает Холландер, «относятся к капитализму отрицательно потому, что он создает ложные ценности, бюрократизм, обезличивает человека, не обеспечивает братской любви и духовного обогащения, порождает расизм и эгоизм»³².

Картину социально-критического протеста Холландер дополняет статистическим материалом, свидетельствующим о существовании более грубых форм социального протеста, к которым относятся различные формы девиантного поведения: преступность, наркомания, алкоголизм, психические заболевания и т. п. Анализируя эти негативные явления, Холландер делает много верных и глубоких замечаний. Так, он показывает, что преступность в США растет, что атмосфера насилия пронизывает различные стороны американской жизни. По его словам, в США пропорционально численности населения крупнейший в мире тюремный контингент. В 60-х годах в этой стране было 350 тыс. заключенных, и рост преступности продолжается. Столь же верно он освещает неравноправие и дискриминацию женщин в США, увеличение числа разводов, разрушение семьи. «В американском обществе, — пишет Холландер, — институциональная роль семьи рушится особенно быстро. Ее общественные функции были подорваны не политическими мерами или идеологической деятельностью властей, а

растущей убежденностью в том, что опыт одного поколения неприменим для следующего»³³. Чем же объясняет он негативные явления в жизни современной Америки? Скажем сразу, его объяснения неглубоки и неубедительны.

Движение протеста, в том числе и его экстремистские формы, он пытается объяснить «мягкостью» и «демократичностью» американской системы, которая якобы в силу ее приверженности к «свободе» допускает существование антикапиталистических групп. Признавая кризис семьи, он уходит от анализа его причин. Оставим на совести американского социолога многие неточности и явные искажения фактов, касающиеся советской действительности. Возьмем только его конечный вывод, сделанный в результате подробного анализа буржуазных моральных ценностей и американского образа жизни: «В американском обществе царит атмосфера кризиса. Если она сохранится, это может привести к полному уничтожению лучших и характерных американских черт — активности, стремления к соревнованию, открытости, трудолюбию»³⁴. Довольно пессимистический вывод, не правда ли?

К столь же пессимистическим выводам подводят результаты массовых опросов, проводимых в других капиталистических странах. Социологи видят смысл этих опросов в том, чтобы выявить различные моральные оценки людьми тех или иных действий или поступков, вопросов морали. Выяснение мнений и оценок и их различий является одним из главных полей эмпирических исследований сферы морали в социологии. Ответ на прямо поставленный вопрос о моральных убеждениях человека может оказаться недостоверным.

Для получения достоверного ответа буржуазные социологи используют такой метод: чтобы составить представление о позитивных моральных убеждениях, ценностях и ориентациях людей, выясняются их отношение к негативным моральным явлениям, их оценки различных видов аморального поведения и поступков. К числу таких исследований относятся два близких по времени исследования, проведенные в Англии. Одно из них было осуществлено Институтом Гэллапа по заказу телевизионной компании Эй-би-си. Прямая цель состояла в выяснении отношения телезрителей в возрасте 16 лет к различным телевизионным программам, но в ходе исследования за-

давались вопросы о моральных проблемах. Было опрошено свыше 2 тыс. юных телезрителей, причем им были даны краткие списки достаточно распространенных аморальных действий и был задан вопрос, одобряют они их или нет³⁵.

Второе исследование было посвящено изучению соотношения моральных и религиозных убеждений людей, в частности вопросу зависимости моральных мнений и оценок от религиозной веры. Было отобрано около 2 тыс. учащихся грамматических школ — юношей и девушек в возрасте 17—18 лет (в этом возрасте в основном уже складываются моральные принципы людей). Опрошенным был дан список, включавший несколько видов поведения, их попросили ответить, является ли каждый из них «всегда плохим», «обычно плохим, но иногда простибельным» или «никогда не плохим (всегда хорошим)»³⁶.

Вот некоторые данные, полученные в результате первого исследования (см. табл. 1).

Таблица 1

Виды безнравственных действий	Процент не одобряющих действия		
	Всего	Мужчины	Женщины
I. Превышение скорости езды на дорогах	75	71	80
II. Выпивка	90	88	91
III. Принос с работы некоторых вещей или материалов для собственных нужд	61	57	65
IV. Бесплатный проезд в общественном транспорте	76	74	79
V. Нечестность в магазине	84	82	86
VI. Утаивание доходов от сборщиков налогов	34	30	38

Как видно из таблицы, наибольшее неодобрение вызвали аморальные действия, указанные в пунктах I, II, IV, V и касающиеся личной честности и порядочности. Явно антисоциальные действия (пункты III и VI) вызвали меньшее единодушие в их осуждении. Женщины менее терпимы как к первым, так и ко вторым видам действий.

Попутно были собраны и другие данные — отношение к проституции, гомосексуализму, расовой дискриминации и т. д., которые единодушно осудила лишь треть опрошенных.

По данным второго исследования, картина моральных убеждений более дифференцирована (табл. 2).

Таблица 2

Аморальные действия	Пол	Процент оценивших				
		Всегда плохо	Обычно плохо	Иногда плохо	Никогда не плохо	Не решились
1. Игра в азартные игры	М	10,7	16,9	57,0	8,3	7,1
	Ж	19,4	27,1	37,9	3,5	12,1
2. Выпивка	М	30,6	46,5	17,9	2,0	3,0
	Ж	44,9	44,5	7,8	1,1	1,8
3. Курение	М	14,9	10,2	32,4	31,6	10,9
	Ж	12,3	8,9	36,2	24,4	18,2
4. Ложь	М	19,1	73,9	5,2	0,5	1,3
	Ж	23,8	72,8	2,2	0,3	0,9
5. Воровство	М	70,8	27,5	0,6	0,3	0,8
	Ж	71,2	27,8	0,5	0,1	0,4
6. Добрачные сексуальные отношения	М	28,6	27,6	20,5	10,2	13,1
	Ж	55,2	25,2	6,6	2,4	10,0
7. Самоубийство	М	32,0	28,7	13,0	15,2	11,1
	Ж	33,7	32,7	10,1	8,1	15,1
8. Расовая дискриминация	М	74,0	16,8	3,2	2,4	3,6
	Ж	85,3	8,9	1,6	1,5	2,7

По данным таблицы, большее единство мнений наблюдается в отношении поступков, нарушающих права собственности и права других людей (пункты 5, 8), в отношении же к курению, азартным играм и добрачным сексуальным отношениям расхождение мнений гораздо более очевидно. Такие же исследования проводились для сравнения в нескольких капиталистических странах (среди студентов)³⁷. Был сделан вывод, что очень мало различий существует в вопросах о том, какие действия считать плохими и что считать позитивными ценностями. Чтобы выявить, происходят ли изменения в моральных убеждениях и оценках подростков и в каком направлении, исследования по табл. 2 спустя семь лет были повторены и были добавлены вопросы об отношении к употреблению наркотиков и злоупотреблению лекарствами (см. табл. 3).

Анализируя итоги исследований (см. табл. 2 и 3), проводивший их английский социопсихолог Д. Райт пишет, что обычно считается, когда говорят о морали английского общества, что моральные стандарты в нем постоянно снижаются и ухудшаются, и данные таблицы могут служить доказательством этого. Явно снизились показатели отрицательных оценок почти всех видов амораль-

Таблица 3

Моральные проблемы	Пол	Процент оценивших				
		Всегда плохо	Обычно плохо	Иногда плохо	Никогда не плохо	Не решали
1. Азартные игры	М	8,8	16,4	55,7	11,5	7,5
	Ж	13,2	24,9	46,5	2,9	12,5
2. Употребление спиртных напитков	М	17,7	35,7	34,5	8,3	3,8
	Ж	22,4	47,4	24,0	2,0	4,2
3. Курение	М	20,9	11,4	21,7	34,5	11,6
	Ж	18,2	11,5	26,3	30,2	13,7
4. Ложь	М	18,4	70,2	6,9	1,7	2,9
	Ж	17,3	74,5	6,2	0,1	1,8
5. Воровство	М	65,0	30,5	1,6	1,6	1,3
	Ж	64,7	32,8	0,7	0,2	1,5
6. Добрые сексуальные отношения	М	10,3	12,8	30,4	33,7	12,8
	Ж	14,6	19,5	30,0	17,7	18,2
7. Самоубийство	М	28,5	23,6	10,6	19,2	18,0
	Ж	29,4	26,1	10,2	17,2	17,1
8. Расовая дискриминация	М	65,6	18,1	3,7	4,9	7,7
	Ж	76,4	14,7	1,7	1,5	5,7
9. Злоупотребление лекарствами	М	29,3	17,8	18,9	19,8	14,1
	Ж	41,6	19,6	17,3	7,8	13,6
10. Употребление наркотиков	М	65,9	14,0	4,1	7,8	8,2
	Ж	73,2	14,2	2,6	2,7	7,3

ных действий, обнаружилось меньшее единство мнений и большее расхождение в оценках. Райт признает это, но не делает вывода о кризисном состоянии и морали в стране, об эрозии моральных ценностей. Но сделать именно такой вывод было бы логичным, ибо данные табл. 3 свидетельствуют о том, что лишь меньшинство опрошенных считают всегда плохими ложь, употребление алкоголя, азартные игры, злоупотребление лекарствами. Воровство хотя и осуждается большим количест-

вом опрошенных («частная собственность священна»), а расовые предрассудки и употребление наркотиков оцениваются отрицательно, но количество людей, резко осуждающих их, заметно уменьшилось, в то время как число тех, кто склонен проявлять к ним терпимость, увеличилось. Что касается оценки добрых связей и курения, то результаты свидетельствуют о прямо-таки драматических изменениях к худшему, в том числе и среди девушек. Таковы факты.

Именно факты неумолимо заставляют исследователей-специалистов по изучению общественного мнения сделать единственно возможный вывод, характеризующий состояние морали и нравов буржуазного общества: происходит общее снижение моральных стандартов, ухудшение морального состояния общества, падение нравов. Такой вывод вынуждены делать на основании эмпирических исследований почти все буржуазные социологи. Однако они часто стараются смягчить его, пытаются отыскать различные объективные причины и тем самым снижают остроту проблемы, заставляют воспринимать данное явление как вполне естественное и неизбежное.

Авторы вышеприведенных исследований утверждают, например, что полученные ими данные о снижении моральных стандартов свидетельствуют не об ухудшении нравов, а лишь о более четком и квалифицированном осуждении того или иного поведения: если раньше люди были более категоричны, то теперь они склонны больше учитывать обстоятельства, быть более терпимыми и снисходительными, обнаруживают большее понимание других. Отраженное эмпирическими исследованиями уменьшение числа тех, кто морально осуждает расовую дискриминацию, они объясняют, например, ослаблением антирасистской кампании в прессе и на телевидении, а повышение процента осуждающих курение, наоборот, широким развертыванием такой кампании большинством газет, радио и телевидением.

Отыскание случайных, второстепенных причин, несомненно, помогает скрыть причины истинные и по сути дела уйти от анализа фактов, которые требуют не только признания, но и серьезного объяснения. Не являются исключением факты, характеризующие взаимоотношения между полами. Исследователи получили явное свидетельство не только резкого снижения моральных требований

в этой сфере жизни, но и ряда других серьезных изменений в сознании юношей и девушек по этим вопросам. Многие из опрошенных высказывали мысль о распаде связи между любовью и браком и о наличии связи между любовью и до- и внебрачными отношениями, о противоречии между браком и сексуальными отношениями³⁸. Эмпирические данные заставили все-таки многих исследователей сферы сексуальных отношений сделать вывод о расшатывании института буржуазного брака и о растущей вседозволенности в этой области. Исследователи были вынуждены также признать, что влияние церкви и религии, специализирующихся на определении моральных стандартов общества, сегодня уже не в состоянии помешать или хотя бы замедлить изменения в сексуальном поведении, особенно молодежи³⁹.

Состояние семейно-брачных отношений и сексуальное поведение молодежи характеризуются во всех капиталистических странах столь серьезными негативными явлениями, что не может не вызывать пристальное внимание социологов. Растущее количество разводов во всех развитых странах буржуазного мира, «сексуальная революция», разгул порнографии — все эти явные свидетельства кризиса буржуазной «семейной морали» составили предмет самостоятельной области социологии, располагающей многочисленными эмпирическими данными. Некоторые из них были обобщены в двух наиболее серьезных и интересных, на наш взгляд, работах английского социолога В. Паккарда «Сексуальное бездорожье»⁴⁰ и американского социолога Д. Янкеловича «Новая мораль: профиль американской юности 70-х»⁴¹.

Обе книги содержат богатый материал, характеризующий процессы и явления, происходящие во взаимоотношениях полов в современном буржуазном обществе. Паккард взял устные и письменные интервью у почти четырехсот авторитетных буржуазных специалистов в этой области, собрал данные в 10 странах буржуазного мира, переписывался со специалистами еще из 14 стран, организовал дискуссии и беседы в 130 университетских городках, принимал участие в исследованиях коммун хиппи, участвовал в работе международного семинара представителей женских организаций, проводил анкетные опросы среди студенческой молодежи. Эрудиция автора, его обращение к экспертным оценкам, высокий уровень эмпирических исследований делают книгу Пак-

карда одним из наиболее солидных социологических исследований по данному вопросу.

Собранный огромный социологический материал позволил ему высказать ряд интересных мыслей. Заглавие книги Паккарда вполне оправданно: бездорожье, джунгли, дикость, анархия — так характеризует он состояние сферы взаимоотношений между полами. Он принципиально отказывается использовать понятие «сексуальная революция», имеющее широкое хождение в буржуазных странах. Революция, поясняет он, должна ставить определенные цели, против чего-то бороться, а в данном случае речь идет просто об отказе от моральных норм и принципов, регулирующих данную сферу человеческих взаимоотношений. Автор подчеркивает, что крайние позиции, занимаемые в этом вопросе «левой» молодежью, нельзя назвать революционными, как их часто характеризуют. Они лишь отражают общую дезориентацию в этих вопросах, царящую в буржуазном обществе.

В книге приводятся высказывания крупнейших экспертов по проблемам секса. Например, известная исследовательница М. Мид сравнивает сегодняшних влюбленных с танцорами, которых «внезапно заставили импровизировать, и они не знают, каким будет их следующий шаг». Профессор Колумбийского университета США Д. Трумэн считает, что в настоящее время «речь идет не о бунте против традиционных норм, а о ситуации, в которой «все дозволено», когда уже не существует границ, которые не были бы преступлены». По мнению американского социолога П. Сорокина, сложившаяся в области секса ситуация означает начало дегенерации «общества в анархию», что «представляет собой угрозу элементарным нормам человеческой безопасности»⁴².

Давая общую характеристику взаимоотношений полов в буржуазных странах, Паккард указывает четыре присущие им черты: хаотическое состояние моральных принципов; отсутствие однозначных идеалов и образцов для подражания; общепризнанных норм поведения; наличие взаимно противоположных систем ценностей и оценок. Подобного рода выводы, встречающиеся почти в каждой социологической работе о морали в последние 15—20 лет, стали уже почти общим местом, а тезис о сексуальной деморализации молодежи в капиталистических странах — необходимой принадлежностью огромного потока сенсационной псевдофилософской и псевдосо-

циологической литературы. Научная литература в отличие от пропагандистской беллетристики должна не констатировать очевидные факты, а давать им объяснение. Какое же объяснение предлагает В. Паккард?

По видимости, в его книге дается солидный анализ причин тревожного положения, сложившегося в сфере взаимоотношения полов. Во всяком случае автор называет девять причин данного явления и ищет их в структуре экономических и политических отношений общества. Он указывает, например, существующую эмансипацию женщины, приведшую к снижению оценки ее роли лишь как домашней хозяйки и матери. Проведенные им исследования показали, что в США около половины студенток собирались посвятить себя профессиональной деятельности, в Англии и Норвегии этот процент еще выше — 78 и 77 соответственно. И хотя в США, Англии и Норвегии женщины не имеют равных с мужчинами прав на труд, в настоящее время в США работающих женщин стало в 2 раза больше по сравнению с довоенным периодом. Поэтому первая причина, по Паккарду, заключается в переориентации женщины с «роли матери и жены» на «роль в общественной жизни».

Второй причиной он считает характерный для капиталистических стран факт «продления периода молодости», когда молодые люди не вступают в брак и не создают семью, так как не заняли в обществе определенного места или не имеют работы. Известно, что во всех высокоразвитых капиталистических странах от безработицы и материальной необеспеченности страдает в первую очередь молодежь. В качестве третьей причины он указывает достижения науки, особенно в области производства противозачаточных средств. Паккард присоединяется к мнению известного английского демографа Р. Титмуса, заявившего, что «это открытие сделало для эмансипации женщин больше, чем завоевание права на труд и права голоса». Четвертой причиной он считает падение авторитета отца и мужа в глазах взрослых детей и жены; пятой — невозможность в условиях урбанизации контролировать воспитание детей и молодежи; шестой — эмоциональную эмансипацию детей от родителей, также порожденную условиями жизни больших городов; седьмой — то обстоятельство, что половину населения такой страны, как США, составляет молодежь в возрасте до 27 лет, а в условиях безработицы легче получить работу

одинокому, не обремененному семьей мужчине; это привело к увеличению «антисупружеских» тенденций. Восьмой причиной, по его мнению, является ориентация юношей и девушек на получение образования (в том числе и высшего), что также мешает созданию семьи и приводит к внебрачным формам сексуальных отношений. Наконец, в качестве девятой причины Паккард называет падение престижа религиозной морали, которому особенно способствовали две мировые войны.

Как видим, набор причин достаточно широк. Однако автор подходит к изучаемой проблеме по сути дела метафизически: он отрывает сферу сексуальной морали от общей моральной и идеологической ситуации в странах буржуазного мира. Он пытается отыскать причины тревожного положения, сложившегося в сфере взаимоотношения полов, за пределами этой сферы, для этого обращается к эмансипации, урбанизации, безработице, к влиянию научно-технической революции. Но эти явления тоже не первичны; в их основе лежат более глубокие причины — отношения собственности, борьба классов, борьба буржуазии за свои интересы, в том числе и за господство в духовной сфере. Непонимание социологом этих глубинных причин лишает его выводы объективности и научности.

Паккард не обращается к таким присущим буржуазному обществу явлениям, как общая дегуманизация отношений между людьми, отражающаяся в дегуманизации взаимоотношений между полами; эгоизм и индивидуализм — эти коренные принципы буржуазной морали, которые оборачиваются разрушением внутрисемейных отношений — между супругами, между родителями и детьми; культ денег и материального обогащения, подрывающий моральные основы семьи и брака; деперсонализация личности, которая оборачивается деперсонализацией секса. Но самое главное состоит в том, что буржуазное общество заинтересовано в гипертрофированной сексуализации жизни, в насаждении двух тенденций — насилия, садизма, суперменства, с одной стороны, и слащавой сентиментальности, слезливой чувствительности — с другой, взаимодополняющих и «уравновешивающих» друг друга. Обе эти тенденции насаждаются с помощью кино, телевидения, бульварной литературы, поп-музыки, всех средств массовой культуры, на одном полюсе которой «индустрия грез» и «сердечная почта» (специальная руб-

рика многих буржуазных газет, в том числе лондонской «Таймс»), а на другом — сексуальные извращения и порнография. В этих условиях почти не слышны голоса тех социологов, которые бьют тревогу по поводу обесценения семьи и брака. Им остается лишь роль собирателей фактов, которую они и играют.

Второй из названных наиболее авторитетных буржуазных социологов семьи, Д. Янкелович, обратился уже не вообще к проблемам сексуальной морали, а к анализу взаимоотношений в семье. Он утверждает, что многогамная семья продолжает по-прежнему оставаться одной из высших ценностей европейской цивилизации, что именно в условиях такой семьи, создающей атмосферу взаимной любви и безопасности, дети получают полноценное психическое, физическое и моральное развитие, что для формирования характера ребенка необходимо воздействие обоих родителей — матери и отца. Долговременный союз с любящим и близким человеком необходим и для психического равновесия и счастья каждого человека, и никакие другие формы сексуальных связей — частая смена партнеров, кратковременные романы и т. п. — не могут заменить гармонию семейной жизни, основанную на глубокой привязанности, уважении и любви, соответствующих человеческой потребности в доверии, надежности и безопасности.

Как видно, социолог в целом правильно понимает моральную и общецивилизационную ценность семьи. Но как обстоит дело с сохранением этой ценности в современном буржуазном обществе? Способствует ли оно созданию и упрочению семьи? Или она обесценивается? Чтобы ответить на вопрос, что происходит с семьей в современном буржуазном обществе, Янкелович в течение многих лет вел специальные социологические исследования. Так, в 1973 г. он провел в США опрос с целью выяснить, какие отношения между родителями и детьми считаются нормальными. Родителям, имеющим детей в возрасте до 12 лет, был задан вопрос, согласны ли они с утверждением, что «ради детей родители не должны расходиться даже тогда, когда их взаимоотношения не сложились». Другой вопрос звучал так: «Обязаны ли дети помогать родителям в старости?» Около 70% опрошенных ответили на эти вопросы отрицательно. На этом основании был сделан вывод, что понимание современными родителями этих важных норм семейной

жизни отличается от понимания, например, 20—30 лет назад.

Казалось бы, результаты опроса заставляют сделать вполне определенный вывод о деструктивных изменениях в современной буржуазной семье. Марксистский анализ буржуазных семейно-брачных отношений показал, что в условиях капитализма нравственные основы семьи и брака разрушаются, что буржуазная семья, будучи отражением общества, имеет все основные его характеристики — культ частной собственности, культ денег, господство торгашеских отношений, несправедливость и социальное неравенство, отчуждение людей друг от друга, деперсонализацию личных отношений. Буржуа, писал Ф. Энгельс, «не признает... никакой иной связи между людьми, кроме *чистогана*. Даже связь между ним и его женой в девяносто девяти случаях из ста находит свое выражение в том же «чистогане»»⁴³. Изменить тип семьи можно, лишь изменив социально-экономическую основу буржуазного общества.

Однако таких выводов буржуазные идеологи, разумеется, не делают. Д. Янкелович не составляет исключения. Вместо того чтобы честно признать, что результаты проведенного им опроса свидетельствуют о явном разложении фундаментальной моральной ценности, лежащей в основе семьи — взаимной любви родителей и детей, взаимной заботы их друг о друге, помощи и уважении, он делает совершенно иной вывод: «Современные родители считают удовлетворение личных запросов важнее выполнения обязательств перед детьми, а это говорит о сохранении ценности индивидуализма и свободы личности»⁴⁴.

Как известно, в основе морали любого общества лежит согласование личных и общественных интересов. Когда эта основа подвергается коррозии, наступает кризис морали: если индивидуальные интересы ставятся выше общественных, можно говорить о кризисе моральных основ такого общества, о назревании в нем перемен, о потребности в более справедливом общественном устройстве. Анализ учеными-марксистами буржуазного общества показал, что в нем имеются кризисные явления в области морали, семьи, личной и общественной жизни. Именно эти выводы следуют из эмпирических исследований В. Паккарда и Д. Янкеловича, если данные этих исследований проанализировать объективно.

Буржуазные идеологи из данных социологических исследований морали извлекают лишь те выводы, которые устраивают власть имущих. Так, журнал «Тайм» опубликовал статью, где приводятся данные, полученные Д. Янкеловичем, но при этом утверждается, что «традиционные отношения между мужчиной и женщиной очень сильны в нашей стране». Едва ли читатели этого популярного журнала смогут поверить этим утверждениям, когда задумаются над причинами катастрофического числа разводов, распада семьи, разгула порнографии, гипертрофии секса и т. д. Но их рассуждения едва ли заинтересуют специалистов по изучению общественного мнения. У них другая цель — любой ценой доказать, что ничего страшного в сфере семейной морали не происходит, что кризиса морали не существует, что традиционные буржуазные ценности сохраняются и укрепляются, что кризис семейной морали отнюдь не грозит гибелью буржуазному обществу.

И все-таки окончательный вывод, к которому приходят буржуазные социологи, изучающие мораль современного капиталистического общества, таков: происходит кризис не морали вообще, а *старой, традиционной морали*, не моральных ценностей, а *старого понимания моральных ценностей, старых моральных ценностей*, не семьи, а *старой, традиционной семьи*, на место которых должны прийти и приходят новая мораль, новые ценности, новая семья, новый тип женщины, новый тип сексуальных отношений, новый тип личности. Несомненно, определенные изменения в сфере моральных явлений происходят. Это подтвердили данные «критической социологии» 70-х годов, показавшие наличие в капиталистических странах кризиса морали, крушения моральных ценностей. Неоконсервативная волна 80-х годов заставила буржуазных идеологов искать доказательства стабилизации капитализма, укрепления буржуазной морали. Поэтому «кризис» морали был заменен «изменениями» в морали, которые якобы приведут к возникновению «новой» морали. К рассмотрению концепций, сменивших теории «критической социологии», мы теперь и переходим.

2. «Новая» мораль на старый лад

В течение 70-х годов в буржуазной идеологии и социологии происходил «крен влево» с преобладанием критических, саморазоблачительных, антикапиталистических, обличительных мотивов и концепций. Но в 80-х годах наступил период «крена вправо», озаглавленный поисками путей «преодоления кризиса». Поскольку о реальном преодолении кризиса морали в буржуазном обществе не может быть и речи без преодоления общего кризиса капитализма, то единственно возможным для буржуазной идеологии остается иллюзорный «выход из кризиса». Он осуществляется путем коренного изменения лозунгов, акцентов, оценок. Иными словами, идут разговоры о поисках позитивных буржуазных моральных идеалов и ценностей, раздаются призывы создать «новую моральную интеграцию» буржуазного общества, сплотить людей вокруг провозглашаемых преимуществ буржуазного образа жизни и «нового строя ценностей». В духе этих тенденций в социологии морали в самые последние годы заметно увеличилось количество работ, исследующих любые, даже самые слабые и незначительные, проявления морального единства людей, позитивной моральной деятельности, укрепление буржуазных моральных верований и убеждений, которые немедленно провозглашаются признаками наступившего морального возрождения капитализма.

В современной буржуазной социологии морали существуют две тенденции — критическая и апологетическая, причем вторая все настойчивее заменяет и вытесняет первую. Еще недавно, в 70-х годах, социологи сосредоточивали внимание на исследовании конкретных сторон кризиса морали. В этот период появлялись работы, обличавшие эгоизм и индивидуализм людей в буржуазном обществе⁴⁵, фиксировавшие кризис общения — коммуникативный коллапс. Например, в работе «Одинокое будущее. Причины и последствия коммуникативного коллапса на Западе» М. Поули писал о подлинном кризисе общения в буржуазном обществе и видел его причины в господстве индивидуализма и отчуждения между людьми⁴⁶.

В 70-х годах большой удельный вес в конкретно-социологической литературе занимали исследования наркомании, детского и женского алкоголизма (например,

работы Ч. Коллоу «Антиобщество» и Э. Хорник «Пьющая женщина»⁴⁷). Затем стали выходить работы, в которых утверждалось, что во взаимоотношениях между людьми якобы нарастает новая тенденция — желание общаться и потребность в общении (например, в книге американского социопсихолога Р. Бечвара «Искусство эффективного общения. Руководство к построению взаимоотношений» и в книге социологов Л. и Р. Хойн «Растущее искусство человеческого взаимодействия»⁴⁸). Показательна для этих «новых» веяний (а точнее, старых, консервативных буржуазных морализаторских иллюзий) работа Дж. Раштона «Альтруизм, социализация и общество»⁴⁹, в которой без серьезных доказательств утверждается, что наступает период возрождения альтруизма.

Самым модным в последние годы и часто употребляемым в работах по идеологии и социологии является слово «изменение», с помощью которого должна быть внедрена в массовую психологию идея о том, что времена кризиса миновали, что его пик успешно преодолен и что из состояния кризиса удалось выйти. Настойчиво проводится мысль о том, что в природе капитализма в целом и в его морали в частности произошли объективные изменения к лучшему, что моральные ценности и идеалы, пошатнувшиеся было в период кризиса, восстанавливаются и даже развиваются.

Каковы же те «изменения», которые привели к возникновению «новой» морали? Эта тема активно обсуждается. Об изменениях, будто бы происшедших в природе капитализма, говорят теоретики постиндустриального общества Д. Белл, З. Бжезинский, О. Тоффлер, представители других концепций и школ. Оказалось довольно простым делом объявить об изменениях, о возникновении «новых тенденций», ведь это ни к чему не обязывает и вполне в духе времени.

Один из американских «теоретиков новизны», И. Уилсон, утверждает, что в самые последние годы в жизни Америки появилась ни много ни мало как «новая американская тенденция». По его мнению, она состоит в «конвергенции меняющихся общественных и личных ценностей с новой техникой и энергоэкономическими нуждами, что делает неизбежным становление мозаичного общества». Какие же «общественные и личные ценности» имеет в виду автор? Это индивидуализм,

плюрализм, децентрализация. Но что в них нового? Ведь каждой из этих ценностей столько лет, сколько насчитывает история буржуазного общества. «Новизна», по Уилсону, состоит в их сочетании: каждая в отдельности была и раньше, но в таком сочетании они образовали новую тенденцию. «По мере того,— пишет И. Уилсон,— как американское индустриальное общество превращается в первое в мире «информационное общество», базирующееся на научно-технической информации, характерная для Америки пирамидальная социально-экономическая структура все больше и больше уступает место сетевой структуре». Это те изменения, которые касаются научно-технической стороны дела. Но не менее важна и система моральных ценностей, которая тоже меняется. «Американцы хотят,— пишет он,— большего признания их индивидуальных запросов, талантов и ценностей. В то же время они стали терпимее относиться к вкусам и образу жизни других... Утверждение собственной личности стало целью значительного и растущего процента взрослого населения. Нет силы более плюралистической и более индивидуалистической». «Все это,— подводит итог автор,— ведет к созданию мозаичного, калейдоскопического общества. Многообразие стилей и образов жизни увеличивается. Спектр вкусов и потребностей растет и расширяется. Разнообразие становится нормой».

Как видим, в данной концепции выражено стремление под видом «разнообразия, изменений и новых тенденций» протащить старую, консервативную идею, прославляющую традиционные ценности буржуазной морали — индивидуализм и плюрализм, являющиеся прямыми альтернативами коммунистических моральных ценностей — всестороннего развития личности и коллективизма. Изменения произошли, стало быть, не в самих ценностях, а в их оценках, которые в условиях неоконсерватизма буржуазные социологи поменяли с отрицательных на положительные.

Идею о якобы кардинальных изменениях моральных ценностей, ведущих к возникновению «новой» морали, настойчиво развивает и Д. Янkelович. Будучи президентом фирмы, изучающей проблемы человеческих отношений, он приводит результаты обследования общественного мнения и пытается доказать, что «новые» ценности приобретают все более широкое распространение среди

американцев всех слоев и возрастов, а не только молодежи.

Основной особенностью «новой» морали Д. Янкелович считает все более явное снижение популярности тех традиционных этических норм, назначение которых состояло в том, чтобы сдерживать, ограничивать и подавлять поступки человека. «Новая» мораль отбрасывает эти ограничения. Социолог формулирует главный принцип «новой» морали — «не насилуй самого себя». Из него вытекает второй важнейший принцип — «делай, что хочешь». Далее он доказывает, что эти принципы все шире распространяются в сфере труда, общения, семейных отношений. По его данным, $\frac{2}{3}$ опрошенных американцев считают, что никакие законы не должны регулировать взаимоотношения между мужчиной и женщиной, что человеку должна быть предоставлена большая свобода самовыражения, вкусов, мнений, чувств и т. д.⁵⁰

Изменения в ценностных ориентациях, в нравственных нормах, зафиксированные социологами, нуждаются в интерпретации, требуют объяснения. И здесь начинаются для американских социологов самые большие трудности: если из эмпирических данных сделать вывод, что «новая» мораль и «новые» ценности формируются в результате разрушения традиционных принципов буржуазной морали и отказа от них, то это значит поставить под угрозу лежащие в их фундаменте объективные социально-экономические основы капитализма — частную собственность, эксплуатацию и т. д. Ясно, что такой вывод неприемлем для буржуазных социологов. Им остается лишь одно: попытаться доказать, что «новая» мораль на самом деле не такая уж «новая», а несколько видоизмененная «старая», т. е. традиционная, буржуазная мораль; показать, что происходящие в морали изменения, очевидные для всех и подтвержденные материалами обширных эмпирических исследований, не столь уж важны и касаются только некоторых — к тому же весьма незначительных — сторон жизни людей. Поэтому буржуазные идеологи делают вывод: традиционные ценности буржуазной морали, несмотря на их кризисное состояние и замену другими ценностями, сохранились.

Посмотрим, как же доказывается это утверждение. Согласно исследованиям, большинство американцев не-

довольны многими сложившимися нормами морали, приветствуют их изменения, стремятся жить согласно иным моральным нормам. Но это как раз и свидетельствует, по мнению буржуазных идеологов, о верности американцев самой главной заповеди буржуазной морали — проявлять индивидуальную свободу, требовать уважения к личным желаниям. Пользуясь такой «логикой наоборот», можно, пожалуй, доказать, что все происходящее в буржуазном обществе — благо (только потому, что оно происходит в буржуазном обществе), что преступность, например, яркое доказательство свободы личности и проявления индивидуальности, а убийца оказывается самым верным носителем этой главной традиционной ценности буржуазной морали. Да, если моральные ценности и нормы считать абстрактными понятиями, лишенными конкретного содержания, то можно жонглировать ими, как пустыми шарами.

Но, как известно, содержание моральных ценностей только тогда истинно, когда оно отвечает прогрессивным интересам общества, соответствует критерию нравственного прогресса и не ограничивается проявлением «свободных желаний» отдельных личностей. Однако «логика наоборот», взятая на вооружение буржуазными социологами морали, заставляет их все изощреннее упражняться в искусстве обеливания и апологии нравов современной капиталистической действительности. Это отчетливо проявляется при анализе положения женщин в современном буржуазном обществе.

В ходе социальных движений 60-х годов (борьба в защиту гражданских прав, против расовой дискриминации и войны во Вьетнаме) резко активизировалась и борьба женщин за свои права. В этот период вновь было осознано порождаемое капитализмом неравноправие женщин в экономической и политической сферах, шел процесс становления женского самосознания и осознания необходимости борьбы за эмансипацию. В социологической литературе этого периода появилось множество публикаций критического толка, а также так называемых феминистических работ. Среди них особой популярностью пользовалась, например, книга Бетти Фридан «Женская мистика»⁵¹. В последнее время вышли работы о «новой американской женщине», которая также якобы сформировалась в результате происшедших «изменений» и появление которой доказы-

вает-де начало складывания «новой» морали буржуазного общества.

Изучению проблем формирования «новой женщины» в Америке было посвящено крупномасштабное исследование положения женщин среднего возраста (35—55 лет), финансируемое Национальным научным фондом. Оно показало, что в настоящее время у женщин этого возраста значительно окрепло чувство самоуважения, появилось сознание собственной ценности, которого не было в молодости. Ранее было не так: психиатрические исследования 50-х годов свидетельствовали о том, что женщины среднего возраста в целом были более подвержены депрессии, а также тревоге и пессимизму в отношении будущего. Изменение самосознания женщин Америки не значит, пишут исследователи, что все женщины среднего возраста абсолютно счастливы: некоторые менее довольны своей жизнью, особенно одинокие женщины, занятые малоинтересной работой, и замужние бездетные домохозяйки. Однако в целом ответы большинства женщин, заполнивших опросные листы, говорят о «благополучии» (социологический термин, включающий чувство собственного достоинства, удовлетворенность, счастье, оптимистический взгляд на будущее при минимуме неуверенности и уныния). 88% опрошенных женщин были вполне довольны своей жизнью, и только 12% выразили неудовлетворенность⁵².

На основании подобных данных социологи спешат сделать вывод, что возник совершенно новый тип женщины, что даже те кризисные явления, которые обычно возникали у женщин с возрастом (окончание репродуктивного периода, завершение процесса воспитания детей до самостоятельного возраста, синдром «пустого гнезда», порождающий, по утверждению З. Фрейда, чувства беспокойства, подавленности и собственной бесполезности), сегодня успешно преодолены. Насколько верны эти выводы, не представляют ли они типичного стремления выдать желаемое за действительное?

Такого рода сомнения вполне естественны, ибо и в данном исследовании социологи, как это неоднократно отмечалось, почти полностью абстрагировались от целого ряда важнейших условий: зависимости чувства удовлетворенности жизнью и «нового» отношения к своему среднему возрасту, социального и имущественного по-

ложения опрошенных женщин. На их место поставлены психологические и психофизиологические явления. Но последние могут во многом определяться, например, прогрессом медицины, обусловившим увеличение общей продолжительности жизни женщин и улучшение их физического самочувствия.

Более важную роль при определении удовлетворенности жизнью играют социальные причины: едва ли можно говорить о почти поголовной удовлетворенности жизнью женщин среднего возраста, принадлежащих к малообеспеченным слоям буржуазного общества. Статистика неумолимо свидетельствует об особенно невыносимых тяготах, выпадающих на долю пожилых и старых людей в условиях безработицы, при крайне высоких ценах на медицинское обслуживание. Другая социальная причина реальных изменений в положении женщин в буржуазном обществе состоит, по мнению буржуазных социологов, в неуклонном процессе вовлечения их в сферу материального производства как более дешевой рабочей силы. Под влиянием этих объективных процессов происходит смена ценностных ориентаций в сознании женщин: переориентация с семейной жизни на работу. Еще большее влияние на эту переориентацию оказывают процессы эрозии буржуазного брака: даже семьи с большим количеством детей разрушаются, и на долю женщины выпадает трудная задача воспитания детей при личной экономической зависимости, подчиненном положении в обществе. Эти глубинные социально-экономические процессы лежат в основе тех изменений, которые произошли сегодня в сознании женщины, в ее отношении к институту буржуазного брака.

В указанном выше исследовании социологи, изучающие сознание женщин современной Америки, обнаружили эти изменения, столкнувшись с некоторыми новыми фактами и явлениями, характеризующими данную сферу. Так, они зафиксировали падение престижа семейной жизни, который всегда был традиционно довольно высоким в США. «Вопреки традиционному представлению,— пишут социологи,— что брак является важнейшей опорой счастья женщины, наши опросы показывают, что для работающей женщины главным источником удовлетворения является не муж, а высокий служебный пост... Ответы одиноких женщин, занимающих

высокое служебное положение, говорили о гораздо более высокой степени благополучия, чем тех женщин, которые занимали низкую, плохо оплачиваемую должность»⁵³.

Сталкиваясь с этими фактами, исследователи предпочитают не погружаться глубоко в изучение их истинных социальных причин, а ограничиваются лежащими более близко к поверхности психологическими механизмами. Перенеся центр тяжести в сферу психологии, они идут дальше и пытаются объяснить психологическими причинами и процессы девальвации семейной жизни. При этом логика их рассуждений такова: если все дело в психологических причинах, то, воздействуя на психику, можно затормозить процессы распада буржуазной семьи, приостановить ее разрушение и, не меняя ее социально-экономических основ, изменить в ней «психологический климат».

Именно поэтому в последнее время буржуазные социологи морали вместо кризиса буржуазной семьи говорят о необходимости «модификации семьи», создания «новой» семьи, «нового» типа семейно-брачных отношений. В качестве конструктивного метода создания такой семьи они предлагают, в частности, ввести новый семейный кодекс. Автором одного из вариантов такого кодекса является уже упоминавшийся В. Паккард. Обосновывая необходимость введения нового семейного морального кодекса, он исходит из того, что этот кодекс должен, с одной стороны, заменить старый, ставший анахронизмом (он создан несколько столетий назад и основан на зависимости женщины и детей от воли мужа и отца), и, с другой стороны, стать альтернативой кризисным явлениям, которые характерны для сегодняшней семьи.

Присоединяясь к точке зрения известного буржуазного историка семьи М. Лернера, Паккард пишет, что новый семейный моральный кодекс должен опираться на ценности, определяющие цель жизни. При этом Паккард определяет цель жизни, исходя из этической концепции утилитаризма. По его мнению, новый семейный кодекс должен удовлетворять следующим условиям: способствовать наиболее полному развитию индивидуальности, достоинству и счастью личности, силе и стабильности общества; обеспечивать равноправие мужчин и женщин не только перед вступлением в брак, но и в

семье между супругами; помогать ликвидации конфликтов поколений в семье; гарантировать появление только желанных детей. Паккард весьма оптимистично оценивает возможность применения кодекса. Но оправданы ли его оптимизм и есть ли какие-либо реальные основания надеяться на его широкое распространение в современном буржуазном мире?

Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. При всем уважении к искреннему желанию социолога изменить к лучшему положение дел, сложившееся в области взаимоотношений между полами в буржуазном обществе, нет никаких оснований считать, что решение столь сложной, противоречивой и острой социальной проблемы может быть осуществлено с помощью таких утопических, сугубо морализаторских мер. Небезынтересно отметить, что предпринятые автором кодекса попытки применить его на практике окончились полной неудачей. Проведенные им среди молодежи США, Англии и Норвегии социологические опросы показали, что большинство высказалось решительно против предложенного кодекса.

Социолог попытался привлечь для пропаганды кодекса школу, церковь, родителей. Он специально проанализировал восемь наиболее часто обсуждаемых в буржуазном обществе моделей «современного супружества», пытаясь использовать их критику в качестве дополнительных аргументов в пользу предложенного им кодекса, защищающего ценность моногамной семьи. Он подверг критике такие варианты «обновления семьи», как временные супружеские союзы, обязательные лишь в течение нескольких лет, как ликвидация постоянных супружеских союзов, как браки, основанные на временном взаимном влечении, семейные коммуны живущих совместно мужчин и женщин, полигамные союзы типа практикуемых мормонами и т. п.

Паккард выражает глубокую и искреннюю тревогу за судьбу моногамии в капиталистических странах, он всеми силами старается противостоять разрушению семьи и захлестывающим ее тенденциям полигамии и промискуитета. Он хочет спасти моногамную семью путем ее модернизации, введения в нее таких параметров, как равенство свободных людей, взаимное уважение интересов партнеров, забота о воспитании детей, ответственность за них. Все его предложения по «об-

новлению», сохранению и укреплению семьи преследуют благую цель: оздоровить традиционную буржуазную семью, помешать катастрофическому росту разводов, фиксируемому статистикой почти во всех развитых капиталистических странах. Однако предлагаемые им меры не могут составить реальную альтернативу тем фактическим деформациям, которые претерпевает семья в условиях буржуазного общества. Попытки моралистов и социологов «обновить» семью и модернизировать ее наталкиваются на непреодолимое деструктивное противодействие со стороны объективных социально-экономических условий жизни буржуазного общества.

Негативное воздействие этих условий на сферу морали и нравственных взаимоотношений между людьми еще более усиливает деятельность идеологических средств массовой информации, направленную на защиту преобладающих тенденций в развитии буржуазной морали и культуры. Однако деформации моральных ценностей, происходящие под влиянием средств массового воздействия, не могут не вызывать справедливое возмущение и чувство морального негодования со стороны трудящихся масс и всех честных людей в капиталистических странах.

Многие процессы, происходящие в буржуазной морали, отражены не только и не столько в научных публикациях, сколько в искусстве и литературе. Начиная с чаплинских фильмов, романов Э. Хемингуэя, С. Льюиса, Т. Драйзера и Ф. С. Фицджеральда и кончая произведениями современных классиков американской литературы Т. Уайлдера, У. Фолкнера и К. Воннегута, американское искусство ярко отображает отчуждение личности в буржуазном обществе, невозможность человека быть моральным, примириться с этим обществом и жить по его нормам и стандартам, найти общий язык с другими людьми, сохранить веру в моральные идеалы и принципы.

Многие социологи приходят к однозначному выводу. «Капитализм,— пишет Д. Белл,— лишился морали, или трансцендентной этики», «сегодня... американизм истощился»⁵⁴. Это верно применительно к буржуазной морали. Но буржуазная мораль — не единственная форма морали буржуазного общества. Как указывал Ф. Энгельс, при капитализме сохраняются также остатки феодальной морали и, самое главное, формируется проле-

тарская мораль — мораль будущего. Именно поэтому состояние морали в буржуазном обществе достаточно сложно и противоречиво: идет постоянное противоборство прогрессивных и реакционных тенденций; существует множество «промежуточных» форм морального сознания, тем более что классовое расслоение и социальная неоднородность общества очень велики.

Подлинным хранителем моральных ценностей в капиталистических странах является народ, трудящиеся массы хранят и развивают моральные ценности. Тенденции разрушения и обесценивания этих ценностей (при явной или скрытой поддержке неоконсервативной социологии) противостоят отстаивание их трудящимися массами⁵⁵.

Для американского народа, например, всегда была характерна тенденция активного участия в общественных делах, в различных общественных организациях. Поэтому и сегодня в жизни трудового народа Америки, в гуще народных масс продолжают жить традиции корпоративности, взаимопомощи, моральной поддержки. Эрозии моральных ценностей, господствующему духу индивидуализма и эгоизма, равнодушию к судьбам окружающих людей американские трудящиеся стремятся противопоставить моральное взаимопонимание, альтруизм, заботу и уважение друг к другу. Речь идет не о благотворительности, не о пожертвованиях богатых на нужды бедных и не о моральных проповедях церкви. Имеется в виду бескорыстная деятельность сотен простых людей, направленная на благо общества. Эти люди добровольно участвуют в деятельности по трудоустройству безработных, воспитанию, охране окружающей среды, организации отдыха, образования, здравоохранения, борьбе с преступностью и т. п.

Однако болезненные явления, порожденные капитализмом в области морали и взаимоотношений между людьми, затрагивают и представителей трудящихся, в том числе и рабочего класса. Воздействие буржуазной идеологии и морали на пролетарскую мораль выражается, например, в общественной пассивности, в культе гедонизма и потребительства, в духе предпринимательства и бизнесменства, в проявлениях расизма. Эти и другие негативные явления причудливо сочетаются и уживаются с осознанием несправедливости капитализма, с моральным возмущением несправедливостью и

аморализмом. Моральное негодование приобретает самые различные формы — анархический бунт, индивидуалистический «уход» от действительности, наркоманию и алкоголизм. Но иногда оно принимает конструктивные формы, выливается в стремление самостоятельно бороться со злом и несправедливостью, в конкретные добрые дела и поступки.

Американские социологи не обошли вниманием эти явления. В социологической литературе последних лет резко увеличилось число работ, содержащих анализ так называемого «помогающего поведения» (helping behaviour). Разрабатываются целые теории «коллективного поведения». Так, в книге американского исследователя Р. Берка «Коллективное поведение»⁵⁶ в качестве альтернативы эгоизму и индивидуализму выдвигаются различные формы коллективного поведения. Однако он не проводит различия между позитивным коллективным поведением и поведением толпы. Автор другой популярной в США работы⁵⁷ К. Лэш, стоящий на либеральных позициях, выступает с рекомендациями оживить традиции «взаимной помощи», усилить общественную активность на региональном уровне в области политики, экономики и культуры.

Социологи перечисляют около 20 возможных видов и форм добровольного служения обществу. Среди них, например, организованная добровольцами круглосуточная телефонная служба под названием «Позвоните телеслужбе США», где могут бесплатно получить консультацию лица, переживающие острый душевный кризис, чем-то расстроенные, одинокие, сбитые с толку, деморализованные люди, находящиеся на грани самоубийства. Добровольцы, дежурящие у телефонов, прошедшие специальную психологическую подготовку, выслушивают и успокаивают обратившихся к ним людей, стараются оказать им материальную и моральную помощь, направить их в нужные медицинские и психиатрические учреждения.

В телефонной службе США работает сто таких центров, в которых занято свыше 15 тыс. добровольцев-общественников, отвечающих на полтора миллиона телефонных звонков в год.

Другим примером новых, «коллективных» форм поведения служат общественники, добровольно посвящающие свое время и деньги заботе и уходу за без-

надежно больными и умирающими детьми. Более двухсот общественников собирают пожертвования и стараются выполнить заветные желания этих детей: побывать в Диснейлэнде, отправиться в путешествие на пароходе по Миссисипи, встретиться со знаменитыми спортсменами или артистами. В контакте с профсоюзами работает другая добровольная организация, члены которой заботятся о детях с различными физическими недостатками, изготавливают для них бесплатно специальную мебель и различные приборы. Многие общественники оказывают помощь бывшим заключенным, выражающуюся в моральной поддержке, помощи найти жилье, работу, приобрести одежду, пищу; выполняют бесплатно работу в национальных парках и заповедниках по охране природы; помогают старикам, слепым и другим нуждающимся в помощи людям из малообеспеченных слоев населения.

Эти и другие виды коммунитарного, «коллективного» поведения преподносятся многими буржуазными социологами как убедительное свидетельство преодоления морального кризиса предыдущих десятилетий, полного «обновления» буржуазной морали и развертывания ее внутренних, якобы еще не исчерпанных возможностей. Особый оптимизм у них вызывает тот факт, что данные формы участия в общественных делах в некоторых капиталистических странах, например в США, снискали полную поддержку и одобрение со стороны правительства: в конце 1981 г. администрация объявила об учреждении Программы президентских наград за добровольное служение обществу. А уже в конце следующего 1982 г. правительство присудило 18 наград отдельным лицам и организациям, имеющим особые заслуги в деле добровольного служения обществу. Они были отобраны среди почти двух с половиной тысяч кандидатов-общественников, выдвинутых на соискание президентских наград. Из этого факта некоторые буржуазные социологи спешат сделать вывод, что из морального кризиса в буржуазном обществе были извлечены серьезные и трезвые уроки, которые привели к моральному возрождению.

Интересно отметить, что администрация США иначе относится к добровольной общественной деятельности. Так, президент США Рейган подчеркнул другую, не моральную, а скорее материальную сторону дела. Пра-

вительство играет свою роль, говорил президент, но не следует забывать, что, до того как стало принято считать правительство двигателем социальных перемен, истинным источником прогресса в нашей стране считался частный сектор. Частный сектор и по сей день предлагает весьма удачные, более экономичные и более эффективные альтернативы для решения наших социальных проблем. Мы не выдвигаем частную инициативу и добровольное служение как средство для сокращения бюджета... Можно делать больше. Нужно делать больше. Размером федерального бюджета не определяется ни общественная совесть, ни благотворительность. Как видно, несмотря на предусмотрительные оговорки, администрацию весьма волнует возможность переложить часть расходов с федерального бюджета на частный сектор: известно, что в этой стране основные средства федерального бюджета расходуются на военные нужды, а отнюдь не на материальную помощь и поддержку нуждающихся людей.

Есть основания считать, что вывод буржуазных идеологов об «обновлении» морали явно поспешен. Прежде всего неверно утверждение о том, что приводимые факты бескорыстной кооперативной и коллективной общественной деятельности являются совершенно «новым» явлением в жизни капиталистических стран, появившимся как реакция на пережитый кризис. Американский историк-марксист Ф. Фонер в книге «Рабочий класс и американская революция» подчеркивает, что важной характерной чертой американской культуры является борьба за демократизацию общества. Это позволило США избежать установления фашистского режима, как это случилось во многих странах Западной Европы. За 60 лет до войны за независимость низшие слои городского населения активно участвовали в политической жизни, организовывали политические службы, участвовали в избирательных кампаниях⁵⁸. Фонер пишет, что еще в конце прошлого века в этой стране работали различные ассоциации взаимопомощи, клубы для развития самообразования, рабочие кооперативы, читальни, спортивные клубы рабочих и т. д. Поэтому правильно говорить не о «новизне» морального возрождения, а о давней и стойкой традиции американского народа, сохранившейся несмотря и вопреки разрушительным тенденциям отчуждения, эгоизма, равнодушия

и эскапизма, массированно навязываемым буржуазной моралью.

Что касается утверждения американских социологов о том, что происходит возрождение именно буржуазной морали, то и оно представляется преждевременным. Факты свидетельствуют о том, что вся общественная моральная деятельность, на которую они ссылаются в качестве примеров «новой» буржуазной морали, на самом деле свидетельствует о протесте против господства основных ценностей буржуазной морали, является их альтернативой, одной из форм борьбы против них. Более прозорливыми в понимании этой закономерности оказались не профессиональные социологи, а писатели. Об этом пишет, например, Дж. Гарднер в романе «Октябрьский свет», А. Силлитоу в романе о жизни шахтеров.

Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, выступая на конференции молодых социалистов, подчеркнул социалистический характер движения за перемены и готовность людей участвовать в этом движении⁵⁹. Советские исследователи отмечают, что экономическая, кооперативная и культурная деятельность в буржуазных странах на местах идет под лозунгами антикапитализма, антирасизма, «антисексизма»⁶⁰. Стало быть, речь идет не о разворачивании новых возможностей буржуазной морали, даже не о традиционном для всякого буржуазного общества увлечении «малыми делами» и благотворительностью. То, что выдается буржуазными социологами за возрождение буржуазной морали, является свидетельством совершенно иных процессов — борьбы двух форм морали в буржуазном обществе — буржуазной и пролетарской, показателем нарастающего сопротивления современной буржуазной морали, кризисное состояние которой сегодня уже не является секретом ни для кого даже в буржуазном обществе.

О подлинной альтернативе буржуазной морали — морали пролетариата, объединяющего все прогрессивные силы буржуазного общества, социологи, как правило, почти совсем умалчивают. Причина в том, что с позиций пролетариата выход из морального кризиса, порожденного капитализмом, и подлинное возрождение морали заключаются в последовательном революционном преобразовании социально-экономических основ капитализма. Но даже стихийные поиски выхода из мо-

рального кризиса, осуществляемые тысячами честных и добросовестных людей в странах капитала и не идущие дальше попыток улучшить моральную атмосферу в обществе, не изменяя его социально-экономической природы, объективно приобретают антибуржуазный характер и знаменуют необходимость перемен.

Современные буржуазные социологи пытаются связать «перемены», происходящие в морали, с переменами, происходящими в науке, технике, средствах массовой информации и т. п. Так, З. Бжезинский в книге «Между двумя эпохами»⁶¹ утверждал, что кризис современной буржуазной морали является неизбежным и «естественным» следствием перехода Америки от одного типа общества к другому — от индустриального к технотронному. Это означает, что кризис — явление закономерное и исторически оправданное. Его не пужно ни пугаться, ни стараться избежать, он необходим для переходного этапа. По его мнению, кризис морали есть свидетельство не разрушения, а роста, поэтому бороться с ним не надо, ибо он исчезнет сам собой, уступив место новой стадии в истории буржуазной морали — морали технотронного общества. Каковы будут основные особенности этой «новой» морали, точнее, морали нового общества?

Двадцатый век З. Бжезинский называет веком изменчивых воззрений, который непосредственно обусловлен влиянием технотронной революции на существующие идеологии и взгляды на жизнь⁶². Влияние высоко-развитой техники и науки на человека и общество обуславливает возникновение нового типа общества. «Постиндустриальное общество становится технотронным обществом — обществом, которое культурно, психологически, социально и экономически формируется под воздействием техники и электроники, в частности в области вычислительной техники и массовых средств информации. Индустриальный процесс уже не является главным, определяющим фактором социальных перемен, преобразующих нравы, социальную структуру и духовные ценности общества»⁶³.

В технотронном обществе, по утверждению Бжезинского:

1) меняется характер экономики, а также характер труда в промышленности. Физически интенсивную работу вытесняет обслуживание техники. Впоследствии

и управление машинами будет передано автоматике и кибернетике;

2) нным становится соотношение труда и капитала, на первый план выдвигаются проблемы организации отпусков, досуга, психического здоровья масс;

3) становится всеобщим образование, поэтому особое значение приобретают проблемы использования образованных и талантливых людей в интересах общества;

4) руководство обществом начинают осуществлять интеллектуалы, талантливые ученые;

5) университеты превращаются из изолированных от общества научных центров в близкие к жизни и участвующие в решении социальных проблем организации;

6) новые средства информации технотронного общества — телевидение и радио — приведут к еще большему плюрализму ценностей, поэтому встанет задача сохранения и защиты человеческих ценностей;

7) массы людей будут требовать непосредственного участия в политике, в принятии общих решений. Женщины станут все более активно бороться за равные права с мужчинами;

8) благодаря развитию электронной техники откроются широкие возможности манипулировать людьми, влиять на их эмоции, контролировать их разум;

9) наука, политика и промышленность будут выступать во все более тесном единстве;

10) для большинства граждан технотронного общества, особенно молодых, главным будет не накопление личного богатства и потребление благ, а забота об улучшении качества жизни, прежде всего в моральном и духовном отношениях.

Бжезинский пытается доказать, что состояние неуверенности, нравственного разброда, которое характеризует современное американское общество, является результатом того, что оно находится в переходном состоянии между прошлым и будущим, между «индустриальным» обществом и «технотронным».

Это утверждение одного из ведущих американских футурологов полностью подтверждает апологетический характер современной буржуазной социологии в целом и социологии морали в частности. Опросы общественного мнения, подбор эмпирических фактов, футурологи-

ческие прогнозы — все поставлено на службу буржуазной идеологии. Цель буржуазной социологии морали состоит не в том, чтобы дать подлинно научный анализ моральной жизни общества, а в том, чтобы любыми средствами и методами защитить его от грозящей ему гибели и как можно дольше продлить его существование. Идеологическая роль буржуазной науки о морали заключается в доказательстве того, что у буржуазной морали есть будущее. Каково же оно?

3. «В мире, перевернутом вверх дном»

Слова, вынесенные в заголовок параграфа, составляют часть названия новой книги уже знакомого читателю американского социолога Д. Янкеловича, в течение трех десятков лет изучающего американские нравы. В работе «Новая мораль: профиль американской юности 70-х» он исследовал мораль американского общества конца 60-х — начала 70-х годов. Его работа «Новые правила: поиски самоосуществления в мире, перевернутом вверх дном»⁶⁴ посвящена анализу морали этого общества начала 70-х — начала 80-х годов.

Метафорический образ мира, опрокинутого вверх дном, перевернутого вверх ногами, понадобился исследователю для того, чтобы не просто охарактеризовать сегодняшнее состояние моральной атмосферы американской жизни, но и выразить свои чувства по этому поводу. Не бесстрастный анализ, а эмоциональное, заинтересованное отношение социолога к изучаемому предмету составляет отличительную черту работ этого автора — одного из самых крупных в США специалистов в области социологии морали, руководителя собственной, весьма процветающей социологической фирмы, книги которого стали известными не только узкому кругу ученых, но и широкой публике. Поскольку новая работа Д. Янкеловича обладает двумя важными достоинствами — серьезностью эмпирического исследования и яркой публицистичностью, присмотримся к ней пристальнее. Знакомство с этой книгой, как нам представляется, дает возможность читателю почувствовать душную атмосферу современного американского общества.

Прежде всего обращает на себя внимание горячее желание автора нащупать движущую пружину происходящих на его глазах многих причудливых, странных

и непонятных житейских явлений. Он остро ощущает, что вокруг него все буквально рушится, он видит сдвиги, смещения и ломку сложившихся, привычных моральных представлений, резкие перемены в стилях жизни, критериях добра и зла, ценностях и целях. На их месте внезапно возникают и неожиданно распространяются необычные, пугающие своей новизной формы отношений между людьми, стили одежды и жизни, проведение досуга, отношение к работе, детям, семье, к религии, школе, обществу в целом.

Первое, что фиксирует социолог,— это глобальность, всеохватность и необратимость происходящих в сфере морали и — шире — культуры перемен. Эти перемены, пишет он, столь глубоки, что их можно сравнить лишь с геологическими катаклизмами. Как массивные тектонические пласты, которые время от времени приходят в движение, меняют свое место, несмотря на то, что скрыты под землей и двигаются очень медленно, приводят к землетрясениям и вулканическим взрывам, так и происходящие в недрах американской культуры и морали сдвиги проявляются в огромном числе изменений в личной и общественной жизни.

При этом Янкелович имеет в виду не те символы происходящих перемен, которые резко бросались в глаза в конце 60-х — начале 70-х годов: нарочито небрежная одежда и длинные волосы у молодежи, эпатазирующее поведение хиппи и битников, бурные уличные демонстрации и бои в студенческих городках. В конце 70-х — начале 80-х годов, подчеркивает он, когда пресса и массовая пропаганда твердят о конце эры либерализма и возвращении к «нормальному стилю 50-х годов», происходят серьезные перемены, потрясающие основы традиционных буржуазных ценностей. «Именно в настоящее время,— пишет автор,— наши исследования общества показывают, что «гигантские пласты» американской культуры неумолимо сдвигаются под нашими ногами. Эти сдвиги создают крупные смещения в нашей жизни. Те, кто находится ближе всего к ошибкам общества, первыми попадают в новые затруднения. Но даже те, кто отстоит от них достаточно далеко, чувствуют дрожь»⁶⁵.

Таким образом, Янкелович ведет речь уже не о «новизне» морали, созданной бунтующей молодежью, не просто о «новой» морали в области семьи и секса или

об отдельных «новых» правилах — он ставит вопрос о гигантских, глобальных изменениях в жизни американского общества. Подобная заявка, да еще выдвинутая в период, когда неоконсерваторы твердят о сравнительном спокойствии и затишье, звучит достаточно смело и сенсационно. Вместе с тем такая позиция требует доказательств, фактов, эмпирических данных, статистических выкладок, убедительных подтверждений, логических умозаключений. Все это в изобилии содержит книга Янкеловича, который обосновывает правомерность и точность образа, найденного им для общей характеристики происходящего переворота — перевернутого вверх дном мира.

Что же произошло с этим миром, недавно столь устойчивым, что, казалось, ничто не сможет поколебать его? Каковы причины того, что все вокруг стало шиворот-навыворот, вывернулось наизнанку, пошло кувырком? По каким, собственно говоря, признакам социолог пришел к таким неутешительным мыслям, да и один ли он почувствовал сотрясение основ? И если не только он, то что говорят другие социологи, ощутившие это колебание почвы под ногами?

Начнем с ответа на последний вопрос и обратим внимание на то, что отношение буржуазных социологов к происходящим вокруг них сдвигам троякое. Одни безоговорочно оправдывают все проводящиеся эксперименты и поиски в сфере культуры и морали. Другие категорично отрицают их и бьют тревогу по поводу их деструктивного влияния на общественную жизнь. Третьи не оправдывают и не порицают, но стараются выработать к ним терпимость, приспособиться, как-то объяснить и вписать их в рамки привычного, памятуя о старой истине, что терпимость умиряет всякий бунт, нейтрализует его, притупляет остроту его разрушительной силы.

К представителям первой позиции относится, например, уже упоминавшийся Ч. Рейч, автор бестселлера «Зеленеющая Америка». Все эксперименты над собой, над своей жизнью и над моралью в целом, произведенные бунтующей молодежью 60-х годов, начиная с потрепанной одежды и немых волос (включая отказ от обязанности трудиться) и кончая новыми формами взаимоотношений между полами, Рейч считал оправданными и полезными хотя бы потому, что они являли

собой противоположность мещанскому благополучию, бездумному потреблению продукции «массовой культуры» и ханжеской семейной жизни «среднего буржуа».

На позициях осуждения всякого рода «новинок» и «исканий», которыми отмечена контркультура, стоит другой достаточно известный социолог, К. Лэш, автор книги «Культура нарциссизма: американская жизнь в эпоху уменьшения ожиданий»⁶⁶, написанной как бы вдогонку эпохе потрясших буржуазный мир движений бунтующей молодежи. Прекрасный знаток современной буржуазной контркультуры, К. Лэш, измерив ее параметры и отдав дань смелым исканиям ее сторонников, все же негативно оценил ее сущность. По его мнению, контркультура есть сдвиг не вперед, а назад, продолжение и развитие в новых социальных условиях старых излюбленных сюжетов идеалистической морали и культуры — воспевание индивидуализма, свободы личности, своего «Я», самореализации и пр., являющихся по сути дела идеологическим оправданием эгоизма и эгоцентризма, «метафизикой своеволия». Для обозначения нового обличья старой идеи К. Лэш вводит специальный термин «культура нарциссизма» и показывает, как опасно влияет она на социальные и личные ценности.

Промежуточную между этими крайними оценками позицию занимает Янкелович. Тщательно взвесив все «за» и «против», он увидел в феномене контркультуры начало нового этапа, подлинный переворот в жизни буржуазного общества в целом и в судьбе каждой личности в частности. «Сдвиги, которые мы рассматриваем в настоящей работе,— пишет он,— очень важны, они означают решительный разрыв с прошлым, они оказывают влияние на судьбы нашей экономики и политики, а также на стиль культуры нашей жизни»⁶⁷.

Что же изменилось по сравнению с прошлым? В послевоенный период, как показали интервью с людьми 55—60 лет, наиболее типичными были следующие высказывания о жизни.

«Я тяжело работал всю свою жизнь, и я достиг успеха для себя лично и моих детей. У нас хороший дом. Есть все необходимое для комфорта. Я в состоянии послать своих детей в хорошую школу, мы с женой можем позволить себе бывать там, где нам хочется. Да, я доволен достигнутым!» «Мы жили на его (мужа)

зарплату, хотя я могла в то время хорошо зарабатывать. Он говорил, что будет чувствовать себя плохо, если мы будем жить на деньги, заработанные мною». «Конечно, работа у меня была паршивая. Но вот что главное: я создал себе хорошую жизнь, обеспечил жену и детей. Чего еще ждать? Даже если у нас больше нет ничего общего, мы будем вместе. Мы не расторгнем наш брак, даже когда вырастут дети».

Это старое, традиционное отношение к жизни (Янkelович вводит для его обозначения специальный термин «отдача — вознаграждение», т. е. соотношение того, что человек отдает и что получает) можно иначе выразить так: «Я тяжело работаю, я лоялен и устойчив. Я неставляю себя на первый план, ставлю нужды других выше своих. То, что я получаю взамен, стоит того, что я отдаю. У меня хороший дом, хорошая работа, меня уважают друзья и соседи, дети будут заботиться обо мне в старости. Я удовлетворен достигнутым». В тот период, подчеркивает Янkelович, такие представления были очень важны. Они лежали в центре того, что называется «американской мечтой». Символы успеха и респектабельности в американском обществе — материальное благосостояние, образование, продвижение по службе и т. д. — были взаимосвязаны как звенья одной цепи⁶⁸.

Сегодня, продолжает социолог, десятки миллионов людей хотят изменить соотношение «отдачи — вознаграждения» в сферах жизненного успеха, отношения к другим людям и к себе самому. На место традиционных требований материального благополучия выдвигаются новые требования — творчества, свободного времени, автономии, удовольствий, общения, приключений, любви⁶⁹.

В главе, названной «Угроза великих перемен», автор раскрывает содержание понятия «перемены». Они выражаются стремлением американцев иметь более широкий выбор, разнообразные стили жизни, большую свободу.

Такое стремление особенно остро ощущается потому, что находится в резком противоречии с изменившимся в последние годы экономическим положением общества — инфляцией и спадом, ограничивающими стремления американцев. «Это создает многие дилеммы Америки»⁷⁰.

Ухудшение экономического положения, пишет Янкелович, было неожиданным для американцев. Люди сначала не подозревали, как эти «черные» изменения в экономике могут повлиять на их стремления выбирать стили жизни. Они стали задавать себе вопросы: что будет, когда экономический рост замедлится? Какое будущее ожидает тех, кто в условиях экономического бума решил изменить свою жизнь, а теперь столкнулся с менее благоприятными экономическими условиями? У американцев складывалось ощущение, что вокруг них «вздорный мир»⁷¹, в котором существуют ОПЕК с ее высокими ценами на нефть, конкуренция со стороны японской автомобильной промышленности, освободившиеся страны с их требованием нового экономического порядка, растущая задолженность США (за 15 лет, по данным, приводимым Янкеловичем, с 366 млрд. до 3 трлн. долл.) и т. п. Оптимизм американцев сменился страхом перед экономической нестабильностью.

«Нация находится посередине пути от старой, послевоенной веры в расширяющиеся горизонты к новому чувству убывающих ожиданий, пониманию ложности институтов и растущего чувства ограничений»⁷². Этот вывод сделан социологом на основе данных, полученных фирмой «Янкелович, Скелли и Уайт»: 62% американцев из числа опрошенных согласились с тем, что, «возможно, наши сегодняшние жизненные стандарты являются наивысшими из тех, на которые мы могли бы надеяться»; также 62% опрошенных подтвердили, что «американцы должны признать факт, что наше богатство ограничено и большинству из нас, вероятно, не станет лучше, чем теперь». Характерно, что положительно ответили на эти два вопроса женщины и мужчины, черные и белые, сельские и городские жители. Различия в ответах связаны с возрастом и образованием: старые и менее образованные люди более пессимистичны, чем молодые и высокообразованные. Но ответы на один вопрос показывают, как американцы реагируют на современную экономическую ситуацию: почти $\frac{3}{4}$ американцев (72%), шокированных экономическими переменами в стране, происшедшими с 1973 г., считают, что «мы почти подошли к поворотной точке в нашей истории. Страна изобилия становится страной бедности»⁷³. Этот вывод, выделенный в книге курсивом, звучит как погребальный звон. В такой тональности

написана Янкеловичем почти вся книга. Ее печальный настрой лишь изредка прерывается отдельными утешительными нотами и несколько изменяется только в конце. Тяжелое впечатление не покидает читателя особенно потому, что автор не скупится на фактические доказательства своих грустных выводов.

Каковы же, по Янкеловичу, неопровержимые приметы происшедших изменений? Он скрупулезно отбирает факты, свидетельствующие о расшатывании основ американского общества, регистрирует любые, вплоть до едва заметных, сдвиги в общественном и личном моральном сознании. Социолог выстраивает шкалу колебаний перевернутого вверх дном мира, начиная от очень далеких от эпицентра и постепенно переходя к главным. Мы условно поделим эту шкалу на несколько крупных отрезков, чтобы помочь читателю ориентироваться среди обломков перманентного социального землетрясения в американском обществе.

Сдвиги в сфере труда. В этой сфере произошли огромные изменения. Несколько десятков лет назад было типичным, что американский рабочий трудился без устали все рабочее время, чтобы обеспечить жену и детей. Сегодня, пишет Янкелович, едва ли один из пяти рабочих соответствует этому стандарту. Это связано с тем, что в старом соотношении «отдача — вознаграждение» ценой материального благополучия являлась вся жизнь человека, все его силы, все его время, отданные работе. Сегодня не работа ради материального благополучия, а наличие свободного времени, средств и сил для его интересного проведения становится все более важным для американцев. Ради этого они готовы поступиться высокооплачиваемой работой. Для иллюстрации такой переориентации Янкелович приводит следующий пример.

Одно из отделений компании «Дженерал моторз» нуждалось в работниках малоквалифицированного труда — сторожах, мойщиках, уборщиках и т. д. Руководители отделения надеялись, что на их предложение откликнутся 10—20 пожилых человек, желающих подработать. Каково же было их удивление, когда компания получила свыше двух тысяч заявлений от хорошо оплачиваемых, высококвалифицированных, не старых по возрасту рабочих. Кто когда-либо слышал о подобном понижении уровня притязаний — вопрошает социолог⁷⁴.

В конце 70-х годов большинство женщин (51%) перестали быть домашними хозяйками и пошли работать. К 1980 г. более двух из пяти женщин, имеющих детей в возрасте 6 и менее лет, работали на производстве. Самое удивительное состоит в том, что если женщины все активнее стремятся включиться в производство, то мужчины постепенно покидают сферу труда. За 30 лет — с 1947 по 1977 г. — число мужчин активного возраста (от 16 до 65 лет), выбывших из сферы труда, увеличилось почти вдвое — с 13 до 22% ⁷⁵. Янкелович утверждает, что могут произойти большие изменения, связанные с тем, что женщины должны будут совмещать труд на производстве с воспитанием детей. В 1978 г., впервые за всю историю США, в высшие учебные заведения было принято больше женщин, чем мужчин. Это свидетельствует о стремлении женщин сравняться с мужчинами и по уровню образования, и в сфере труда. В то же время сокращение числа американских мужчин, поступающих в колледжи, свидетельствует о том, что для них окончание колледжа уже не служит основным путем к достижению успеха.

Изменения в сфере семейных отношений. «Самые тревожные изменения, — пишет Янкелович, — произошли в структуре семьи». В течение многих десятков лет нормальная американская нуклеарная семья (работающий отец, неработающая мать, один или более детей) составляла 70% всех семей. На протяжении жизни одного лишь поколения произошло резкое изменение этой нормы.

Теперь такая семья составляет всего 15%. Большинство американцев были удивлены, узнав, что «типичной американской семьей» сейчас является семья из одного человека. Количество одиноких выросло с 10,9% в 1950 г. до 23% в конце 70-х годов. Сегодня в американском обществе не существует какого-либо преобладающего типа семьи, его заменило огромное разнообразие типов.

Если в 50-х и 60-х годах люди придерживались определенных общепринятых норм, то ныне царят плюрализм и свобода выбора: жениться или жить в одиночку, иметь детей или не иметь, сохранить старую работу или начать все заново, связать себя обязательствами или освободиться от них, сменить ли жилье, место жительства, стиль одежды, образ мыслей или нет ⁷⁶.

Янкелович рассказывает об одной из обследованных им семей. Жена, не удовлетворенная ролью домашней хозяйки, поступила на работу с помощью и при поддержке мужа. Но со временем ее работа стала необходимой для сохранения в условиях инфляции материального положения семьи. Теперь она не может оставить работу, а материальные трудности растут. Женщина чувствует себя не удовлетворенной жизнью. Она заявила, что у нее создалось впечатление, что у них с мужем сложились отношения «делового партнерства» по ведению домашнего хозяйства, а это совсем не то, что настоящая супружеская жизнь.

В другой семье ситуация более сложная. Муж — безработный молодой рабочий-сталелитейщик. Семья вынуждена жить на пособие по безработице. Это кажется мужу унижительным и несправедливым, так же как жить на заработок жены, если бы она пошла работать, тем более что сама она считает, что ее место дома, около ребенка. У этих мужа и жены сохранилось еще старое, традиционное представление о том, что муж является кормильцем семьи. Янкелович пишет, что, наблюдая по телевидению интервью с этой семьей, он был поражен тем, что сегодня такая традиционная семья воспринимается как нетипичная, странная, даже экзотичная, тогда как она совсем недавно казалась вполне обычной. Теперь она такое же редкое явление, как семья из двух женщин или из мужчины и двоих усыновленных им детей.

В подтверждение Янкелович приводит следующие данные: с 1938 по 1978 г. уменьшилось с 75 до 26% число людей, не одобряющих труд жены ради заработка. С 1945 по 1980 г. с 49 до 16% снизилась доля семей, считающих идеальным иметь четверо и более детей. Больше половины американцев (51%) в 1980 г. высказали желание иметь двоих детей. В 1950 г. замужние молодые женщины, не желающие иметь детей, были редкостью. Теперь противоположная ситуация: многие опрошенные молодые женщины не имеют намерения заводить детей. Если в 1957 г. 80% опрошенных считали ненормальным положение незамужней женщины, то в 1978 г. таковых было лишь 25%. Почти втрое снизилось число людей, считающих аморальными добрачные сексуальные отношения (в 1967 г. — 85%, в

1979 — 37%). С 1960 по 1977 г. удвоилось число семей с незарегистрированным браком⁷⁷.

Из этих данных Янкелович делает вывод о резком возрастании свободы нравов. Но еще более пугающими являются данные о добровольном отказе от возможности иметь детей: в 70-х годах в течение 10 лет около 10 млн. американцев прошли стерилизацию, решив никогда не иметь детей. Исследования показывают, пишет социолог, что, как никогда в прошлом, миллионы американских женщин сегодня не видят удовлетворения в детях. Добровольная бездетность — новое явление для американского общества⁷⁸.

Отношение к жизни. В 1970 г. проведенные фирмой Янкеловича исследования показали, что двое из пяти американцев имели «кислый» взгляд на жизнь. Эти люди верили в американскую мечту о «достижении более высокого положения» путем повышения образования, имущественного уровня, признания, но их мечта не осуществилась. Таких людей можно назвать «отступившими», потому что многие с горечью и негативизмом отзывались о своей жизни. Среди «отступивших» было много пожилых людей (тогда как средний возраст жителей США, по приводимым Янкеловичем данным, 28 лет). Десять лет спустя, в 1980 г., по данным Янкеловича, число таких людей уменьшилось вдвое — с 38 до 18%, что отразило ряд изменений в жизни американцев. Одно из них заключается в том, что люди уже не меряют свои успехи тем, что им удалось перегнать других.

Группа исследователей из Мичиганского университета подтвердила, что пожилые американцы стали менее тревожными и депрессивными, чем раньше, в то время как юные американцы становятся все более тревожными, неуравновешенными и нецелеустремленными. Исследования, проведенные социологической фирмой Янкеловича, также показали, что каждый год на протяжении нескольких последних лет число молодых американцев, утративших определенные цели и горько ощущающих бесцельность своей жизни, увеличивается⁷⁹.

У современных молодых людей больше выбора, чем у молодежи предшествующих поколений, но они все же не могут решить, что им делать, жизнь их бесцельна и не приносит удовлетворения. Молодые люди неспособны решить главные вопросы: где жить, с кем, при каких

Социальные нормы	Годы	Процент ответивших
1. Не одобрять, чтобы замужняя женщина зарабатывала деньги, если муж может содержать ее	1938 1978	75 26
2. Четверо или более детей — идеальное число для семьи Двое детей — идеал	1945 1980 1936 1980	49 16 29 51
3. Если женщина не выйдет замуж, она будет «больной», «нервной» или «аморальной»	1957 1978	80 25
4. Голосовать за то, чтобы женщины могли баллотироваться на пост президента	1937 1980	31 77
5. Осуждать добрачные связи как моральное зло	1967 1979	85 37
6. Согласиться с тем, что и мужчина и женщина несут ответственность за воспитание маленьких детей	1970 1980	33 56
7. Согласиться с тем, что «трудная работа всегда оправданна»	1969 1976	58 43
8. Согласиться, что «работа является главным в моей жизни»	1970 1978	34 13
9. Идти работать ради денег, даже если не нуждаешься в них: мужчины	1957 1976 1957 1976	85 84 58 77
женщины		
10. Согласиться, что «люди, управляющие страной, не заботятся о людях вроде меня»	1966 1977	26 60
11. Согласиться, что люди «могут верить, что правительство делает то, что нужно»	1958 1978	56 29
12. Испытывать «сильную жажду общения»	1973 1980	32 47
13. Американцы с «кислым» взглядом на жизнь	1970 1980	38 19
14. Согласиться, что морально приемлемо быть не замужем и иметь детей	1979	75
15. Согласиться, что межрасовые браки не являются моральным злом	1977	62
16. Согласиться, что морально и приемлемо жить в незарегистрированном браке	1978	52
17. Согласиться, что они хотели бы вернуться к стандартам прошлого, касающимся сексуальных границ, образцового домашнего быта, женщин в роли домохозяйек и работающих мужчин	1979	21

условиях и на чем сосредоточить свое время и свою жизнь? ⁸¹

Изменения, происшедшие в оценке основных социальных норм и моральных ценностей, Янкелович классифицирует по 20 позициям и сводит в таблицу. Приведем ее с незначительными сокращениями (см. табл. 4).

Таковы некоторые изменения в оценке социальных норм, схваченные социологическим радаром. Зафиксировано и другое — отношение людей к происходящим вокруг них и с ними самими изменениям. «Когда ценности меняются, — отмечает Янкелович, — люди остро реагируют на это. Некоторые американцы начинают ненавидеть новую мораль. Их реакции варьируются от просто-го отвращения к молодому поколению до осуждения нового стиля жизни как морального зла, которое должно быть безжалостно разрушено. Волна возмущения поднимается против легкости разводов, современного полового воспитания, аборт. Большинство американцев считают эти явления антиамериканскими, антихристианскими, антисемейными и т. п. До конца столетия американская культура будет полем конфликтов. Сдвиги культурных пластов произвели глубокие трещины в американском обществе» ⁸².

Каковы же причины тех изменений, которые произошли «на поверхности» американской общественной жизни в последнее десятилетие? Отвечая на этот вопрос, Янкелович не может не обратиться к «базисным», с его точки зрения, изменениям в экономике страны за тот же период. Прежде всего он отмечает, что в течение нескольких послевоенных десятилетий Америка была одной из самых процветающих стран капиталистического мира, центром его. В эти годы экономического подъема у большинства американцев возникла «психология изобилия», основанная на вере в незыблемость экономики, в то, что завтра будет лучше, чем сегодня, что уровень жизни будет расти, доходы увеличиваться. Однако в последнюю четверть XX в. произошло резкое ухудшение экономического положения. Америка утратила экономическую гегемонию в буржуазном мире. В стране возник острый дефицит энергоресурсов, повысились цены на топливо, возникли серьезные экологические проблемы. В начале 80-х годов инфляция достигла уровня 18%, что привело к ощутимому для большинства населения снижению жизненного уровня. С 1973 г. в стране произошло

снижение темпов экономического роста, уменьшились прибыли, катастрофически выросли безработица, задолженность по потребительскому кредиту, сократились личные сбережения граждан. Особенно трудно пришлось работающей молодежи, пожилым людям и людям с низким уровнем доходов ⁸³.

Проведенный Янкеловичем анализ экономического состояния страны, заканчивающийся словами «мир перевернулся вверх дном», подтверждается исследованиями и других ведущих специалистов США. Так, в 1980 г. известным Гуверовским институтом при Станфордском университете был издан объемистый труд под названием «Соединенные Штаты Америки в 80-е годы» ⁸⁴, написанный тридцатью авторами. Они также пришли к мнению, что в настоящее время США утратили престиж и статус лидера капиталистического мира. Более того, Соединенные Штаты уже не обладают достаточными ресурсами, чтобы успешно решать как внутренние, так и внешнеполитические проблемы. Авторы пишут о необходимости перестройки всего национального сознания в политико-экономическом спектре: «...в 80-х годах мы столкнемся как с вызовами, так и опасностями. Инициатива и ответственность индивидуумов должны заменить правительственный контроль и управление. Мы должны больше конкурировать и меньше регулировать. Наши скудные экономические ресурсы должны распределяться с помощью механизма цен, а не бюрократии. Впереди нас ждут более трудные и суровые времена. Мы не хотим превратить нашу страну в пуританское казарменное государство. Но мы не выживем, если не будем экономить больше, чем тратить, не будем работать больше, чем играть, не будем расходовать на оборону больше, чем на социальное обеспечение» ⁸⁵.

Далее в книге подчеркивается, что если в 60-х годах в стране царила эра оптимизма, когда широко декларировалось, что американцам суждено построить «великое общество», покончить с бедностью и расизмом, то в начале текущего десятилетия оптимистические ожидания и надежды значительно поубавились и полученные скудные и даже отрицательные результаты вызвали разочарование. Янкелович подтверждает это данными конкретно-социологических исследований. «К концу 70-х годов волна пессимизма смыла традиционный американский оптимизм. По сравнению с 32% в 50-х годах 52%

молодежи в 70-х показали, что они испытывают тревогу, страх и беспокойство за свою судьбу. Это показывают и статистические данные. Растет число самоубийств: в 1950 г. на 100 тыс. белых молодых людей их приходилось 2,8, а в 1975 г. — 7,6»⁸⁶.

Наиболее остро пессимизм американцев выразился в снижении доверия к правительству и социальным институтам. За десять лет, с начала 60-х до начала 70-х годов, число людей, верящих, что «правительство знает, что делать», уменьшилось с 56 до 29%, а число тех, кто считает, что правительство действует в интересах немногих влиятельных групп, увеличилось с $\frac{1}{3}$ в 60-х до $\frac{2}{3}$ в 80-х годах⁸⁷.

Чтобы люди были готовы к трудностям в будущем, Янкелович считает необходимым отказаться от «психологии изобилия» и сформировать реалистическое мышление, трезво смотреть правде в глаза. А пока что, подчеркивает он, страна не готова ответить на «три главных вызова», решить самые острые проблемы: проблему дешевой энергии, проблему роста налогов, которые увеличились в 70-х годах до 13% личных доходов из-за чрезмерных расходов на проводимые правительством программы, и проблему снижения конкурентоспособности американской промышленности, порожденную сокращением капиталовложений в науку и замедлением роста производительности труда. Эти причины за прошедшие 25 лет привели к уменьшению почти вдвое прироста доходов средней американской семьи⁸⁸.

Показательно, отмечает Янкелович, что эти проблемы проникли и в индивидуальное сознание. Если раньше американцы были склонны разграничивать трудности, испытываемые обществом, и свои личные, будучи уверены, что их личному благополучию ничто не угрожает, то теперь они поняли, что трудности, переживаемые обществом, имеют к ним прямое отношение. Более того, в личное сознание внедрились многие негативные явления американской культуры, ее прагматизм, утилитаризм и инструментализм. Эти стороны жизни американского общества неоднократно подвергались критике со стороны самих буржуазных исследователей. Критики «справа» предостерегали, что индустриализм и порожденный им гигантизм разрушают общность людей, семейные и соседские отношения, локальные общности, создают чувство изоляции людей от общества, друг от друга. Критики

капитализма «слева» подчеркивали отчуждение человека, превращение его в товар, в объект манипуляции. Янкелович отмечает, что большинство американского народа, и в первую очередь участники различных движений, разделяет такую точку зрения. Это, конечно, не означает, тут же добавляет он, что американцы утратили веру в ценности своего общества. Дело обстоит сложнее. В их сознании сосуществуют две тенденции: американцы и надеются на то, что в будущем сохранится возможность самовыражения и свободы выбора, и боятся этого будущего. Наличие этих тенденций в сознании личности вызывает крайнюю степень паники, напряженности, замешательства⁸⁹.

Янкелович утверждает, что современная инфляция — «это в сущности проблема не экономики, а культуры». Она объясняется тем, что американцы не готовы к ее пониманию и решению. Если бы американское политическое руководство открыто рассказало народу о трудностях в сфере экономики, возникших в 70-х годах, то, возможно, американскому народу пришлось бы пережить некоторое снижение уровня жизни, но страна избежала бы инфляции⁹⁰. Однако большинство политических лидеров, считает Янкелович, не способны противостоять психологии изобилия.

Не видя реальных экономических и политических путей выхода из кризиса, Янкелович предлагает в качестве пути решения всех острых проблем революцию в сознании, в культуре. Для преодоления экономических и политических трудностей необходим поиск самоосуществления, ответ на вопрос, как сочетать энергию поиска самоосуществления с созданием экономически жизнеспособной, политически устойчивой, социально интегрированной цивилизации? От решения этого вопроса, по Янкеловичу, будет зависеть будущее как индивидов, так и американского общества в целом.

Таков социологический портрет «перевернутого вверх дном мира». Казалось бы, он предельно правдоподобен, остро критичен. Но при всем том он служит пока лишь зеркалом перевернутого мира. Научный анализ начинается тогда, когда в его итоге становятся ясными причины зафиксированных социологическими индикаторами явлений, а этого как раз и нет в книге Янкеловича. Провозгласив своей задачей объективный анализ современного буржуазного общества, критику порожденных

им негативных явлений в сфере морали и культуры, буржуазный социолог не смог довести дело до конца потому, что сам он неразрывно слит с этим обществом, является плотью от его плоти. При всей видимой критичности его взглядов, при его протесте против современного американского общества он бесконечно доверяет этому обществу и его, по словам В. И. Ленина, подернутой «нескончаемой фальшью и лицемерием» болтовне⁹¹ о морали и нравственности. Собранный Янкеловичем материал необходим ему для моральных собеседований с этим обществом, что опять-таки свидетельствует об абсолютном моральном доверии к этому обществу.

Янкелович глубоко убежден — и это сквозит во всех его рассуждениях, — что сегодняшняя болезнь буржуазной нравственности случайна, что это нечаянное недоразумение, преходящее состояние, а не закономерный результат капиталистических товарно-денежных отношений, не органическое следствие господства частной собственности и эксплуатации труда. Поэтому мораль рассматривается им как автономная общественная сфера, не зависящая от социально-экономического базиса, в отрыве от формирующих ее исторических условий. Янкелович уверен, что моральные пороки капитализма можно исправить, оставив в неприкосновенности основы капитализма. Это уже не просто морализаторское фразерство, а законченная апологетика.

Янкелович много говорит об изменениях, происшедших в жизни капиталистического общества за последние 10 лет, и подтверждает это многочисленными фактами, эмпирическими данными, статистическими выкладками. Из этих материалов можно сделать только один вывод — капитализм враждебен подлинной морали, они несовместимы. Но такого вывода Янкелович не делает. Буржуазный социолог, изобразив необратимые изменения, происшедшие в морали капитализма в конце XX в., делает совершенно необоснованный вывод: капиталистическое общество испортилось только «за последние годы», а вообще оно совсем недурно и довольно приятно. Поэтому и протест против капитализма становится «реакционной ламентацией», как подчеркивал В. И. Ленин, предупреждая, что «объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов»⁹². Если Янкелович и критикует американское общество, то тут же добавля-

ет, что все скоро изменится и опять будет хорошо. Как видно, даже такие «критически мыслящие личности» из числа буржуазных социологов, как Д. Янкелович, сплошь и рядом впадают в приторную фальшь, слащавое лицемерие, а то и просто фарисейство.

И наконец, еще одно любопытное обстоятельство. Автору, постоянно пугавшему читателей ужасами моральной атмосферы современного капиталистического общества, самому почему-то совсем не страшно. Все ужасы перевернутого мира, оказывается, служат свидетельством не разрушения и упадка, а возрождения, развития, более того, вселяют надежду на будущее. Янкелович приводит бесконечное разнообразие фактов, данных, наблюдений и размышлений к одному, и притом бодренько-оптимистическому, знаменателю, всеобъединяющему интегралу — стремлению людей к самоосуществлению. Самоосуществление — вот, оказывается, та сила, которая сдвигает пласты буржуазной культуры, уничтожает привычные нормы морали, обесценивает старые идеалы и создает новые стили жизни. Самоосуществление — вот та новая одежда, в которую в наше время стал рядиться старый кумир идеалистической этики — «любезное «Я»» Канта, «самость» Гегеля, «эго» Фрейда, «аутентичный человек» Сартра и все его родные братья.

Рассмотрим далее, насколько вероятно оптимистическое предсказание Янкеловича о том, что самоосуществление людей переродит экономику, изменит политику, оживит потребление, выведет мораль из кризиса. И можно ли в это поверить?

4. Античный миф о Нарциссе и современная сказка о самоосуществлении

В древнегреческом мифе о Нарциссе рассказывается о том, как один очень красивый юноша был не способен никого полюбить по той простой причине, что любил только самого себя. Он заставлял горько плакать и страдать многих влюбленных в него девушек, но их слезы не трогали его. Одну из девушек — юную и нежную богиню Эхо — он заставил мучиться от любви к нему. И тогда боги разгневались. Они наказали бессердечного, себялюбивого юношу страшной карой: засмотревшись на свое отражение в воде, он умер от любви к себе. Вскоре на

этом месте вырос красивый холодный цветок — известный всем нарцисс.

Смысл этой древней поэтической сказки понятен. Это рассказ о судьбе эгоиста, о том, сколько страданий может принести он окружающим его людям и какая горькая участь в конце концов постигает всех эгоистов — непомерная любовь к самому себе неминуемо приводит к гибели. И если бы не выросший на могиле эгоиста цветок, история была бы вполне трагической. Но даже и поэтический конец не меняет сути дела: себялюбие замыкает человека на самом себе, делает его равнодушным к судьбе других, заводит в тупик, обрекает на смерть. Этот миф — предостережение. Устами древних он постоянно напоминает о том, что никто не должен думать только о себе, выпячивать свое «Я», заботиться только о своих интересах, делать себя центром Вселенной.

Миф о Нарциссе стар как мир. Едва ли найдется человек, которому он не известен. Тем не менее все еще находятся люди, которым прямо-таки не терпится во всем подражать Нарциссу, следовать его примеру и даже делать нарциссизм своим жизненным принципом. Но что еще удивительнее, находятся и теоретики, стремящиеся оправдать его, дать ему «научное» обоснование, подыскать более привлекательное название. В качестве такового в последнее время в буржуазной этике, социологии и психологии чаще всего используется термин «самоосуществление» (self-fulfilment), с недавних пор вытеснивший прежнее понятие — «самореализация» (self-realization). Горячим сторонником и пропагандистом самоосуществления (как явления, так и понятия) выступает и Д. Янkelович в уже известной читателю книге «Новые правила: поиски самоосуществления в мире, перевернутом вверх дном». В ней самоосуществление является центральным понятием, ради его обоснования и проведено, собственно говоря, предпринятое автором социологическое исследование.

Прежде всего Янkelович придает самоосуществлению роль чуть ли не главного понятия всей буржуазной культуры и стимула ее развития. Буржуазная литература и история, начинает он свое доказательство, полны рассказов о людях, ищущих самоосуществления. Способами его реализации были великие подвиги, деньги, любовь, слава, революция, прелюбодеяния, поиски внутреннего мира, вспышки творчества и т. д. Фоном для деятельности

этих личностей служат огромные массы людей, молчаливо существующих, живущих своей повседневной рутинной жизнью: заботами о семье, хождением в церковь, борьбой за выживание.

Люди всегда стремились к самоосуществлению, поясняет Янкелович. Но в прошлом это было уделом отдельных (или немногих) людей, принадлежащих в основном к обеспеченным слоям населения и потому могущих позволить себе роскошь заниматься самими собой. Великий сдвиг в американской культуре, по Янкеловичу, состоит в том, что сегодня в поиски самоосуществления включились миллионы людей, почти половина населения страны. Это стало настолько распространенным явлением в жизни современной Америки, что послужило основанием для его выделения в разряд ведущей тенденции духовной жизни этой страны.

Какие же объективные причины породили эту тенденцию? Ответы на этот вопрос разные. Некоторые американские социологи, сторонники теории «процветающего общества», «общества всеобщего благоденствия» и т. п., считали, что предпосылкой широкого стремления к самоосуществлению послужили долгие годы экономического процветания этой страны. «От хорошей жизни», «с жиру», когда не нужно отдавать все силы борьбе за кусок хлеба, люди начинают искать разнообразия, ставить жизненные эксперименты, идти на риск, не боясь серьезных последствий. Другие склонны были видеть в массовых поисках самоосуществления, пиком которых они считали известные своими крайностями 60-е годы, проявление сдвигов к анархизму, эгоизму и эгоцентризму, происшедших в американском национальном характере.

Точка зрения Янкеловича на причины и значение поисков самоосуществления иная. Он считает это явление гораздо более сложным, важным, чем просто побочный продукт процветания или сдвигов в национальном характере. *«Это — не менее чем поиски новой американской философии жизни»*⁹³. В то же время это форма наилучшей адаптации к изменившимся экономическим условиям, спаду экономического роста, инфляции и т. п. Но не только желанием приспособиться к сегодняшним экономическим условиям объясняются поиски самоосуществления. Еще важнее, по мысли Янкеловича, их значение для будущего. Борьба за самоосуществление продвигает американскую «индустриальную цивилизацию к новой

фазе человеческого опыта»⁹⁴. Возникающая философия жизни, пишет он, создает почву для лучших времен, порождает новую энергию, способную оживить экономику, ищет более широкие человеческие цели, не измеряет их одним лишь валовым национальным продуктом. Она поможет американцам лучше подготовиться к трудным решениям, перед лицом которых встало человечество⁹⁵.

Вот какие надежды возлагает американский социолог на поиски самоосуществления: они и экономику оздоровят, и создадут новую философию, и откроют широкие перспективы на будущее. Чего же ищут жаждущие самоосуществления? К каким целям они стремятся? Ради чего идут они на рискованные жизненные эксперименты? И что это за эксперименты? Вот те вопросы, на которые нужно теперь ответить, тем более что, как показали проведенные Янкловичем исследования, в них вовлечено ни много ни мало 80% взрослых американцев⁹⁶ — десятки миллионов людей. Социолог не мог не обратить на этот факт внимание хотя бы потому, что новое понимание жизни и ее значения возникло стихийно в огромных массах населения, и еще потому, что такие виды неорганизованных социальных движений могут, как он пишет, трансформировать Америку и весь мир.

Начало истории борьбы за самоосуществление Янклович датирует 1960 г., когда молодые американцы в университетских городках выступили с политическим протестом против войны во Вьетнаме. В начале 70-х годов, когда эта война кончилась, изменения традиционных нравов вышли за рамки университетской жизни и охватили все общество. Они нашли разнообразное выражение в женском и консьюмеристском движениях, в борьбе за сохранение окружающей среды и повышение «качества жизни», в подчеркивании взаимопомощи, участия в местных делах (локализм), в увеличении терпимости к внебрачным связям и эротике, в большом внимании и интересе к природе и ко всему «естественному», в поисках «полной, богатой жизни», в перемещении центра интересов из сферы труда в сферу досуга, развлечений.

В связи с этим возникли новые вопросы. Если раньше (до 1960 г.) типичными вопросами для американцев были: смогу ли я устроить хорошую жизнь? добьюсь ли я успеха? выращу ли я счастливых, здоровых, удачных детей? — то в 1970 г. американцев интересовали вопросы, связанные с внутренней жизнью, самонаблюдением:

как мне обрести самоосуществление? что такое настоящий успех личности? какие обязательства я должен взять на себя? что достойно быть названо святым? как я должен развиваться? как мне лучше выполнить обязательства перед самим собой? В начале 80-х годов их уже волнует: как я могу предотвратить инфляцию, уменьшив свои доходы и сохранив надежду на хорошую жизнь? Американцы стали интересоваться тем, что они должны сделать, чтобы их жизнь имела большее значение, чтобы они могли полнее выразить себя и внести в свою жизнь элемент приключения и изящества. В этот период все социологические исследования в стране показали возрастание интереса американцев к самим себе, концентрацию внимания на личных проблемах.

В конце 70-х годов, пишет Янкелович, исследования, проведенные его фирмой, показали, что каждые семь из десяти американцев (72%) проводят много времени за разговорами о самих себе и своей внутренней жизни. «Поиски самоосуществления превращаются в главный источник энергии в американской культуре»⁹⁷. Жизненные эксперименты людей, ищущих самоосуществления, подчеркивает он, часто сталкиваются с традиционными правилами поведения, порождая моральные конфликты. Миллионы американцев жаждут наполненной жизни, дающей возможность все испытать. Но их желания шокируют миллионы других американцев, составляющих так называемое моральное большинство, представители которого требуют положить решительный конец многим экспериментам в области самоосуществления — в семейной жизни, школьном воспитании, отношении к труду и т. п.

Однако многие идеи, связанные с самоосуществлением, приобретают все большую популярность, например такие, как «добавить к эффективности технологического общества радость жизни», «удовлетворять и тело, и дух», «машины должны служить людям, а не люди машинам», «значение жизни должно состоять не только в создании комфорта и обеспечении безопасности». Смысл этих поисков, обобщает Янкелович, состоит в том, что самоосуществление становится неким символом, связанным с особым мистическим обожествлением своей личности, своих желаний, своей свободы, которые нужно спасти от продажного, коррумпированного общества. Сам термин «самоосуществление» навеян популярной литературой по

психологии, где речь идет о внутренних психологических потребностях, о верности своему «Я», самореализации, самооценности своей личности, ее неповторимости и т. д.

Поиски самоосуществления привели и к таким внешним изменениям в жизни, как стиль одежды (более свободная и разнообразная мода), отношение к еде (больше внимание к физическому самочувствию), тип жилища (на смену отдельному дому приходят кооперативные формы совладения), забота людей о себе (меньше доверяют специалистам, больше самим себе), как использование свободного времени и как жизнь в целом. Это, естественно, отражается и на экономике, и на потреблении, и на культуре. Люди, считает Янкелович, стремятся удовлетворить как духовные потребности, так и материальные. Они проводят свои жизненные эксперименты ради достижения этих новых целей ⁹⁸.

В чем же, по Янкеловичу, суть поисков самоосуществления? Он приводит огромное количество жизненных историй, записанных им во время интервьюирования, массу данных и фактов, полученных в результате опросов и анкетирования.

В результате он выделяет три формы поисков самоосуществления: острую (17% всех работающих американцев, т. е. около 17 млн. человек), среднюю (около 63%) и слабую (около 20%). Перед читателем проходят десятки людей, множество семей, сотни автобиографий, калейдоскопы неясных мнений, мозаики не вполне понятных рассуждений, непроходимые лабиринты поисков, путанные моральные суждения. Интервьюеры собирали их в разных городах и штатах Америки. Они спрашивали тысячи людей о том, что означает для них самоосуществление и успех в сугубо личном значении этих терминов, каковы их моральные ценности, убеждения и цели жизни. Они просили этих людей сравнить их собственные чувства и мысли об успехе и самоосуществлении с тем, как понимали эти проблемы их родители и как они осуществляли их в своей жизни. Каждого просили определить степень риска, на который они пошли бы ради достижения успеха и самоосуществления, и сказать, чего они стали бы избегать ⁹⁹.

Но жизненных историй, полученных методом интервью, оговаривается Янкелович, было бы недостаточно для такого исследования, как это. Базируясь только на результатах интервью, нельзя было бы выявить крупные

изменения в культуре. Поэтому социологи использовали также интегративные выводы из ряда крупных национальных исследований, являющихся репрезентативными для общества в целом. Сочетание этих двух методов позволяет выявить типичное и сохранить индивидуальное. Таким путем Янкеловичу удалось выделить следующее количественное соотношение острой, средней и слабой форм поисков самоосуществления.

Люди, для которых характерна острая форма поиска, убеждены, что для них самоосуществление дороже всего другого — денег, работы за удовлетворительное вознаграждение, уверенности, хорошего исполнения своей социальной роли. Эта форма поиска охватывает, по Янкеловичу, 75% молодых людей в возрасте до 35 лет (две другие формы — 51%), 51% имеющих среднее образование (35% — две другие формы), 47% женатых (65% — две другие), 51% служащих (38% — две другие)¹⁰⁰. Эта группа наиболее молодых и образованных людей остро чувствует разлад между социальными условиями и их желаниями и склонностями. Они свободны от многих экономических и моральных ограничений, с которыми сталкивались их родители. Но они вступают в новую жизнь без компаса, который мог бы помочь им. Они хотят изменить отношения на работе и к работе, в семье и к семье, к миру в целом. Но их взгляд постоянно обращен внутрь себя, к конфликтам собственной психики. Они хотят сами отвечать за то, чтобы жизнь их соответствовала принятым ими решениям. Но, столкнувшись с реальной действительностью, они понимают, что это невозможно. Некоторые из них выражают это в следующих словах: «Все двери передо мной открыты... и в то же время они закрыты». Они не чувствуют себя частицей социального мира. Они изолированы от него и тесно связаны с ним только собственной психикой. Они испытывают сильную потребность в творчестве¹⁰¹.

При острой форме поисков самоосуществления люди вступают в острый, открытый конфликт с общепринятыми формами поведения, в процессе поисков сталкиваются с большими трудностями, действуют на грани риска, когда можно потерять все и не найти ничего¹⁰². Люди, принадлежащие к этой группе, начинают с отказа от своего предшествующего опыта — в работе, в стиле жизни, в семье. Они не удовлетворены традиционной системой социальных ролей и моральных норм. В силу этого они

приветствуют плюрализм форм поведения, терпимость к самым различным, даже причудливым, формам нарушения привычных норм жизни, отвергают прежние критерии оценки поведения с точки зрения правильного и неправильного. Они склонны причислять к неправильным только те поступки, которые человек совершает с намерением принести вред другим людям, а остальные, несмотря на любые их формы, предлагают считать правильными. Естественно, считает Янкелович, что при этом происходит ослабление такого важного социального качества людей, как конформность, чувство принадлежности к определенной социальной общности, группе.

Традиционным для американцев всегда был такой символ принадлежности, как респектабельность, определяемая проживанием в определенном районе, особым кругом общения, достаточно высокими доходами, собственным домом, автомобилем хорошей марки и т. д. Но респектабельность, как начали остро чувствовать многие американцы, связана с необходимостью считаться с мнением разных людей, следовать принятым в данном кругу определенным нормам поведения, а значит, идти на самоотречение, выполнять определенные обязанности перед группой¹⁰³. Сторонники острой формы поисков самоосуществления, пишет Янкелович, идут на ослабление и даже на отказ от внешних социальных норм, от респектабельности, от мнений окружающих, а притупление чувства групповой принадлежности чревато индивидуализмом¹⁰⁴.

В качестве альтернативы конкурентной борьбе за символы успеха и респектабельности многие американцы избирают концентрацию внимания на своих психологических переживаниях. Янкелович излагает судьбы людей, пошедших по пути поисков альтернатив общепринятому стилю жизни.

В семье хорошо обеспеченного профессора жена оставляет мужа и детей, чтобы поселиться с подругой, с которой она познакомилась во время летних каникул¹⁰⁵. Женщина из респектабельной семьи под влиянием психического стресса покидает свою среду и уезжает в Гайану, чтобы принять участие в мистических религиозных обрядах. Процветающий бизнесмен из-за экономических трудностей и нервного переутомления решил бросить свой магазин и стать проводником в любимых им болотах Флориды. «Я сыт по горло угрозой разорения и наси-

лия. Я заплатил свой долг респектабельности среднего класса и теперь созрел, чтобы сделать что-нибудь для себя самого», — сказал он во время интервью¹⁰⁶. Врач и его жена, основавшие школу физического воспитания, вынуждены были оставить ее после того, как государство перестало оказывать им финансовую поддержку. Они решили переехать в маленький загородный коттедж, заниматься выращиванием овощей на продажу и немного работать по своей основной специальности в соседней больнице. Жена богатого маклера, не удовлетворенная пустотой своей жизни, поступает на работу в ресторан.

Рассказав эти и множество подобных историй, Янкелович подчеркивает, что во многих случаях поиски самоосуществления приводили людей к коллизиям и внутренним конфликтам даже во времена процветания. Ухудшение экономического положения не является причиной внутренних конфликтов, а лишь выявляет и обостряет их. В настоящее время, пишет он, мы видим вокруг себя многих мужчин и женщин, которые, вступив в противоречие с самими собой, в целях самоосуществления переделывают свою жизнь, как бы катастрофична ни была эта переделка для них самих и для окружающих¹⁰⁷.

Насколько типичны эти и подобные случаи? Янкелович специально обращает внимание на этот вопрос. Он пишет, что в каждом из приведенных случаев индивидуальными и нетипичными являются конкретные детали, обстоятельства места и времени. Однако типичным является то, что люди тратят время и деньги на то, чтобы заниматься удовлетворяющим их трудом, или ради более тесных связей с природой. Для подтверждения типичности этих жизненных историй Янкелович снова приводит данные опросов. 75% американцев, пишет он, уже не считают для себя приемлемым безрадостный труд, даже если он хорошо оплачивается; 65% полагают, что служащий имеет право отказаться переехать в другой город, даже если компания просит его об этом; 78% говорят, что они отказались бы сменить нравящуюся им работу на более высокооплачиваемую. Большинство (56%) не считают, подобно их родителям, что «семейный человек обязан выбирать хорошо оплачиваемую работу, а не ту, которая его больше удовлетворяет, но оплачивается хуже»¹⁰⁸.

Все это приводит к тому, что в США становится преобладающим такой тип национального характера, кото-

рый известный американский публицист Д. Рисмэн в вышедшей еще в 1959 г. книге «Одинокая толпа»¹⁰⁹ назвал «внутри направленным» (inner directed). То, что в тот период было лишь началом, в настоящее время стало преобладающей тенденцией. «Мы не располагаем сравнительными данными по более раннему периоду, но, по-видимому, в настоящее время имеет место высшая точка интроспекции как массового феномена. Редко бывает так, чтобы большинство населения уделяло много времени переоценке своих главных жизненных ценностей», — подчеркивает Янкелович¹¹⁰.

Закончим на этом знакомство с лабиринтом поисков самоосуществления, по которому водит читателей Янкелович. В процессе ознакомления с книгой много раз спрашивался один и тот же вопрос. Он логично вытекал из всего материала, и социологу пришлось отвечать на него. А вопрос состоит в следующем: какова же в конце концов истинная сущность поисков самоосуществления, какие объективные глубинные процессы кроются за этим феноменом, каков, вообще говоря, выход из поисков?

На эксперименты по самоосуществлению обратили внимание и другие буржуазные социологи и дали этому явлению свою оценку. С ними Янкеловичу пришлось вести полемику, чтобы защитить столь полюбившееся ему явление от критики и отстоять его право на существование. Он пытается оспорить выводы, сделанные, например, К. Лэшем в уже упоминавшейся книге «Культура нарциссизма». Все крайности, в которые неизбежно впадали люди в поисках самоосуществления, квалифицируются Лэшем как «культура нарциссизма», поскольку интроспективное мышление ориентировано на себя и делает неизбежной концентрацию на собственном «Я», на внутренних потребностях и нереализованных возможностях. Лэш отождествляет эти поиски с нарциссизмом еще и потому, что они отрицают долг «перед другими», заменяя его долгом «перед самим собой». Многие критики поисков самоосуществления считают, что последние являются по сути отголосками декадентства, которое всегда сопровождало трудные времена. Так, Лэш пророчит, что возникшие в обществе сдвиги к нарциссизму приведут к катастрофе. Он сердит и мрачен, изображая американскую жизнь, описывает ее как «неизбежно становящуюся более воинственной и варварской». Он предвидит «коллапс личной жизни», утверждая, что «буржуазное общество,

по-видимому, истощило свой запас конструктивных идей. Оно потеряло способность и желание противостоять тем трудностям, которые возникают, чтобы затопить его». Лэш видит международный кризис капиталистического мира в декадансе, истощении воли, неспособности контролировать события и даже понимать их¹¹¹.

Янкелович резко возражает против стремления Лэша представить поиски самоосуществления как нарциссизм, как сдвиг к худшему в американском национальном характере. Завышенные оценки своей личности, поглощенность самим собой, озабоченность собственным «Я», концентрация внимания на своих интересах ни в коем случае не сводятся к нарциссизму, настойчиво подчеркивает Янкелович. Это всего лишь «отклонение, сбой, фальш-старт в начале пути к целям, которые важны как для всего американского общества, так и для отдельного человека»¹¹². Он не согласен с тем, что самоосуществление — некая разновидность пережитков прошлого, декаданса. Нет, утверждает он, это явление — символ будущего. «Я хочу показать, — пишет он, — что в то время, как прогнозы нашего будущего, основанные только на экономических и политических перспективах, внушают нам пессимизм, даже отчаяние, наши культурные перспективы, наши общие социальные ценности могут обозначить путь к более оптимистическому будущему»¹¹³.

Как видим, Янкелович стремится всячески морально оправдать и социологически обосновать поиски самоосуществления. Чтобы избежать упреков в необъективности, он показывает и недостатки теории и практики самоосуществления, их слабости. Он пишет, что когда личность ставит перед собой цель «высвобождения», удовлетворения своих потребностей и желаний, то она запутывается в клубке противоречий, ибо желания бесконечны. Нередко это ведет к психозу. Точно так же освобождение, «автономность» от общества и культуры могут привести к отчуждению, одиночеству, ибо личность — частица общества, изоляция от него может привести не к самоосуществлению и развитию, а к опустошению и «усыханию личности»¹¹⁴. Именно поэтому поиски самоосуществления нередко приводят людей к трагедии. Эти люди часто вынуждены признавать, что утратили смысл жизни, деградируют как личности, испытывают чувство вины перед близкими, становятся «гедонистическими эгоистами».

Несмотря на это, Янкелович продолжает отстаивать позитивное социальное значение этих поисков, оправдывает их. Какова же причина его пристрастия? Не случилось ли здесь с социологом того, что иногда случается с зоологом, ботаником или другими натуралистами, когда подробнейшее описание и классификация усиков, щупалец, хоботков, пестиков или тычинок в конце концов превращаются в любование ими и страстное их коллекционирование? Но отличие социальной науки от естественной состоит в том, что она не сводится и не ограничивается подробным описанием мельчайших деталей того или иного социального явления, его типов, видов и подвидов. Социолог обязан дать оценку, объяснить природу явления. И даже тогда, когда социолог сталкивается с «зоологическим индивидуализмом», он не может изучать его как зоолог. Социолог, не болеющий душой за все беды общества, не приносит ему пользы, ведь он и призван четко разграничивать добро и зло, справедливость и несправедливость, правильное и неправильное. Если он утрачивает эти ориентиры, он не сможет осветить социальные явления светом научной истины, показать их плюсы и минусы, понять их природу. Именно это и произошло с Янкеловичем.

Он предлагает видеть в поисках самоосуществления стремление людей к развитию своей личности, сохранению своей индивидуальности, и в этом нет ничего плохого — таков первый тезис его рассуждений. Второй тезис — поиски самоосуществления приняли массовый характер, широко распространились в американском обществе, перешли от элиты к средним, самым многочисленным слоям населения, сделались типичным явлением морали в стране. И наконец, третий тезис Янкеловича состоит в том, что ценность и свобода личности, оживление «священных» сторон жизни выступают альтернативой отрицательных сторон «технологического» общества, порожденной им инфляцией, инструментализма и подавления личности.

Однако все эти его «доказательства» свидетельствуют лишь о том, что он не раскрыл сути рассматриваемых им явлений. Дело не в том, что люди стремятся к развитию своей личности, ведут поиски самоосуществления. В этом действительно нет ничего плохого. Вопрос в том, ради чего они это делают? Каким путем они развивают свою личность? Чем, вообще говоря, плох нарциссизм? Если

поиски самоосуществления становятся самоцелью, ведутся ради самих себя, то они неизбежно заводят человека в тупик. Они бесплодны, ибо не способствуют развитию ни личности, ни общества. Их результат прямо противоположен, а значит, они вообще вредны. Не поняв этого, Янкелович, как и другие буржуазные социологи, выдает за самоосуществление то, что на самом деле является самоуничтожением, разложение морали — за ее обновление, разврат — за расцвет, разрушение субстанциональных основ морали — за ее возрождение. Ему, как и Рейчу, очень хочется, чтобы капитализм «зеленел», а не загнивал, поэтому он и выдает желаемое за действительное.

Приведя массу свидетельств о действительно существующих в жизни буржуазного общества нарушениях морали, он подчеркивает их типичность и широкую распространенность. Тем самым он как бы хочет сказать: раз эти явления существуют, раз они вошли в массовое сознание и широко распространились, значит, они имеют право на существование, являются естественными для общества. Такова логика объективного идеализма — «все действительное — разумно», раз уже оно существует, значит, должно существовать, раз уж возникло, значит, имеет право на существование, и иначе быть не может. Но «механистический детерминизм» не пригоден для объяснения явлений в области естествознания, а тем более в сфере социальных явлений. Вместо того чтобы назвать нарушения морали нарушениями, кризис морали кризисом, буржуазный социолог предпочитает позицию объективистского конформизма. Он совершенно неправильно истолковывает сущность данных кризисных явлений, их причины. Он не видит того, что нормальное стремление к самоосуществлению и развитию личности, присущее каждому человеку, в условиях капитализма приобретает болезненные, деструктивные, граничащие с патологией формы. Поиски спасения от уродующего влияния на личность капиталистического общества ведутся людьми в современном буржуазном обществе с такой лихорадочной нервозностью потому, что сегодня, как никогда ранее, стало ясно, что в условиях капитализма невозможно совместить труд с творчеством, удовлетворение материальных потребностей с духовными (поэтому люди отказываются от высокооплачиваемой, но пустой, механической работы), в принципе недостижимо соеди-

нить семью с любовью, совместить оплату за труд с развитием способностей каждого трудящегося человека, труд — с участием в общественной жизни, развитие личности — с коллективизмом, духовной сплоченностью и братством людей, работающих ради больших, социально значимых общественных целей.

Янкелович ошибается и в том, что все те искаженные, нездоровые формы самоосуществления, которые приобретает естественное стремление людей к моральному развитию в условиях капитализма, позволяют надеяться на процветание этого общества в будущем. Янкелович с одинаковым восторгом приветствует как простые веяния моды, так и борьбу трудящихся за свое право решать важнейшие социальные проблемы и даже поступки психически неуравновешенных людей. От его внимания не ускользнули ни мода на маленькие автомобили вместо традиционно престижных для Америки больших, ни замена крепкого ликера перед обедом на легкое белое вино, ни десятки других микроскопических мелочей. Но мы не найдем в его книге даже упоминания о том, что тысячи людей в современной Америке ведут классовую борьбу против власти буржуазии, вступают в ряды борцов за мир, выходят на улицы, часто рискуя жизнью, для участия в антиправительственных демонстрациях, забастовках и стачках. Эти виды «поисков самоосуществления» почему-то вообще не заметил «наблюдательный» социолог. Это произошло потому, что свою задачу он видит в том, чтобы штопать дырки и прорехи капитализма, чинить, латать и ставить заплатки на его идеологические одежды, лишь бы только сохранить его.

Вопреки всякой логике Янкелович продолжает сохранять оптимистический взгляд на теорию и практику самоосуществления. Чем же он обосновывает свой оптимизм? Ответ на этот вопрос мы находим в заключительной главе книги, где автор подробно излагает свою точку зрения на то, к чему могут в конце концов привести поиски самоосуществления. Он обещает читателю перейти от описания жизненных экспериментов и причин стихийного взрыва этих поисков к более общим и философским вопросам своего исследования. Среди них он выделяет, например, следующие: почему произошли поиски самоосуществления и почему они произошли именно на данной стадии истории страны, как можно сделать так, чтобы энергия этих поисков служила адаптивным, а не

деструктивным целям общества и человека? Подчеркивая, что самым важным в практическом отношении является третий вопрос, Янкелович утверждает: если возможно освободить поиски самоосуществления от их ошибок, противоречий и моральной двусмысленности, то можно будет создать цивилизацию экономически жизненную, политически стабильную, социологически ориентированную, а также обещающую полноту индивидуальной жизни, другими словами, то, к чему стремятся ищущие самоосуществления.

Но ведь в ходе своих рассуждений Янкелович вынужден был неоднократно признавать, что эксперименты по самоосуществлению довольно часто заканчиваются возникновением эгоистического взгляда на жизнь, восприятием себя и своей личности как некоего священного предмета, отношением к себе как к собственному произведению искусства, выпячиванием своих желаний и чувств как наиболее аутентичной части самого себя, возвеличиванием своих малейших эмоций, потребностей и влечений, обожествлением собственного «Я», заменой долга перед людьми и обществом «долгом перед самим собой».

Ни один из опрошенных людей, замечает Янкелович, не смог избежать этих ошибок преувеличения собственного «Я». Воспринимая себя как совокупность потребностей и «жадно» стремясь осуществить все их как можно полнее, эти люди становились жертвой своих собственных желаний, многие из которых были вообще невыполнимы, а некоторые — взаимно противоречивы. Для многих из них самоосуществление означало одновременно иметь и работу, и семью, и детей, и сексуальную свободу, и автономию, и деньги, и нонконформизм, и приверженность социальной справедливости, и радости городской жизни, и деревенскую жизнь, и простоту, и изящество, и хороших друзей, и чтение, и путешествия и т. д. Выполнение всех этих потребностей они считали своим моральным долгом.

Ошибка этих людей состоит в том, что они неправильно понимают потребности: не как биологические нужды или органические потребности, а как желания, склонности. Но ведь желания бесконечны, и грубой ошибкой было бы считать, что все они могут быть удовлетворены. Столь же неверно трактуются и некоторые понятия популярной психологии — «развитие личности», «потен-

ции», «самоактуализация», «Я» и т. д. Будучи четко определены, эти понятия входят в словарь теории психологического развития личности. Но неправильно утверждать, что именно они характеризуют свободную от культуры и морали личность. Такое понимание является деструктивным и для общества, и для личности. В действительности индивид по-настоящему не осуществляет себя, когда он становится машиной для удовлетворения «потребностей». Двигаться слишком далеко в этом направлении чревато риском впасть в психоз — крайнюю форму свободной от культуры независимости¹¹⁵. Даже осторожные утверждения, что личности являются свободными от культуры и полностью автономными, содержат риск отчуждения, одиночества, бессодержательности и опустошенности. Человек, пишет социолог, не является собственным произведением искусства. Он не создает самого себя, как художник создает картину или писатель роман. Подавление потребностей не всегда является злом, некоторые ограничения необходимы, если человек не хочет запутаться в клубке противоречий.

Ищущие самоосуществления, отмечает Янкелович, часто забывают, что «Я» — часть и крупица мира: искусственно изолировать себя не значит самоосуществиться, а значит просто быть односторонним. Нельзя обрести свое «Я», только устремляя взгляд внутрь себя. Человек — не сумма своих желаний, и внутренний рост не достигается осуществлением своих потенций. Постоянно концентрируя внимание на своих чувствах, потребностях, желаниях и склонностях, человек не станет более свободным, непосредственным и творческим. Поиски самоосуществления, подытоживает свои рассуждения Янкелович, не могут быть успешными до тех пор, пока люди не откажутся от понимания своей личности как сугубо индивидуальной. Тысячелетия человеческого опыта, подчеркивает Янкелович, противоречат этим поискам¹¹⁶.

Как видно из этих слов, социологу не изменяет здравый смысл в оценке последствий стремления к самоосуществлению. Все встало бы на свои места, если бы именно в этом пункте своих рассуждений он поставил точку. Вся беда в том, что он после этих вполне здравых размышлений неожиданно и вопреки логике снова приступает к оправданию — на этот раз окончательному — всех обнаруженных им в ходе исследования морали амери-

канского общества казусов и гримас эгоизма и вседозволенности.

Этика самоосуществления эгоистических 70-х годов, выдвигает он свой последний козырь, настолько явно обнаружила свое противоречие с этикой самоотречения, на которой в течение столетий строилась мораль американского общества, и настолько шокировала моральные чувства американцев, что должна была уступить место новой этике, которая не была бы этикой ни самоотречения, ни самоосуществления. Какой же должна быть эта «новая социальная этика», долженствующая исправить все ошибки предшествующего периода?

Янкелович высказывает мнение, что новую социальную этику, которая стала необходима уже сегодня и понадобится для будущего, следует назвать этикой обязательств¹¹⁷. В чем она состоит? В основе ее, заверяет социолог, должна лежать идея о том, что человеку следует быть менее поглощенным собой, нужно пробить железную оболочку эгоцентризма. По его мнению, новая этика обязательств выражается в двух основных формах: в стремлении к более глубоким личным привязанностям и в желании приносить пользу обществу, в котором людей объединяют разнообразные интересы. Этика обязательств подразумевает моральное чувство, в соответствии с которым смысл жизни заключается в посвящении себя кому-то вне своего собственного «Я».

Поворот в сторону этики обязательств — сложный и скрытый процесс, его трудно выявить, но он серьезно меняет жизнь человека, полагает Янкелович. Так, один из опрошенных, мужчина лет тридцати, сказал: «Несколько лет назад, когда я разочаровался в браке и пришел к выводу, что мои потребности не удовлетворяются, моя первая реакция была: нужно расходиться. Теперь мои личные интересы отошли на задний план, я больше думаю о том, как сохранить семью». Одна женщина, сын которой страдал серьезным хроническим заболеванием, рассказывала: «Мы с мужем в конце концов решили, что необходимо переехать в другое место, где сыну будет лучше. Все произошло так, как мы предполагали. Сыну стало лучше, нам тоже. Нельзя сказать, что ради сына мы пошли на большие жертвы. Долгое время мы не решались на отъезд, потому что не были готовы связать себя обязательством. Теперь мы это сделали, и все счастливы».

Некоторые наблюдатели предсказывают, отмечает Янкелович, что придут трудные времена, что американское общество вернется к этике самоотречения, которая доминировала в стране до начала эры изобилия. Но, считает Янкелович, это неправильное понимание того, что на самом деле происходит. Часы истории не идут вспять. Завтрашний день не повторит ни вчерашний, ни даже сегодняшний. Будущее не вернет американцев ко времени, когда у их родителей был ограниченный выбор жизненных путей. Будущее формируется сегодня, а сегодня американцы идут на риск, чтобы сохранить обретенную ими новую свободу выбора.

Решение переменить место жительства, получить другую работу, изменить брачный статус и начать новую семейную жизнь — это смелое предприятие, сопряженное с риском. Но импульсивное стремление рискнуть, делая шаг на пути к утверждению новой этики обязательств, является характернейшей чертой современного стиля американской жизни. Несмотря на все неурядицы и экономические осложнения, утверждает социолог, страна движется в правильном направлении.

На этой апологетически-морализаторской ноте Янкелович заканчивает свое обширное исследование. Вопреки вопиющим свидетельствам собранных им фактов эгоцентрического аморализма, не оставляющим никаких реальных надежд на самый умеренный оптимизм, он выполнил идеологически заданную ему буржуазным обществом задачу — оправдать, защитить, прославить капитализм и его мораль. Для того чтобы справиться с этой трудной задачей, ему пришлось отказаться от фактов, уклониться от выводов, от теоретических обобщений, от научных объяснений. Для современного буржуазного общества важнее всякой науки сеять ложные иллюзии, ни на чем не основанные надежды, навевать искусственное успокоение. Ведь только наивным романтизмом можно назвать в наше время упования Янкеловича на возникновение при капитализме «этики обязательств». Но поскольку многоопытного Янкеловича никак нельзя заподозрить в наивности, остается сделать единственно возможный вывод: его романтизм имеет явно апологетический характер.

5. Будущее морали или будущее без морали

В романе Т. Уайлдера «День восьмой» приводится описание празднования начала нового, XX века жителем небольшого американского городка. «Был... канун Нового века. Целая толпа собралась на улице у здания суда, ожидая, когда начнут бить часы на башне. Люди были взволнованны, возбуждены, словно ждали, что с первым ударом разверзнутся небеса. Двадцатый век станет величайшим веком в истории. Человек полетит по воздуху; с дифтеритом, туберкулезом, раком будет покончено навсегда; войны отойдут в прошлое... Когда часы начали бить, женщины в толпе плакали, и не только женщины, но и кое-кто из мужчин. Потом вдруг зазвучала песня... Люди стали обнимать друг друга, стали целоваться — невиданное дотоле проявление чувств... Доктор Гиллиз, каким, по-вашему, будет новый век?.. Доктор Гиллиз лгал без зазрения совести. Он был твердо уверен, что наступившее столетие чревато неисчислимыми тяжкими бедствиями, что оно, говоря иначе, будет таким же, как все прежние столетия... Рождается Новый Человек. Природа не ведает сна. Раньше были великие одиночки, редкие гении, уцепясь за фалды которых тащились следом трусливые и бездеятельные. Теперь вся масса людская выйдет из троглодитского состояния... в каком и сейчас пребывает большинство людей, трепеща перед вечной опасностью вражеского вторжения, боясь бога-громовержца, боясь мщения мертвых, боясь зверя, живущего в них самих... Дух и разум станут главенствовать в человеческой жизни. Никто не останется в стороне от просвещения... Это мост из узкого личного мирка в мир общечеловеческого сознания»¹¹⁸.

В этой картине ожиданий, надежд и тревог, связанных с наступлением нового века, выражены многие из тех чувств, которые действительно овладевают человеком, когда он стремится заглянуть в будущее, предвидеть или угадать его.

В наше время, когда истекают последние десятилетия XX в., у людей возросло желание узнать, каким будет будущее, и в том числе будущее морали, что привело к росту количества прогностических и футурологических работ. В одних из них преобладают утопические и фантастические построения, в других — теоретические футу-

рологические предвидения. Всякого рода «моральная футурология» составляет сегодня весьма значительную часть в общем количестве работ по социологии морали.

Желания заглянуть в будущее, предугадать ход развития науки, культуры и морали были свойственны человечеству всегда. Из далекого исторического прошлого дошли до нас всевозможные картины «идеального» общественного устройства, «идеальной» морали, «идеальных» взаимоотношений между людьми. Библейские сказания о рае, мифологические картины прекрасного прошлого, античные легенды о «золотом веке», моральные утопии, существовавшие рядом с апокалиптическими предсказаниями конца света и прогнозами атомного самоуничтожения человечества, всегда в той или иной степени содержали элементы морали. Позднее пришла очередь научных теорий и теоретических предсказаний будущего человечества и морали. Оптимизм и пессимизм, сменяя друг друга, чередовались в «Государстве» Платона, «Утопии» Томаса Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы, в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, в работах утопических социалистов Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Современная буржуазная социология и футурология с их теориями постиндустриального, технотронного, информационного и т. п. обществ продолжили традицию утопического прогнозирования.

Следуя за классификацией, проведенной советскими исследователями¹¹⁹, в данной работе будет разграничиваться утопия, фантастика и научное предвидение. Важно иметь в виду, что характерной чертой утопии является ее специфически морализаторский характер, ибо представления о будущем часто выступают в ней прежде всего в форме нравственных идеалов, как исходящие из требований нравственно-должного, желаемого, идеального, доброго и справедливого. Утопии часто исходят из признания неудовлетворенности существующей действительностью с моральной точки зрения и из ее критического отрицания, но всегда абстрактно представляют пути и средства ее реального переустройства.

Неудовлетворенность настоящим и мечты о будущем, отрицание настоящего ради будущего — эти морализаторские мотивы звучат в работах представителей самых различных направлений утопии и футурологии. «Ностальгия по будущему» часто заменяет критику капитализма, а иногда сочетается с ней, как, например, в идео-

логии «новых левых». В этой теории бунта против буржуазной культуры и морали будущее приобретает характер глобальной онтологической философской категории. В теории Г. Маркузе, например, будущее понимается как абсолютное, категоричное отрицание всей налично существующей действительности. Отсюда и особое отношение к утопии. Если марксизм заменил утопию научной теорией общества и морали, то в «критической философии» утопии отводится роль выразительницы «высшей истины», торжество которой возможно после апокалиптического «прорыва» общества в новое измерение, в будущее, в царство свободы из царства необходимости, как это излагается в работе Г. Маркузе «Конец утопии»¹²⁰.

Научное предвидение отличается и от утопии, и от фантастики не отсутствием критического отношения к реальной действительности, а установлением тех взаимосвязей и процессов, изменение которых обеспечивает влияние на ход развития действительности в будущем. Неумение выявить эти взаимосвязи и процессы и составляет, как правило, наиболее слабое звено в социологических рассуждениях современных буржуазных этиков. Именно поэтому самое широкое распространение в социологической футурологической литературе получили различного рода утопические и полуфантастические сюжеты, а доля теоретических прогнозов сравнительно невелика.

Моральная прогностика прочно вошла во все наиболее солидные футурологические проекты и планы: знаменитые планы «Европа 2000», «Мир 2000», проекты Римского клуба и т. д. Однако в этих прогностических моделях мораль занимает подчиненное место, уступая науке, технике, политике и культуре. Но существует целый ряд футурологических конструкций, посвященных непосредственно морали и отдельным социальным явлениям — человеческим отношениям, воспитанию, образованию, формированию различных типов личности и т. д. Одну из них разрабатывает бихевиоризм.

Бихевиоризм предлагает создать особую «технология поведения», применение которой в ближайшем будущем якобы приведет к ряду социальных изменений. Он содержит не только теоретические рассуждения о путях и средствах манипуляции человеческой личностью, о программировании ее поведения. Утилитарная, прагмати-

ческая «ценность» бихевиоризма, по мнению его представителей, состоит в том, что он «работает» на практике. Б. Скиннер, К. Лоренц, Р. Ардри, Х. Дельгадо и другие специалисты в области человеческого поведения советуют применять «технология поведения» для регулирования внутригрупповых отношений на производстве и в сфере менеджмента.

Как известно, Б. Скиннер — глава направления — стремился создать теорию жесткого социального контроля за деятельностью и поступками человека, которая позволила бы управлять ими с помощью психологических и моральных средств воздействия. Он утверждал, что совершать правильные поступки человеку мешает его свобода и достоинство. Чтобы сохранить цивилизацию, необходимо отказаться от свободы личных решений и проявлений индивидуальности, от внутренней раздвоенности и сумятицы страстей и заменить их целенаправленным в масштабах всего общества рациональным управлением условными рефлексам «хорошего поведения», заложенными в психике каждого человека¹²¹. В связи с «достижениями» техники манипулирования психикой и поступками людей в последние годы в капиталистических странах усилились поиски вариантов изменения общества и морали путем переделки психики человека.

Бихевиористские идеи о социотехническом контроле над поведением человека в масштабах всего человечества, об унификации человеческих личностей и стандартизации поступков вот уже несколько десятков лет разрабатываются в художественной литературе и научной фантастике в капиталистических странах. Осуществление этих идей связывается в литературе то с нашествием иноземных цивилизаций, то с успехами науки, в первую очередь биологии, медицины и генетики, то с наступлением эры «технотронного», «информационного» или какого-либо иного вида «постиндустриального» общества. Наиболее известные научно-фантастические и социальные утопии буржуазных писателей и ученых — «Новый brave мир» О. Хаксли, «1984» и «Ферма животных» Д. Орвелла, «Механический апельсин» А. Берджесса (по сценарию которого известный американский режиссер Стенли Кубрик снял фильм того же названия) — имеют своим сюжетом описание жизни человека, буквально каждый шаг которого запрограммирован извне и управ-

ляется из координационного центра, так что самому человеку уже не приходится задумываться ни над какими моральными проблемами и мучительно решать их.

В узкопсихологическом плане, так сказать с уклоном в педагогику, те же бихевиористские идеи представлены в романе Б. Скиннера «Уолден второй» и в романе английского писателя У. Голдинга «Повелитель мух», а также в десятках второсортных кино-, радио-, телепроизведений и книг. Все эти произведения независимо от желания авторов послужили массовому распространению этих идей, способствовали «привыканию» к ним не только ученых, но и широкого читателя, внедрению этих идей не только в научное сознание, но и в обыденное.

Сегодня даже рядового человека уже не удивить ни электродами в мозгу человека, воздействие на которые электрическим током вызывает самые различные, по желанию экспериментатора, эмоции и чувства — от агрессии до счастья, ни искусственным «выращиванием» человека, ни лекарственным воздействием на психику людей в целях усмирения или возбуждения. Но чем шире распространяется мода на бихевиористские идеи и появляется опасность их ассимиляции массовым сознанием, тем настоятельнее становится необходимость их всесторонней убедительной критики.

Однако в рамках буржуазной социологии и идеологии не существует реальной альтернативы идеям бихевиоризма: само это направление четко выражает одну из преобладающих тенденций буржуазного сознания — тенденцию к стандартизации и унификации личности, подгонки ее под требования, предъявляемые законами капиталистической экономики. В качестве иллюзорной альтернативы тенденции «массовидности» выступает другая — тенденция к индивидуализации и уникализации личности, но и она ничего нового по сути не вносит, индивидуальная неповторимость личности понимается в ней чисто внешне, а свобода — как произвольное «хотение». Попытку выступить с критикой крайностей бихевиоризма предпринимают многие известные ученые.

Так, изнутри социопсихологии критиковал бихевиоризм, например, Эрих Фромм. В одной из последних книг («Анатомия разрушения человека»)¹²² он нарисовал картину человека ближайшего будущего. Чтобы ответить на вопрос, каким будет этот человек, он обращался к «личности некрофила», являющейся, по его мнению,

именно тем типом личности, который складывается в результате психического приспособления человека к условиям жизни в технотронном обществе. Фромм показал, что в результате такого приспособления у человека атрофируются все чувства, и в первую очередь моральные — совесть, ответственность, вина и т. п. При этом он перестает быть «моральной личностью» и становится носителем определенной разновидности психического заболевания, так что такого человека следует рассматривать уже по параметрам не этики, а психиатрии.

Бихевиористские модели «конструирования» будущего человека, который будет «человеком без морали», и будущего общества, которое соответственно будет «обществом без морали», критикуют и представители естественных наук. Так, известный американский антрополог Дж. Льюис в книге, носящей примечательное название «Уникальность человека»¹²³, доказывал, что бихевиоризм поднимает руку не только на моральные качества человека, но и на его биологическую природу как вида, ибо моральные характеристики человека в ходе эволюции прочно соединились с биологическими характеристиками, мораль во многом способствовала формированию уникальности человека как единственного разумного существа не только на Земле, но и во Вселенной.

Представители так называемой гуманистической психологии попытались в сборнике «Моральные проблемы в современном обществе»¹²⁴ противопоставить идеи гуманизма идеям бихевиоризма.

Авторами статей являются наиболее известные американские психологи, этики, педагоги — К. Байер, П. Куртц, А. Маслоу, С. Хук, Э. Нагель, В. Фрэнкел, А. Эйдел, М. Фарбер, Дж. Соммервил, Б. Скиннер и др. Американский журнал «Гуманист» обратился к этим ученым с вопросом: в чем, по их мнению, состоит гуманистическая этика? Их ответы и составили содержание сборника.

Во вступительной статье гуманизм определяется как этическая философия, центральное место в которой занимает человек. Исходя из этого, авторы сборника заявляют, что значение гуманистической этики состоит не в развитии утопической эсхатологии, а в том, чтобы содействовать решению конкретных моральных проблем и конфликтов современности, встающих перед человечеством. Книга начинается с широковещательного заявле-

ния: «Этот сборник предлагает гуманистическое видение общества (имеется в виду американское общество. — Л. К.), в котором достижения современной технологии и автоматизации могут служить обогащению и улучшению жизни, если человеку удастся осуществить его мечты о справедливом обществе, основанные на вере в свободу, разум и достоинство человека»¹²⁵. Это заявление предполагает, что будут даны конкретные решения моральных проблем. Но, задавшись целью противопоставить бихевиоризму некую гуманистическую этику, авторы книги разделили многие бихевиористские идеи.

Вот, например, как авторы понимают мораль: она должна стать средством, облегчающим личности бесконфликтную адаптацию и хорошее самочувствие в данной организации, поскольку, пишет во вступительной статье П. Куртц, человек всегда живет в организации, а вместе с развитием технократического общества возрастает общее количество и значение организаций. Другие авторы — А. Маслоу, Р. Хэнди, К. Роджерс и, конечно, Скиннер — пишут о «необходимости как можно лучше изучить механизм общественного воспитания и исследовать, каким способом система наказаний и поощрений может успешно принуждать к требуемому поведению». Опираясь на бихевиористские и психоаналитические исследования, они утверждают, например, что «процесс воспитания человека, начиная с раннего детства, состоит в привитии убеждения, что «хорошим» является только поведение, одобряемое окружающими, что обеспечивает личности чувство безопасности и принадлежности к общественной группе»¹²⁶.

Ключевой статьей книги является статья Б. Скиннера «Утопия и воспитание человека». Автор пытается ответить на те возражения и критику, которые прозвучали в его адрес после выхода в свет его основных работ. В них, как известно, была изображена картина утопического общества, в котором на основе эмпирических психологических данных о поведении человека осуществляется управление поведением каждого члена общества, причем было конкретно показано, как это делается. Поскольку сам Скиннер глубоко убежден в реальной возможности организации такого общества, то он был очень удивлен, как он пишет, «нежеланием интеллигентных людей доброй воли» вести предлагаемый им образ жизни и их критикой в свой адрес.

Причину этого нежелания и критики Скиннер, по-видимому, так и не понял и продолжал удивляться, как можно вообще возражать против бихевиористского контроля над поведением и против принудительного введения общественной гармонии, если люди все равно подвергаются давлению. На человека, пишет он, «давят» другие люди, социальные организации, вещи и даже его собственные физиологические потребности, стало быть, давления все равно не избежать, но без бихевиористской теории поведения эти виды давления вовлекают человека в хаос и страдание, а с помощью бихевиоризма каждый будет «автоматически счастлив» и всем доволен. Поэтому, делает вывод Скиннер, нужно не пытаться «избежать контроля», а сосредоточить все внимание на поисках наиболее удобных и выгодных его форм. Ведь награда за добровольное согласие на контроль и принуждение очень велика — выживание, т. е. главная ценность человеческого рода. А выживанию больше всего соответствует общество, в котором царили бы равновесие, спокойствие и гармония. Предложенная Скиннером бихевиористская утопия общества будущего, человека будущего и морали будущего такова: общество будет технотронным, организованным, человек — усовершенствованным конформистом, а мораль — той ценой, которую надо заплатить за удобство человеческого общежития и комфорт психологического самочувствия в нем.

Таким образом, бихевиористская футурология является вариантом старой идеи о возможности существования общества без морали и человека без морали. Насильственное «осчастливливание» человечества за счет отнятия у него свободы было осуждено Ф. М. Достоевским в «Легенде о великом инквизиторе». Футурологическая же программа, которую предлагают сторонники «гуманистической этики», — это еще одна механистическая модель человека и общества. Различие между двумя этими теориями чисто морализаторское. Представители «гуманистической этики» оценивают вариант «будущего без морали» отрицательно и предостерегают, что это пагубно скажется на личности и обществе и приведет к необратимым деформациям в их структуре, породив чудовищные, не существовавшие ранее патологические типы личности вроде «некрофила», «человека-радара» и т. п. и новые социальные болезни. Но, не будучи в состоянии противопоставить бихевиоризму никакой по-

зитивной программы спасения морали, они ограничиваются лишь сетованиями по поводу гибели морали в будущем обществе.

Сторонники «гуманистической этики» могут обещать и предсказывать лишь одно: поскольку в будущем обществе от морали в собственном смысле останутся лишь «рудименты морального сознания» и человек перестанет быть субъектом морали, перестанет существовать и этика в сегодняшнем понимании этого слова. Те моральные проблемы, которые сегодня решает (или должна решать) этика, перейдут в будущем к психиатрии. Один из тех, кто предлагает замену этики психиатрией, В. Фрэнкел, писал, например, что моральные проблемы постепенно теряли своего «хозяина». В прошлом главным претендентом на решение моральных проблем выступала религия: со своими моральными проблемами люди шли к пастору, к духовнику. Позднее они стали обращаться за помощью к моралистам и этикам, а теперь — к психологу или врачу-психиатру. «В наше время, — утверждал Фрэнкел, — медицина встала перед необходимостью расширения своих функций. Врачи должны заняться философией, ибо проблемы, с которыми к ним приходят пациенты, — это уже не проблемы эмоциональных конфликтов, как это было в недалеком прошлом, а проблемы философские — смысл жизни, ценность человеческого существования и т. п.»¹²⁷.

Анализ ответов на вопросы о будущем развитии морали и этики, предлагаемых бихевиоризмом, «гуманистической этикой» и психиатрией, позволяет сделать вывод, что их прогнозы представляют простое перенесение в будущее тех проблем и явлений, которые уже сегодня служат характерными чертами буржуазной морали и этики. В этом смысле они являются подтверждением высказанной еще Гоббсом идеи, что «представление о будущем есть лишь предположение, имеющее своим источником воспоминание о прошлом»¹²⁸.

Истолкование будущего как проекции проблем, поставленных, но не решенных в настоящем, особенно характерно для попыток конструирования моделей будущей морали и будущей этики, предпринятых на уровне теоретического прогнозирования. Если в сфере фантастики и утопий, о которых уже шла речь, сознание футурологов легко отрывается от настоящего и будущее интерпретируется автономно, почти изолированно от на-

стоящего, то для теоретических прогнозов характерная особенность: будущее почти не отличается от настоящего, оно есть его простое воспроизводство и повторение. Поэтому, говоря о будущем, авторы теоретических прогнозов целиком исходят из морали, существующей в настоящем, и предсказывают ее сохранение в будущем, лишь с некоторыми модификациями.

Эта особенность теоретического прогнозирования четко проявилась в вышедшей в США книге «Этика и проблемы XXI века»¹²⁹. Она представляет собой наиболее заметную работу в буржуазной теоретической футурологии морали, поскольку в ней представлены точки зрения самых известных, ведущих современных американских и английских этиков на проблему будущего морали и этики. В книге содержатся статьи таких маститых авторов, как У. Франкена, Р. Хеар, К. Байер, П. Сингер, Р. Кобург, К. Гудпастер, А. Макинтайр и др. Этих авторов объединяет желание высказаться по вопросам основных моральных проблем настоящего и будущего и о путях их решения.

«Чем ближе двадцать первый век,— пишут авторы,— тем острее и сложнее становятся моральные проблемы и тем отчетливее проявляются те трудности, с которыми этика сталкивается при их решении»¹³⁰. Они говорят о том, что этика должна взять на себя руководство человеческим поведением, предложить теорию принятия правильных решений в области экономики, экологии, градостроительства и т. д. Поэтому статьи данного сборника посвящены таким проблемам, как «этика и окружающая среда», «эгоизм и энвайронментализм», «неизбежен ли человеческий шовинизм», «контрастные методы планирования среды», «как мы можем решить, какой мир лучше», «технологические достижения и человеческое добро и свобода», «голод и права человека», «технология и священность жизни» и др.

Как видно, авторы проявляют способность к глобальному мышлению, видят «болевы точки» буржуазной цивилизации конца XX в. Они правильно ставят некоторые практические социальные проблемы, пишут об экономическом, экологическом и энергетическом кризисах, об увеличении, несмотря на успехи науки и техники, числа голодающих в мире, о негативных последствиях научно-технического прогресса и бурного развития электронной техники, а также медицины и биологии, о неуправляе-

мых демографических процессах и безудержном росте больших городов, о хищническом отношении к природе. Однако никаких реальных решений этих проблем, обострившихся именно в конце нашего века, буржуазные футурологи не предлагают.

Дело, конечно, не в отсутствии желания решить их и не в недостатке профессионального умения разбираться в сложных этических проблемах, а в порочности буржуазной идеалистической методологии. Авторы книги стремятся выйти за пределы узкопрофессиональной замкнутости, поставить большой круг проблем, они предлагают шире подойти к пониманию задач этики. Об этом пишет, например, один из ведущих американских этиков, У. Франкена, в главе «Расширение понятия этики», и даже Р. Хеар, глава современной английской метаэтики, отказавшись от узкометаэтической проблематики, предлагает свою теорию универсального прескриптивизма для решения градостроительных проблем. Каждый из авторов настойчиво утверждает, что расширился круг проблем, которые сегодня подлежат рассмотрению с позиций морали, что и в будущем ХХІ веке моральные проблемы будут приобретать все более глобальный характер, что этика должна стать глобальной наукой. Авторы книги настойчиво проводят мысль о том, что в будущем произойдет расширение понятия морали и этики.

Как же конкретно этот процесс будет осуществляться? На этот важный вопрос авторы не дают, да и не могут дать ответа. Не могут потому, что стоят на антиисторической позиции автономности сферы морали по отношению к социально-экономическим основам общества. Ставя глобальные проблемы, они исходят из того, что это общечеловеческие проблемы, неотвратимо возникающие в ходе развития человечества, и при этом не видят, что неразрешимость их порождена не «цивилизацией двадцатого века», а капитализмом двадцатого века. Именно поэтому авторы сборника могут предложить лишь иллюзорное, чисто идеалистическое и типично морализаторское решение намеченных ими проблем: создать новую этику.

Так, для решения сложных экологических проблем, порожденных хищническим отношением к природе, свойственным капитализму, они предлагают создать особую этику — «экологическую». «В ХХІ в., — пишут авторы, — для решения проблем, возникающих во взаимоот-

ношениях человека и природы, человека и окружающей среды, человека и животных, необходимо создать экосистемную, или планетарную, этику»¹³¹. Эта разновидность этики должна поставить вопрос о том, как человек должен относиться не к другим людям, богу или самому себе, а к другим живым существам — животным, растениям, насекомым, а также к воздуху, земле, воде, минералам. Эта этика должна признавать внутреннюю ценность каждого экобиологического компонента и служить оптимизации экосистемы. При этом моральный критерий будет следующим: «Поступок или действие правильны, если они направлены на сохранение интегральности, стабильности и красоты биотического сообщества»¹³². «Экологическая» этика должна исходить из того, что в сферу морали должны быть включены не только люди, но и все «сознающие, чувствующие» существа и вещества, что у человека и человечества должна образоваться новая, «экологическая» совесть.

Авторы обосновывают необходимость создания «экологической» этики тем, что «существующая моральная философия обнаружила в последние годы неспособность решать проблемы, связанные с охраной окружающей среды»¹³³, как, впрочем, и другие проблемы. Именно по этой причине, вероятно, идея создания «экологической» этики, долженствующей заменить существующую этику, нашла широкое одобрение в капиталистических странах¹³⁴.

Как же следует оценить очередную замену «старой» этики «новой», «экологической» и ее значение для решения встающих в последнее время моральных проблем? Ясно, что и эта этика не может предложить сколько-нибудь конкретного решения этих проблем. Не будучи в состоянии решить центральную этическую проблему — проблему взаимоотношения между людьми, отношения человека к обществу и другим людям, буржуазные теоретики предлагают переместить этические проблемы в сферу отношений человека к природе, к животным, к растениям и т. п. Этому варианту этики, представляющему собой эклектическое сочетание идей холизма, эволюционной этики и швейцеровской «этики преклонения перед жизнью», присущи те же методологические и теоретические ошибки, которые свойственны и другим вариантам буржуазной этики: игнорирование социального, классового аспекта экологических проблем, которое исключает

их позитивное решение. В силу идеологических установок буржуазные этики и не могут подойти к решению этих проблем с классовых позиций. Поэтому их прогнозы будущего, при внешней теоретичности и претензиях на научное решение глобальных проблем, весьма далеки от науки и ничем в сущности не отличаются от утопий и от фантастики.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с футурологическими прогнозами, стоящими на самой высокой (из возможных для буржуазной футурологии) ступеньке предвидения. Мы имеем в виду планы и прогнозы теоретиков Римского клуба. Как известно, ученые, объединившиеся вокруг Римского клуба, видели свою задачу в выработке глобальных моделей будущего человечества. Такие видные деятели Римского клуба, как Э. Ласло, Д. Медоуз, А. Печчеи и др.¹³⁵, подходили к прогнозированию будущего с позиций позитивистской методологии, т. е. методов эмпирического анализа, верификации фактов и т. д. Однако почти все они вынуждены были признать, что применение к столь сложному объекту исследования, каким является будущее, эмпирических методов оказывается неэффективным, поскольку ограничено в основном сферой прогнозирования будущего науки, техники и тех социальных процессов, которые поддаются количественному измерению, — демографических, урбанистических, а также сырьевых, энергетических запасов. Что касается прогнозирования качественно иных процессов, в первую очередь гуманистических, нравственных, то здесь, считали они, необходимы методы ценностного анализа.

Однако, применив этот анализ, деятели Римского клуба оказались на субъективистских позициях: существующие в современном мире моральные дилеммы порождены, по их мнению, ценностными установками отдельных людей, групп или целых обществ, т. е. образом мыслей, а не социально-экономическими причинами. Усмотрев в моральных умонастроениях людей причину всех бед, угрожающих человечеству, эти идеологи провозгласили необходимость изменения сознания людей как средство изменения объективного мира¹³⁶. Таким образом, лейтмотивом футурологических концепций становится уже не изменение реальных, буржуазных социально-экономических отношений, не ликвидация частной собственности и эксплуатации человека человеком, а лишь изменение ценностных ориентаций людей.

Кто и как будет осуществлять переориентацию и перестройку сознания людей? Ответ на этот вопрос оказался весьма неожиданным для, казалось бы, строго научно ориентированных деятелей Римского клуба. Они считали, что эту задачу в обществе наилучшим образом может выполнить религия. При этом религия понималась в чисто моральном плане как стойкая и стабильная система управления моральными взглядами и поступками людей. Заметим, кстати, что не только ученые возлагают надежды на религию, но и сами религиозные деятели в последнее время начали активно заниматься глобальными проблемами будущего. Так, еще в 1970 г. по инициативе Всемирного совета церквей в Женеве была созвана конференция для обсуждения перспектив будущего человечества. С тех пор было еще несколько подобных конференций. Один из религиозных футурологов обосновал внимание церкви к футурологии тем, что «сегодня необходимо найти новые пути решения моральных проблем, для чего потребуется новая этическая революция, адекватная научно-технической»¹³⁷.

Представителям Римского клуба, как и религиозным футурологам, свойственна критическая оценка современного состояния морали и нравов в буржуазном обществе (которые они характеризовали как беспрецедентный моральный кризис), а также желание изменить это состояние в будущем. Они сетовали на то, что технические изменения произошли слишком быстро, а социальные институты оказались не подготовленными к ним. Они считали, что развитие техники поставило неразрешимые проблемы: кто является хозяином, а кто рабом во взаимоотношениях человека и технологии; что технология эмансипировалась от человека и стала развиваться по собственным законам, часто во вред человеку; что в условиях технологической цивилизации человек может быть поработен техникой и необходимо создать гармонию человека, техники и природы.

Но какие выводы из этих рассуждений делают религиозные футурологи? Что они предлагают? Оказывается, те кризисные явления, которые порождены современной научно-технической цивилизацией, имеют одну положительную сторону: они доказали, что сила и могущество человека не безграничны, что постоянное изменение не является главной закономерностью истории, что человек слеп в своем творчестве мира и что он, наконец, осознал

конечность своего бытия и границы своих возможностей. По их мнению, человек должен понять, что его истинное будущее не известно, что нельзя знать, будет ли вообще существовать человек на Земле. Но не нужно впадать ни в истерию, ни в апатию. В этой ситуации человек должен обратить свой взор внутрь самого себя, заняться переделкой себя, самоусовершенствованием. Только переделав себя, человек может побороть те силы, которые порождены человеком, но уже не подчиняются ему, только в этом случае можно будет успешно решить все проблемы и подготовиться к будущему, утверждал профессор теологии Гейдельбергского университета Г. Пихт¹³⁸.

Таким образом, религиозный вариант моральной футурологии представляет собой все ту же старую христианскую идею личного морального совершенствования, которая объявляется ключом к решению всех проблем не только настоящего, но и будущего. Религии отводится особая идеологическая роль в переустройстве мира и в определении его будущего облика, она избрана средством преобразования мира. По мнению буржуазных футурологов, мир можно изменить путем трансформации индивидуального морального сознания, целенаправленного влияния на психику человека, призывов к усовершенствованию человеческой природы, к восстановлению пошатнувшихся моральных ценностей.

Апелляция ведущих представителей Римского клуба к религии еще раз подтверждает вывод, что буржуазная моральная футурология имеет ненаучный, утопический характер. Все призывы к переделке сознания, от бихевиористских до религиозных, все варианты создания «новых видов» этик служат одной цели — противодействовать осознанию массами идеи о необходимости революционного преобразования буржуазного общества как объективной основы для создания действительно новой морали. Единственная научная теория предвидения будущего человечества — это марксистско-ленинская теория, обосновывающая историческую неизбежность гибели капитализма и построения коммунистического общества как основы функционирования коммунистической морали — морали высшего типа.

Мы рассмотрели три основных варианта прогнозирования будущего морали и этики: утопический, фантастический, футурологический. Эти формы прогнозирования

отличаются друг от друга: утопии имеют в основном морализаторский характер и выражают мечты и надежды относительно будущей морали; фантастика рисует весьма далекие от реальности проекты и модели будущего состояния морали, умалчивая о возможностях и путях их осуществления; футурология пытается дать теоретическое предвидение возможных путей развития морали в будущем.

Однако они имеют и ряд общих черт: являясь ненаучными теориями, они не дают конкретных рекомендаций по практическому осуществлению выдвигаемых футурологических моделей, имеют явный или замаскированный апологетический характер, поскольку исходят из вечности существования капиталистического строя, из возможности его изменения к лучшему.

Буржуазная методология прогнозирования развития общества и морали в корне противоположна марксистско-ленинской методологии научного предвидения развития общества и его морали. Марксизм располагает подлинно научной теорией формирования коммунистической морали и теорией воспитания нового человека. Развившись из утопического социализма как одного из своих источников, содержащего элементы представлений о будущем человеке и будущем обществе, научный социализм поставил на место беспочвенных фантазий и иллюзорной моралистики утопистов научную теорию построения высшего типа общества и формирования высшего типа нравственности. Марксизм придерживается и в этом вопросе принципа оптимистического историзма, как писал В. И. Ленин, «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»¹³⁹.

Парадоксы современной буржуазной психологии морали

В предыдущей главе мы выяснили, что ни социологические теории «среднего уровня», ни эмпирические методы, широко используемые современной буржуазной наукой о морали, не дают подлинно научного объяснения процессов, происходящих в морали современного буржуазного общества, не позволяют наметить сколько-нибудь реальные пути выхода из морального кризиса. Буржуазная социология фотографически воспроизводит портрет современного буржуазного общества, несет на себе печать всех его антиномий, коллизий, отклонений от нормы и деформаций. В зеркале социологии морали отражаются порождаемые капитализмом иллюзии и страхи, призраки, миражи, маски.

При исследовании социальных явлений социология морали сосредоточивает главное внимание на моральном сознании групп, общностей, слоев, в гораздо меньшей степени интересуясь сознанием, мотивами, оценками, ценностями, поведением и поступками отдельных людей. Социологию интересует в первую очередь массовидное, а не индивидуальное, общее, а не личное. Личность нередко теряется, почти перестает существовать, выступая лишь в виде «статистической единицы». Буржуазные социологи морали пытались реализовать социологический подход к морали, который предполагает рассмотрение морали как социального явления в контексте общественной жизни, в связи с законами общества. При этом они не смогли создать единую теорию морали, раздробив ее на множество разрозненных «социологических осколков», из которых невозможно создать единого целого.

В буржуазной социологии морали оказалось утраченным самое главное «действующее лицо» — субъект морали, реальная личность, живой человек. Субъект морали превратился в объект морального воздействия, которому общество или группа должны любыми средствами навязать нормы и правила поведения. Реальной личностью, живым человеком интересуется и другая отрасль эмпи-

рического знания — психология. В центре психологии находятся индивид как моральная личность и его моральное поведение. Именно в психологии эмпирические методы исследования — тесты, опросы, анкеты, эксперименты, клинические наблюдения — направлены на отдельного человека, на выявление индивидуального своеобразия и неповторимости личности.

Критическому анализу буржуазной психологии морали мы уделим особое внимание, тем более что она по сравнению с другими школами в меньшей степени исследована советскими специалистами по критике современной буржуазной этики *. Посмотрим, насколько удастся представителям этого направления изучить индивида как моральную личность и его моральное поведение.

Прежде чем приступить к анализу эмпирических исследований в сфере морали, следует обратить внимание на тот факт, что различного рода анкеты, тесты, опросы и вопросники стали в настоящее время поистине «дурной модой» в капиталистических странах. Все эти методы и приемы эмпирических исследований давно уже вышли за пределы психологических и социологических лабораторий, где ученые всего несколько десятилетий назад мучительно бились над вопросами моральной допустимости их применения и над выработкой достаточно надежных гарантий их точности, непредвзятости и объективности.

Тестирование и анкетирование стали настоящим поветрием и, выйдя из-под контроля ученых, утратили всякое подобие научности, превратились в расхожую игру буржуазной массовой пропаганды, спекулирующую на псевдонаучности и вульгаризирующую своих научных прародительниц — социологию и психологию. Но остановить этого выпущенного из бутылки «социологического» джина оказалось уже невозможно: к месту и не к месту, оправданно и неоправданно, с тайным умыслом и без всякого смысла всевозможные анкеты и вопросники колют по страницам рекламных изданий, журналов для домохозяек и солидных политических публикаций. Очень часто они становятся еще одним инструментом навязывания народным массам самых реакционных идей и манипулирования массовым сознанием.

К их числу относится, например, «психологическая

* В главе использован наш материал из кн.: «Мораль: сознание и поведение». М.: Наука, 1986.

анкета» на тему «Смогли бы Вы убить человека?», с которой обратился к своим читателям известный французский журнал «Нувель обсерватер». Он предложил тридцать вопросов, ответив на которые каждый сможет решить, способен ли он стать убийцей. Среди приведенных в анкете «вариантов» убийства перечислены убийства «из страха», «по глупости», «из ревности», «в силу долга», «в силу извращенности», «в состоянии разъярения», «ради удовольствия», «по любви» и т. д. Подобного рода «анкеты», буквально наводнившие буржуазную прессу, не просто вульгарны и далеки от всякой науки. Они навязывают читателю мысли, которые едва ли пришли бы в голову нормальному человеку: в данном случае внушается мысль, что каждый может быть потенциальным убийцей.

Обратимся теперь к анализу эмпирических методов исследования, которыми пользуется современная буржуазная психология морали, и прежде всего дадим краткую общую характеристику ее школ и направлений.

1. Мозаика школ и направлений

В капиталистических странах лидирующей школой в «поведенческих» науках, которые занимаются анализом поведения, является, несомненно, бихевиоризм. Он возник в начале нашего века среди ученых-естествоиспытателей и впервые достаточно систематически изложен в работах Э. Торндайка. Бихевиористы исходили из понимания поведения человека по аналогии с поведением животных как реакции на воздействие среды, обстоятельств и рассматривали поступки людей как их желание, часто даже неосознанное, наилучшим образом приспособиться к внешней среде, выжить, иметь больше удовольствий, чем страданий. Бихевиористская интерпретация поведения поставила под сомнение роль и значимость моральных мотивов в поведении, предложила такое истолкование поступков, которое по сути дела вообще исключало мораль как одну из движущих сил поведения человека.

К бихевиористской модели поведения весьма тесно примыкают биолого-эволюционистская позиция, разделяемая современными этологами, теория социального научения и теория ролей, популярные среди социальных психологов, фрейдистская теория сексуальной основы по-

ведения, а также различные теории девиантного поведения, разрабатываемые буржуазными психологами и юристами при анализе преступности. Немалое распространение получили идеи бихевиористов и среди педагогов, систематизирующих методы воспитательного воздействия.

Таким образом, в современной буржуазной этике сложилась парадоксальная ситуация: «поведенческие» науки, как правило, уделяют весьма мало внимания морали и либо вообще исключают ее из проблематики поведения, либо понимают ее нормы как условные, внешние. В то же время специальную науку о морали — этику они ограничивают общим уровнем анализа, описанием морали, формально-логическим подходом к ее понятиям, суждениям и нормам, не заботясь о доведении анализа до реального поведения личности, систематического исследования конкретных поступков, норм, принципов и чувств людей.

Лишь одна из отраслей буржуазной психологии специализируется на исследовании проблем морали — психология морали. Она представляет интерес именно потому, что в ней анализируется совокупность проблем морального развития личности и морального поведения.

С точки зрения методов исследования характерной чертой психологии морали, отличающей ее, с одной стороны, от этики и философии морали, а с другой — от социологии и педагогики, является то, что в ней конкретно-психологические, эмпирические методы исследования дополняются постановкой некоторых теоретических проблем этики и обязательным выходом в педагогическую практику, в область нравственного воспитания. Это своеобразный синтез эмпирической психологии, прикладной этики и практической педагогики. С точки зрения предмета исследования психология морали характеризуется выбором определенной конкретной возрастной группы (очень часто таковой бывают дети и молодежь разного возраста и пола), причем изучение поведения, моральных качеств и процессов морального развития личности непосредственно перерастает в систематизацию методов воспитательного воздействия. В последние годы в философской литературе разных стран все чаще говорится о настоятельной потребности в специалистах по изучению морального поведения человека и законов морального развития личности, об острой нужде в этико-психолого-

педагогической теории морального воспитания личности. Только в ведущих капиталистических странах ежегодно издается свыше 100 журналов по психологии. Общее число психологов превышает $\frac{1}{4}$ миллиона. В США психологов 150 тыс. — больше, чем врачей.

Можно утверждать, что в 80-х годах, впервые после 30-х годов, отмеченных своеобразным «психологическим» бумом, связанным с работами Фрейда, Пиаже и др., в капиталистических странах произошло резкое увеличение интереса к психологии морали, к моральным проблемам поведения, к закономерностям процесса нравственного развития и становления человека. Рост интереса к проблемам психологии морали стал очевидным, о чем свидетельствуют большая теоретическая литература, тематика исследований, защищаемые диссертации. Статьи по проблемам психологии морали регулярно публикуются в журналах психологического, педагогического, социологического профилей. Помимо многочисленных журнальных публикаций за последние годы по проблемам морального развития личности и другим проблемам психологии морали вышло много книг¹.

Резкое увеличение популярности эмпирических психологических методов исследования морали, конечно, не случайно. Укажем лишь некоторые, на наш взгляд, основные причины этого. Но прежде отметим, что классические проблемы психологии морали, такие, как соотношение морали и поведения человека, моральные качества личности, процесс морального развития отдельного человека и целый ряд других, интересовали философов, этиков, психологов, педагогов, религиозных деятелей, моралистов на протяжении тысячелетий, во все периоды человеческой истории. Сам предмет отнюдь не нов: о нем шла речь в библейских заповедях, теоретических концепциях этиков и философов, морализаторских проповедях и поучениях. Однако вплоть до нашего столетия масштабы применения эмпирических методов исследования человеческого поведения были ограничены. И хотя некоторым авторам философско-этических теорий прошлого было не занимать тонких наблюдений, психологической глубины и проницательности в объяснении движущих пружин человеческих поступков, но идеалистический характер этики неумолимо обнаруживал себя в умозрительности этих построений и в оторванности от реальной жизни.

Характерно, что эти этические теории никогда ранее

не были связаны с психологическими экспериментами. Более того, разного рода эксперименты в моральной сфере считались еще более недопустимыми, чем медицинские опыты над людьми, поскольку могли нанести непоправимый ущерб уже не телу, а душе человека, врачевать которую неизмеримо труднее, чем телесные недуги. Тысячелетия ученые не брались за такую немисливо сложную задачу, не будучи уверены в том, что имеют на это моральное право и располагают достаточными возможностями для проведения эмпирических исследований. Пожалуй, только в наше время ученые постепенно начали осуществлять такие эмпирические исследования, и прежде всего в области психологии и социологии. Обращение психологов морали к эмпирическим исследованиям в огромной степени способствовало популярности этой области психологии, породило надежду на новые открытия в этике.

Рост престижа психологии морали вызван отчасти и кризисом теорий, в которых разрабатывалась идея об отмирании морали в современном и будущем обществах. Психология морали в противоположность этим теориям не только отстаивает мораль, но и считает ее важнейшим фактором человеческого поведения и жизни личности. Популярность психологии морали может быть объяснена также потребностью разобраться в целом ряде новых острых моральных проблем, многих «громких» аморальных дел, периодически будоражающих общественное мнение и моральное сознание людей в странах буржуазного мира, на которые традиционная этика часто не дает ответа. Откликаясь на эти запросы общественного мнения, психологи морали часто выступают с предложениями решения этих острых проблем.

Говоря о задачах психологии морали, один из ее ведущих представителей, американский психолог Т. Лайкона, в книге «Моральное развитие и поведение»² так сформулировал проблемы, стоящие перед этой дисциплиной: «как человек становится моральным», «что такое «поступать по совести»», «что означает быть морально принципиальным», «какие факторы определяют то, как люди действительно ведут себя, а не только как они рассуждают», «что могут сделать родители и общество, чтобы помочь детям вырасти морально зрелыми», «чего мы еще не знаем о моральном поведении и развитии». Ясно, что заявка на решение таких проблем, да еще снабжен-

ная обещанием обобщить данные многочисленных психологических эмпирических исследований, никого не может оставить равнодушным.

Как же осуществляется в современной буржуазной психологии морали реализация этой задачи? Каковы реальные эвристические возможности этой отрасли психологии, каковы ее границы, точнее, удалось ли буржуазной психологии морали дать решение проблем морального развития личности и морального поведения, а если нет, то почему?

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует отметить, что буржуазная эмпирическая психология морали не едина. В нее входит довольно много школ и направлений, основными из которых являются теории когнитивного развития, психобиологии, психоанализа, бихевиоризма, социально-морального научения, клинической моральной психологии, социально-моральной экологии. Между ними постоянно идут дискуссии и острая полемика. Множественность трактовок исходных понятий создает одну из дополнительных трудностей при анализе этого направления. Достаточно сказать, что только одно важнейшее понятие психологии морали — «моральное развитие личности» — имеет несколько различных толкований.

Анализ буржуазной психологии морали, как направления в целом, логичнее поэтому провести в двух планах: по проблемам и по школам. Проблемный анализ позволит очертить поле исследований этой дисциплины, проследить основные направления поисков, выявить предлагаемые ею пути решения поставленных задач, выделить отдельные интересные находки и дать их объективное, научное обоснование. Разбор направлений буржуазной психологии морали даст возможность познакомиться с состоянием этой научной дисциплины, представителями различных школ, с противоречиями, существующими между ними.

Начать целесообразно с краткого ознакомления со школами и их представителями, с тем чтобы затем сосредоточить внимание на проблемном анализе. Для удобства систематизации имеет смысл рассматривать школы и направления психологии морали в хронологическом порядке, по мере возникновения, что даст возможность проследить динамику их смены и понять их современное состояние.

История современной буржуазной психологии морали началась в 30-е годы нашего столетия, когда возник целый ряд новых школ в философии, психологии и этике.

Среди них — психоанализ. Он относится к числу теорий, которые достаточно полно излагали психологические проблемы морали. З. Фрейд уделял внимание таким проблемам, как моральный статус личности, значение эмоций в поведении, соотношение разума и чувств, природа совести, проблема вины и греха, проблема моральной социализации человека как процесса приобщения индивида к морали, взаимоотношение человека и морали, проблема отклоняющегося поведения и т. п.³

В традиционной психоаналитической теории подчеркивается сложный, внутренне противоречивый характер морального мира личности. Особая роль в развитии морального сознания индивида принадлежит «супер-эго». Внутри «эго» существует ряд конфликтов, отражающих противоречия между различными аспектами человеческой личности. Процесс морального развития характеризуется как конфликт между фантазией и реальностью, разумом и чувствами, внутренними импульсами и внешними нормами и правилами поведения. Антисоциальные импульсы индивида делают его больным в социальном мире и служат источником чувства вины, которое становится регулятором поведения личности, выступает механизмом самоконтроля, самопринуждения и самоподавления, но одновременно лишает человека ощущения счастья и гармонии и создает неврозы. Современные сторонники психоанализа (Джиллиган, Айзенк, Левингер и др.) отошли от традиционной для фрейдизма идеи неустранимой противоречивости сознания человека и непреодолимости внутренних и внешних конфликтов, выдвинув теорию возможности внутренней интеграции личности на стадии полного морального развития⁴.

Нередко в современной буржуазной психологии морали встречаются высказывания, что фрейдизм представляет чисто исторический интерес, тем более что его применение в эмпирических психологических исследованиях затрудняется невозможностью тестирования. Однако преуменьшать роль фрейдизма было бы неверно в силу того, что он оказал весьма значительное влияние на буржуазную психологию и этику. Последователи психоанализа продолжают вести работу и в наши дни, хотя их

количество значительно уменьшилось. В основном они работают в области проблем сексуального поведения, сексуального воспитания, сексуальных ролей.

Весьма большое влияние на буржуазную психологию в целом и на психологию морали в частности оказала теория Ж. Пиаже⁵. Идеи его школы оказались еще более живучими, и можно с уверенностью сказать, что современные последователи Пиаже занимают ведущие позиции в буржуазной психологии морали, а один из них, Л. Кольберг, является одним из самых популярных психологов в США. Название теории варьируется: «когнитивная теория», «теория когнитивного развития» (theory of cognitive development) и т. п.

Основной темой исследования Пиаже и его школы является, как известно, формирование познавательных способностей ребенка и влияние знаний на поведение. Изучая понимание детьми правил поведения, представители школы Пиаже пришли к заключению, что существуют две главные стадии в развитии морального мышления (рассуждения) ребенка.

Первичная стадия, когда очень маленькие дети демонстрируют только стереотипы конкретных действий, характеризуется моральной гетерономией абсолютных, застывших суждений, ориентированных на внешний авторитет. Вторая стадия описывается им как более автономная, как поддержка принципов, приобретенных в ходе социального общения. Пиаже показывает три стадии морального мышления детей школьного возраста: моральный реализм (в 10—11 лет), мораль кооперации (подростки) и мораль равенства (юность и взросление). Пиаже никогда не ставил знака равенства между своей, когнитивной и моральной теорией, однако он применял одни и те же принципы и критерии как для развития познания, так и для морального развития ребенка.

Современные последователи Пиаже пошли по пути систематической разработки и классификации последовательных стадий морального развития ребенка с детства до взрослого состояния. Кольберг, например, предлагая респондентам выбор действия в условных ситуациях, выделяет шесть стадий морального мышления, которые сводятся к трем главным типам: доконвенциональному, конвенциональному и постконвенциональному (об этом подробнее дальше). Согласно теории когнитивного

развития, люди различаются не только по объему их моральных знаний и пониманию моральных принципов, но и по силе и типу рассуждений, сопровождающих действия и оценки. Концепция Кольберга содержит утверждение о важности моральных знаний и убеждений для поведения людей начиная с детского возраста, и исходит из понимания ребенка как субъекта, активно конструирующего свой моральный мир, ребенка как «морального философа». И хотя моральное знание не эквивалентно моральному поведению, в этой теории имеется немало практически-педагогических рекомендаций. Экспериментальные долговременные исследования Кольберга (наблюдения велись около 20 лет) были затем повторены (Кольбергом и Крамером в 1969 г.; Кольбергом в 1973 г.; Туриэлем в 1966 и 1969 гг.; Рестом в 1969 и 1973 гг.). В ходе этих исследований уточнялись как возрастные, так и содержательные градации стадий морального развития личности. В настоящее время данная школа лидирует в современной буржуазной психологии морали.

Третья (хронологически) важнейшая школа буржуазной психологии морали — бихевиоризм, представленный в своей крайней форме концепцией Скиннера⁶. Задача этой теории состоит в объяснении специфики морального поведения. Ранние варианты бихевиоризма сводились к переносу правил поведения животных, и в частности правил их обучения и дрессировки, на поведение людей и обучение детей правилам поведения. Основной идеей этой школы было подчеркивание общего во внешнем рисунке поведения человека и животных. Современные разновидности бихевиоризма, разделяя его основные положения, отличаются рядом важных черт и объединяются под общим наименованием «теории социального научения (обучения)».

Центральным понятием теории социального научения является понятие социализации, т. е. усвоения индивидом культурных и моральных ценностей его среды, в результате которого оказываются возможными управление своим поведением и контроль над своими импульсами. Теории социального научения исходят из того, что все типы культуры и морали имеют свою модель «добродетельной личности» и определенные способы, направленные на то, чтобы производить как можно больше таких личностей в каждом новом поколении. Один из сто-

ронников этой теории, Бронфенбреннер, проиллюстрировал связь между культурой добродетельной личности и методами ее социализации⁷. Другие представители этой школы исследовали роль моделирующего процесса в управлении поведением и интернализации ценностей.

В теории социального научения усвоение морали сравнивается с усвоением любых других правил, а совесть рассматривается как условный рефлекс, реакция на требования среды. В исследованиях этой школы совесть относится к широкому ряду стимулов поведения, именуемых «мониторами». По методам и задачам исследования теория социального научения близка к социологии и социальной психологии, среди представителей которых популярность ее достаточно велика, в то время как ее философско-теоретические и этические позиции противоречивы и постоянно служат объектом критики других школ.

Особое место в истории становления теории социального научения занимает Э. Дюркгейм, который одним из первых сделал попытку объединить социологический и психологический подходы к поведению человека. Его анализ процесса интернализации (внутреннего усвоения) ребенком культурных и моральных ценностей оказал сильное влияние на исследование ценностных ориентаций, на понимание места и значения ориентации на моральные ценности в поведении человека. Но и Дюркгейму, как и другим представителям теории социального научения, не удалось избежать бихевиористского подхода к рассмотрению морального поведения как наиболее полно соответствующего экстремальным нормам, конформного по отношению к данной социальной среде.

Подводя некоторые предварительные итоги анализа современной буржуазной психологии, можно сделать вывод, что концептуальное и эмпирическое состояние этой науки представляет собой лишь начало некоторых исследовательских подходов к анализу взаимосвязи морали и поведения, влияния моральных ценностей на поступки людей. Задачи, которые ставит перед собой эта наука, в том числе главный вопрос, как и почему люди становятся моральными или аморальными, еще не только далеки от решения, но даже недостаточно исследованы и методологически не разработаны. Одной из причин подобного состояния является отсутствие научной этической теории, которая могла бы стать основой психоло-

гических теорий, занимающихся изучением морального поведения, а также отсутствие взаимосвязи тех наук, которые изучают тот же объект, — этики, психологии, социологии, педагогики, социальной психологии и философии.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, необходимо перейти к проблемному анализу современной буржуазной психологии морали.

Обращаясь к анализу тех проблем, которые становятся предметом исследования эмпирической психологии морали, следует еще раз отметить, что проблемы эти, как будет показано в последующем изложении, несомненно, относятся к числу моральных проблем, находящихся в центре исследования и этики. Психология морали и этика отличаются не проблемами исследования, а подходами к ним, порождающими различия в методах исследования. Моральные проблемы одни и те же у этики, педагогики, социологии, психологии, но каждая наука исследует их по-своему. Проблемы исследования — одни и те же, методы и методика — разные. Необходимо поэтому не просто изложить проблемы, которые исследуются психологией морали, но и проанализировать предлагаемые той или иной школой специфические методы исследования.

Проблема морального поведения личности в этическом анализе решается путем возможно более строгой и точной дефиниции понятий «личность», «мораль», «поведение» и возможно более полного анализа связей между ними. Проблема морального поведения личности с точки зрения психологии морали приобретает иное значение: каковы внутренние, психологические характеристики процесса морального развития личности, что происходит во внутреннем мире человека по мере приобщения его к морали, каковы закономерности морального поведения. При этом обнаруживается, что мораль влияет на развитие человеческой личности, а потому понятие «моральное развитие» становится ключевым в психологии морали. Вместе с тем решение вопроса о том, что такое «моральное развитие личности», невозможно без решения вопросов о том, что такое мораль, какова ее сущность, каковы ее основные компоненты, каково их содержание. Если целью этического анализа является выработка возможно более точного понятия морали, то психологический анализ с этого понятия только начина-

ется: понятие морали как бы высвечивается через личность, исследуется его психологическое воплощение в поведении и поступках личности. Поэтому для психологии морали весьма важным является понимание морали — этого исходного пункта анализа. От того, как понимается мораль, зависит в конечном счете направление психологического исследования.

Вокруг содержания понятия морали в современной буржуазной психологии морали идут непрекращающиеся споры. Дело в том, что современная буржуазная этика, состоящая из множества школ, не располагает единым пониманием морали. В ней содержится не просто различное, но даже взаимоисключающее понимание морали. Многие авторы работ по психологии морали сетуют на этот плюрализм точек зрения, затрудняющий и тормозящий развитие эмпирических и прикладных исследований. Предлагаемые в буржуазной этике истолкования морали имеют общий недостаток: при попытках практически применить их в ходе психологических и педагогических исследований эти дефиниции, выглядевшие вполне строго в контексте теоретических рассуждений, оказываются непригодными, «не работают». В результате этого, как саркастически замечает английская исследовательница психологии морали Э. Вайнрич-Хасте, «дефиниции и категории морали являются смесью народной мудрости и философских рассуждений, и в сфере морального воспитания психологи находятся между научными дефинициями и дилетантством»⁸.

Складывается парадоксальная ситуация: приступая к исследованию различных проблем психологии морали, психологи вынуждены начинать не с конкретных вопросов, а с критики существующих дефиниций морали и с попытки дать свои собственные, пригодные для работы дефиниции. Проследим более подробно за этой ситуацией, чтобы не только разобраться в некоторых трудностях анализа поведения, но и ответить на вопрос: каково соотношение современной буржуазной психологии морали с современной буржуазной этикой, тем более что все ведущие буржуазные психологи морали (Л. Кольберг, Т. Лайкона, Д. Райт и др.) постоянно выясняют свои отношения с этикой?

Как известно, на протяжении нескольких десятилетий преимущественное развитие в современной буржуазной этике имела метаэтика. В буржуазной психологии мо-

рали возник как бы аналог этой школы — теория, известная под названием «теории когнитивного развития». Именно эта школа, представителями которой являются Кольберг, Лайкона и др., занимает ведущие позиции не только в американской психологии морали, но и в буржуазной психологии морали в целом.

Метаэтики вышли на арену современной буржуазной этики с заявлением, что они будут осуществлять предельно точный анализ всех важнейших моральных понятий, и главную задачу этики они видят в анализе морального языка, этической терминологии и всех моральных терминов. Дж. Мур, например, утверждал, что до того, как приступать к решению практических моральных проблем, необходимо разобраться в значении исходных моральных понятий, дать определение добра, долга, идеала и т. п. Р. Хеар неоднократно подчеркивал, что точность морального языка и ясность в употреблении этических понятий совершенно необходимы в процессе морального воспитания, где путаница понятий широко распространена и приносит ощутимый практический вред.

Естественно поэтому, что представители школы когнитивного развития обращаются к метаэтике в надежде получить такие точные и строгие дефиниции и определения терминов, которые могли бы лечь в основу их последующих эмпирических исследований.

Для этой школы психологии морали главной является проблема не просто «навешанная» идеями метаэтики, но, несомненно, прямо вытекающая из всей ее сущности: проблема моральных знаний, их роли в поведении, последовательности этапов их усвоения, стадий морального понимания. При этом моральное развитие личности интерпретируется прежде всего и по преимуществу как когнитивное развитие личности (что отразилось как в названии этой школы, так и в ее проблематике).

Т. Лайкона, Л. Кольберг и другие ведущие представители школы когнитивного развития⁹ пишут, что разделяют три идеи метаэтики: 1) сфера морального мышления, поведения и мотивов является специфической сферой, которую следует ограничивать от других сфер; 2) моральные правила и принципы универсальны или по крайней мере универсализуемы; 3) существует такое состояние моральной зрелости в рассуждениях человека, когда он способен не просто применить те или иные моральные правила, но и генерировать их. Однако на

этом, собственно, и кончается возможность практического научного взаимодействия этой школы психологии морали с метаэтикой.

Психологи морали встают на позиции острой и порой весьма убедительной критики методологических и теоретических принципов метаэтики. Ценность этой критики состоит в том, что она вскрывает недостатки метаэтики после неудачной попытки применить ее идеи и методы на практике, в частности в ходе эмпирических исследований психологии морали. Разногласия с метаэтикой и обнаружение ее практической непригодности касаются двух важнейших положений: понимания и дефиниции морали и значения принципа нормативно-аксиологической нейтральности в этическом исследовании.

По поводу дефиниции и понимания морали Л. Кольберг пишет, что принципиальный отказ метаэтики от нормативного понимания морали лишает исследователя-психолога исходного работающего понятия и заставляет его обратиться в своих поисках к разновидностям критикуемых метаэтикой нормативных систем этики. За более чем двадцатилетний период работы в области психологии морали он был вынужден перебрать несколько определений морали: вначале он пользовался чем-то вроде религиозного понимания морали и высшей ступенью морального развития и поведения считал альтруизм; в настоящее время он остановился на принципе справедливости, заимствованном из самой популярной в США концепции нормативной этики — теории справедливости Дж. Роулса¹⁰. Но и в том и в другом случае этот важнейший компонент его теории когнитивного морального развития недостаточно обоснован и убедителен. В психологии морали продолжается поиск адекватного понимания морали, определения ее высшего принципа, который мог бы служить целью морального развития личности и конечной задачей морального воспитания. Однако предлагаемые в ходе полемики варианты также неудачны и необоснованны. Причина заключается в том, что в буржуазной этике отсутствует четкое, научное понимание морали.

Не менее острой критике подвергается и другое основное положение метаэтики — нейтральность исследования морали, провозглашаемая гарантией ее научной объективности. Поставив перед собой задачу дать систематизированную картину морального развития личности и вы-

делив, как уже говорилось, в нем три последовательных уровня и шесть стадий, Л. Кольберг встал перед вопросом: являются ли эти стадии равноценными или представляют собой линию прогрессивного совершенствования личности, перехода ее с низших стадий на высшие? Отвечая на этот вопрос, Кольберг предлагает оценивать стадии с точки зрения совершенства человека в моральном отношении, а значит, вынужден при этом определенную моральную «стратификацию» людей в зависимости от того, на какой стадии морального развития находится каждый человек. Это с необходимостью ставит вопрос о критерии оценки, на основе которой происходит разделение стадий на высшие и низшие.

Принцип нейтральности, предполагающий принципиальный отказ от всяких оценок, от деления на высшее и низшее, правильное и неправильное, истинное и ложное, оказывается решительно поколебленным. Л. Кольберг доказывает, что логически возможно и практически необходимо двигаться от описания того, каковы достигнутые человеком стадии морального развития, к тому, какими они должны быть, т. е. от сущего к должному, и предписывать человеку, каким он должен быть: избегать, например, грубости, агрессии, безразличия и предпочитать сочувствие, взаимопонимание, сотрудничество.

Это означает возврат к нормативной проблематике, к вопросу о лучшем и худшем в моральном поведении, о правильном и неправильном, о моральном и аморальном. Стало быть, не может идти речь ни о какой ценностной нейтральности. Без вопросов о хорошем и плохом, правильном и неправильном невозможно обойтись при построении классификации моральных качеств, иерархии уровней морального развития. «Если внутри этой моральной иерархии, — пишет Лайкона, — некоторые действия определяются как зло, как плохие или как менее справедливые, чем другие, то может ли социальная наука доказывать, что каждый человек может проявлять себя так, как он сам считает наилучшим среди огромного количества возможностей, открытых ему, если для многих это означало бы возможность пренебречь другими ради собственной «самореализации»?»¹¹

Логически невозможно, пишет он далее, сохранить ценностно-нейтральный подход к исследованию морали, ибо всякое исследование морали предполагает обращение к моральной иерархии, высшие уровни которой яв-

ляются объективно более предпочтительными. Никто не может утверждать, что одна моральная система такая же хорошая, как другая; никто не может одинаково расценивать того, кто становится убийцей из-за неправильного управления самолетом, и того, кто убивает на улице; никто не сможет запретить телевизионным компаниям показывать преступное и предосудительное поведение, если нет каких-то стандартов, по которым один вид поведения является объективно более моральным, чем другой; никто не может просить родителей воспитывать своих детей в духе альтруизма без понимания того, что эта моральная направленность лучше, чем эгоизм или безразличие. Никто не может говорить, делает он окончательный вывод, что все ценностные системы относительны и произвольны. Тотальная релятивность в сфере моральных суждений — как на уровне индивида, так и на уровне социальной науки — логически ведет к тотальной нейтральности в сфере социального действия ¹².

На таких же позициях стоит и другой видный психолог морали, Д. Райт, когда он пишет в «Психологии морального поведения»: «Моральные различия между комендантом нацистского лагеря и святым Франциском Ассисским нельзя свести к утверждению, что первый нарушал правила морали, а второй придерживался их» ¹³. Таким образом признается полная практическая неприменимость к сфере психологических исследований коренного методологического принципа метаэтики — принципа нейтральности.

Представители школы социального научения (обучения) обращаются в поисках исходного теоретического понятия морали к другой группе школ современной буржуазной этики, тяготеющей к социологии морали. Понимание морали представителями этих школ можно условно назвать «социологическим». Для этого последнего характерно рассмотрение морали как одной из форм социализации человека в данной культурной среде. С этой точки зрения моральными считаются такие поступки и мотивы поведения, которые предпочитают и одобряются в том обществе, где живет индивид. В основе этой теории лежит рассмотрение морали не с содержательной, а с формальной, ритуальной стороны: во всех обществах дети воспитываются в духе обязательного исполнения требований моральных кодексов, от поколения к поколению передаются моральные ценности и оценки.

Психологи, работающие в области эмпирических исследований морали, принимая «социологическое» понимание морали, исследуют в первую очередь такие вопросы: каковы эффективные способы и средства моральной социализации? как ценности интернализуются индивидами? каков механизм трансляции ценностей через поколения? каковы причины антисоциального (аморального) поведения? как осуществлять социальный контроль за поведением и вмешательство (воздействие) в него?

Подобное понимание морали, будучи положено в основу эмпирических психологических исследований, также обнаруживает целый ряд противоречий, на которые указывают и сами сторонники теории социального научения, например Райт, Аронфрид, Мишель и др. Каковы эти основные трудности и противоречия? Прежде всего усвоение моральных ценностей не отличается от социализации. Если так, то не существует психологических различий между обучением моральным правилам и обучением правилам математики или дорожного движения. Далее, поскольку не ставится вопрос о содержании моральных правил, принятых в данном обществе, то социализация и моральное поведение по сути дела оказываются простым приспособлением к правилам и нормам, а воспитание — чисто внешним контролем за индивидуальным поведением, мотивами, ценностями и поступками. И это учитывается все большим числом буржуазных психологов.

Представители современного психоанализа используют понятие морали, идущее от З. Фрейда и его школы. Характерным для фрейдистского понимания морали всегда было утверждение, что самой главной сферой личности является сексуальная мораль, что сексуальные проблемы, начиная с детского возраста, оказывают самое значительное влияние на все моральные проблемы, что сама мораль представляет собой систему норм и правил поведения, ограничивающую и вытесняющую его естественные желания, побуждения и мотивы, т. е. форму подавления и обуздания его внутренних импульсов, прежде всего сексуальных.

Сторонники психоанализа концентрируются вокруг проблем полового воспитания, психопатологии и различных форм отклоняющегося поведения. Основными проблемами этой школы являются следующие: значение полового воспитания в моральном воспитании, подготовка

к сексуальной роли, детская преступность, самореализация, психология вины и греха и т. п. Последователи Фрейда неоднократно отмечали, что теоретические положения фрейдизма эмпирически не тестируются и не поддаются экспериментальной проверке, а эмпирические психологические исследования отдельных моральных проблем остаются на уровне эмпирических наблюдений.

Изложенные концепции морали, используемые в трех главных теориях психологии морали, являются наиболее авторитетными и систематизированными. Ими пользуются не отдельные исследователи, а целые школы. Другие концепции морали являются гораздо более фрагментарными. Многочисленные исследователи фокусируют внимание на одном каком-либо качестве морали, изучая формирование способности к сопереживанию, или развитие чувства ответственности, или честность и нечестность, или другое какое-то отдельное моральное качество. Причем этих исследователей, как правило, не интересуют связь между отдельными качествами и выяснение значения этих качеств для понимания личности в целом, а лишь возможно большая тонкость психологического исследования каждого такого компонента.

Итак, подводя некоторый итог, можно сказать, что конкретные эмпирические исследования, проводимые в рамках психологии морали, шире и многообразнее теоретического материала, что отсутствие единой адекватной теории морали проявляется как в проблематике исследований, так и в отсутствии глубоких теоретических обобщений и выводов. Ощущается недостаток в концептуальном обобщении эмпирических данных, в интеграции исследований и систематизации их результатов.

Чтобы анализ буржуазной психологии морали был более полным и последовательным, обратимся к эмпирической конкретике психологических исследований и посмотрим, как психологи решают две главные проблемы — моральной личности и морального поведения. По ходу нашего рассмотрения будем иметь в виду следующий очень важный вопрос: как и в какой мере, при каких условиях эти эмпирические исследования способствуют развитию этической теории, служат импульсом к получению новых знаний о закономерностях морального поведения и поступках личности? Ведь именно в этом и состоит подлинный конечный смысл эмпирических исследований, которые не являются самоцелью. Их конечная задача — поднять-

ся на новую ступень в развитии этики, выйти на новый уровень в понимании моральных проблем.

2. Поведение без морали или мораль без поведения

К какому бы вопросу психологии морали — будь то достаточно конкретный, частный вопрос, а тем более теоретический — мы ни обратились, мы сталкиваемся с признанием самими теоретиками его неизученности и нерешенности.

Какова истинная причина этого положения? Даже если сделать скидки на «молодость» науки и чрезвычайную сложность изучаемого ею предмета — психологических закономерностей морального поведения, все же придется признать, что причины существующего положения кроются в методологических принципах этой науки, во внутренних лимитах ее теоретического и концептуального аппарата, связанных с идеалистическим подходом к решению моральных проблем.

Именно поэтому нашей задачей будет разбор методологических основ современной буржуазной психологии морали. Эта задача связана с рядом трудностей. Прежде всего специфика психологии морали как в основном эмпирической науки, ставящей своей целью проведение эмпирических исследований и сбор фактического материала о поведении людей, состоит в том, что методологические принципы, служащие ее основой, не лежат на поверхности, а глубоко скрыты под обширными слоями эмпирического материала. Сами психологи морали весьма скупко высказываются об используемых ими методологических принципах, считая эти вопросы прерогативой теоретиков, и говорят лишь о применяемой методике и полученных с ее помощью результатах. Теоретическое обобщение собранного конкретного материала часто вообще не производится, так что два важнейших звена научного исследования — исходные методологические принципы, теоретические концепции, лежащие в их основе, и теоретическое обобщение, венчающее исследование, — нередко просто отсутствуют. Исследование ограничивается тремя «рабочими» звеньями: конкретной гипотезой, полевыми исследованиями и систематизацией полученного материала.

В силу этого рассмотрение методологических принципов современной буржуазной психологии морали предполагает анализ большого количества эмпирических исследований с целью выявления общих, присущих им всем методологических принципов, т. е. приобретает характер реконструкции методологических принципов из эмпирического материала, поскольку в буржуазной психологии морали нет работ, посвященных непосредственно методологии этико-психологических исследований.

Однако эмпирическая психология морали уже оформилась как самостоятельная область исследования. В процессе ее конституирования предмет исследования уже очерчен, выделен из общей массы широкого круга психологических и этических проблем. Сегодня уже стала ясна правомерность и нужность эмпирической психологии морали как исследования, осуществляемого на границе психологии, этики, психиатрии, социальной психологии, социологии и педагогики*. Но научные дисциплины, возникающие на стыке наук, — достаточно сложные по методам и задачам исследования комплексы, статус которых еще не оформился до конца и требует определения своей специфики и отличия от породивших их, устоявшихся за долгие периоды существования традиционных наук. Вследствие этого термин «психология морали» в настоящее время существует по меньшей мере в двух значениях. В широком смысле психология морали означает психологический подход к пониманию морали, опирающийся на широкий комплекс теоретико-психологических, эмпирически-психологических, клинически-психиатрических, литературно-психологических данных и повседневно наблюдаемых явлений. Такого рода суждения о морали могут вестись на основе самых ши-

* Соотношение этики с каждой в отдельности из перечисленных здесь наук достаточно глубоко проанализировано в философской литературе. Советские этики рассмотрели соотношение этики и социологии, этики и психологии, этики и социальной психологии, этики и педагогики. При этом подчеркивается плодотворность взаимных связей этих наук, необходимость их интеграции на базе марксистско-ленинской материалистической диалектики. Менее разработанным является вопрос о конкретных путях соединения этики с каждой из этих наук в отдельности и реальных результатах этой интеграции. Еще более сложным является вопрос о результатах объединения этики с целым комплексом близких друг другу по задачам наук — в данном случае тех наук, которые (каждая своими методами) исследуют один предмет — поведение человека.

роких обобщений, а не на основе конкретных эмпирических данных, полученных в результате специальных психологических экспериментов.

Психология морали в узком смысле — это эмпирические психологические исследования морального поведения и обсуждение полученных в ходе экспериментов данных. В данном параграфе мы будем критически анализировать психологию морали в этом втором смысле, лишь изредка обращаясь к различного рода общим рассуждениям из области психологии морали. Но здесь сразу встанет фундаментальный вопрос: можно ли изучать мораль методами эмпирического психологического исследования? Поддается ли она такого рода экспериментам, проводимым в искусственных условиях, контролируемых экспериментатором и в принципе пригодных для повторения и проверки другими исследователями? Положительный ответ на эти вопросы предполагается, тем более что он подкреплён огромным количеством успешно проведенных опытов в разных странах мира. При этом предметом исследования становится не реальное поведение человека, а его моральное сознание, моральные принципы, правила, нормы, мотивы, оценки, убеждения, его понимание добра и зла, правильного и неправильного, долга, совести, ответственности, чести, достоинства, счастья и т. д.

Еще одна специфическая особенность психологических эмпирических исследований морали состоит в том, что они имеют дело не с реально практикуемой моралью, а с тем, что данный человек *считает* своей моралью, своими моральными убеждениями, что он *высказывает*, когда его спрашивают о его моральных взглядах, мотивах, ценностях и оценках. Конечно, имеется различие между тем, как человек решает свои собственные жизненные моральные проблемы и моральные проблемы, заданные ему в эксперименте. Но в психологии морали, как и в экспериментальной психологии вообще, считается, что между моральным сознанием и реальным моральным действием, моральным поведением существует тесная связь, хотя они иногда могут и не совпадать.

В эмпирической психологии морали сознательно не исследуется моральное сознание личности в целом. Моральное сознание и моральное поведение анализируются с различных конкретных сторон, и целью одного психологического исследования становится анализ одной какой-либо грани морального сознания и поведения; только

весь комплекс психологических исследований морального сознания и поведения может составить общую картину морального поведения из мозаичных данных каждого отдельного исследования. При этом необходимо иметь в виду, что одни проблемы могут быть исследованы более глубоко, а другие — менее.

Ясно также, что выбор той или иной проблемы морального поведения зависит прежде всего от принятых авторами исследования исходных позиций. Например, экспериментаторы, стоящие на позициях теории психоанализа, концентрируют внимание в основном на традиционных психоаналитических проблемах — процессах формирования «эго» и «супер-эго», проблемах сексуальных ролей и т. п. Психологи-бихевиористы, как правило, обращаются к социализации индивида, усвоению норм и правил морали, процессам формирования моральных ценностей и убеждений.

Мы сосредоточим главное внимание не на специфике психологических исследований морали в той или иной школе современной буржуазной психологии, а на проблемном анализе. Это позволит наиболее последовательно раскрыть не только направления психологических исследований, но и их содержание, дать оценку как применяемых методов, так и их результатов. Рассмотрим поэтому две ключевые проблемы психологии морали — моральное поведение и личность, точнее, типологию личности.

Моральное поведение — главный предмет исследований эмпирической психологии морали, критерий ее практической полезности и научной оправданности. Именно поведение выдвинулось на первый план психологических исследований, потеснив не менее важную и сложную проблему — проблему личности. Поведение, т. е. реальные поступки человека, выступает в качестве актуальной объективации субъективного мира личности, ее моральных убеждений и принципов, ее реальных человеческих нравственных возможностей и душевных сил. Оно оказывается конечным критерием оценки личности, поскольку, совершая реальные поступки, осуществляя выбор, принимая решения или воздерживаясь от них, человек творит себя, выявляет и осознает свою сущность.

Посмотрим, каковы возможности современной буржуазной эмпирической психологии в анализе морального поведения, тем более что нет, пожалуй, предмета более

сложного для научного исследования. Здесь встают два трудных вопроса: что такое поведение и что такое моральное поведение? Решение этих проблем осложняется наличием целого ряда близких, но не тождественных терминов, таких, как «поведение», «деятельность», «активность».

Все представители эмпирической буржуазной психологии признают, что поведение есть такая форма человеческой активности, которая управляется и контролируется правилами. Такое определение позволяет обозначить лишь самый общий, внешний рисунок поведения, не затрагивая его содержания, понять, что значит поведение, скажем, врача, политика, ученого, шахматиста, отца семейства, помогает отделить моральное поведение от аморального: первое как соответствующее правилам морали, второе как нарушающее их.

Но при этом возникает новый вопрос: что такое моральные правила, следование которым делает поведение моральным? Этот вопрос, как и проблема содержания моральных правил настолько сложен, что не поддается лобовому решению. Поэтому психологи идут по пути описания тех внешних признаков, которые являются общими для всех правил вообще. К таким внешним признакам правил относятся: усвоение правил людьми в раннем детстве происходит так, что они не задумываются над тем, что такое моральные правила, что является их источником, когда они возникли и почему их нельзя нарушать. Процесс усвоения моральных правил (интернализация) является важнейшей составной частью формирования личности, одной из целей нравственного воспитания и социализации в целом. Следовать моральным правилам не просто: трудно всегда держать данное обещание, выполнять свои обязанности, всегда говорить правду, быть справедливым, уважать права других людей, ставить общественные интересы выше личных. Тем не менее они имеют обязательный, настоятельно необходимый характер, нельзя просто отказаться от них, отменить их. Без их соблюдения невозможна общественная деятельность и жизнь общества в целом. Когда люди нарушают эти правила, они испытывают чувство вины, стыда, угрызания совести, осуждают себя. Когда они видят, как моральные правила нарушают другие люди, они испытывают протест, возмущение, негодование, осуждение и хотят видеть нарушителей наказанными. Отношение

к соблюдению и нарушению моральных правил носит эмоциональный характер и не всегда может быть рационально обосновано. Несмотря на всю трудность соблюдения моральных правил, следование им является признаком морального поведения, а их нарушение — аморального, или безнравственного.

Моральные правила разделяются на позитивные и негативные: первые предписывают, что надо делать, как надо себя вести, вторые запрещают те поступки, от которых следует воздерживаться. Моральные правила различаются по сферам функционирования: одни регулируют личную и семейную жизнь, другие — борьбу за экономическую справедливость или свободу и права человека. И наконец, моральные правила отличаются от условных правил этикета, игры или моды, которые быстро меняются и которые можно довольно легко нарушать, не боясь сколько-нибудь серьезного наказания. Основные правила морали имеют фундаментальный характер. Они лежат в основе жизни людей в обществе и поэтому охраняются авторитетом общественного мнения и собственной совестью человека.

Эта общая характеристика морального поведения, принимаемая за основу в эмпирических исследованиях, вызывает множество возражений и не может считаться строго логической его дефиницией. Поэтому экспериментаторы вносят в нее ряд содержательных уточнений, которые тем не менее не позволяют решить вопрос о том, что же следует понимать под моральным поведением. Но, несмотря на отсутствие научного определения морального поведения (а может быть, именно в силу этого), психологи ведут эмпирические исследования морального поведения, надеясь собрать фактический материал и дать такое определение на основе его обобщения.

Интерес к пониманию морального поведения возник еще в древнейшие времена. Однако лишь в последние два-три десятка лет эмпирические психологические исследования морального поведения получили широкое распространение. Причин такого сравнительно позднего обращения к этим проблемам несколько. Одной из них является, несомненно, трудность исследования данного явления, сложного и тонкого, требующего особенно «чистых» условий эксперимента и самых точных методов. Другой причиной является недифференцированность морального поведения от поведения в целом. Пока не про-

изошло вычленения морального поведения в самостоятельный предмет исследования, считалось, что в сфере морали действуют те же закономерности, которые присущи всему поведению. Осознание специфики морального поведения произошло в психологии лишь в самое последнее время. И наконец, следующей причиной, тормозящей анализ этого явления, служат до сих пор не преодоленный скептицизм в возможностях эмпирической психологии решить подобную задачу и опасения по поводу этической допустимости экспериментального вмешательства в святая святых личности — в ее внутренний мир.

С преодолением этих сомнений и опасений постепенно осознавался важный методологический вопрос: что могут дать эмпирические исследования морального поведения в теоретическом и практическом планах? Окончательный ответ на этот вопрос давать еще рано, но уже сейчас ясно главное: эмпирическими исследованиями помимо подтверждения или опровержения известных ранее сведений, полученных из повседневных жизненных наблюдений или теоретических рассуждений, должно быть установлено, как конкретные люди ведут себя в тех или иных случаях, как они решают моральные проблемы, что думают о морали и как конкретно происходят процесс морального развития личности и становление морального поведения.

Эмпирические исследования морального поведения имеют дело с различиями между людьми в моральном отношении, т. е. с тем, что отличает поведение, моральные качества, ценности и оценки одного человека от другого. Поэтому характерной чертой психологических исследований является то, что они охватывают сравнительно малую группу людей, представляющих конкретную социальную среду. К тому же данные психологических исследований должны быть максимально объективны и не зависеть от наблюдателя или каких-то случайностей, чтобы они могли быть повторены другими исследователями, в том числе и в других странах.

Большая часть эмпирических исследований психологии морального поведения проводится в настоящее время в США и Англии, но результаты этих исследований в отличие от социологических претендуют на общепсихологический характер. Если в социологических исследованиях анализируется состояние конкретной проблемы

в данном месте и в данное время, то в психологических исследованиях изучаются явления, достаточно общие для всех людей.

Уточнение этих предварительных предпосылок эмпирических психологических исследований морального поведения способствует лучшему вхождению в проблемы. Дело, конечно, не в этих технических по своей сути деталях. Первостепенное значение имеют принципиальные теоретические установки, которые лежат в основе исследовательских гипотез и определяют в конечном счете и структуру исследования, и его задачи, и применяемые для их решения методы, а значит, и окончательные результаты. В области исследования морального поведения накопилось большое число теоретических концепций и технических методик. Мы укажем только на те из них, которые имеют довольно широкое распространение в эмпирических исследованиях и служат основой экспериментального приложения главных психологических теорий к анализу морального поведения. Если в других теориях особое внимание обращается на проблемы личности, то три теории претендуют в основном на изучение именно морального поведения. Переходим к их разбору.

В социально-групповой теории¹⁴ моральное поведение рассматривается с точки зрения ее основной установки: человек ведет себя морально потому, что окружающие его люди требуют этого и ожидают, что он будет соблюдать моральные правила. Если же человек не оправдывает этих ожиданий, люди шокированы, возмущены и стремятся наказать его, если не физически, то словесно или с помощью неодобрения и даже морального ostracism. Эта теоретическая установка проистекает из верного житейского наблюдения, что на людях человек часто ведет себя лучше, чем в одиночестве, без свидетелей. Общеизвестным является и то, что моральные поступки и поведение человека определяются не только его характером и уровнем развития самоконтроля, но и социальными связями человека с другими людьми, социальным контролем, который осуществляет окружающая среда.

Из этих общих установок вытекает и методология исследования морального поведения: понять поступки человека можно, только определив его положение в конкретной социальной группе. Основные понятия этой теории — «социальная роль» и «моральная норма».

Отличительная черта техники социально-групповых исследований состоит в том, что объектом изучения является не отдельный человек, а несколько социально тесно взаимосвязанных людей. Исследуются главным образом пути и механизмы давления, оказываемого группой на человека и делающего его поступки конформными по отношению к нормам, принятым в группе, а также средства борьбы с нарушителями групповых норм. Исследователи выясняют, почему люди по-разному относятся к выполнению своих ролей и к нормам в одной и той же группе, и строят структуры социального влияния в зависимости от индивидуальных различий между людьми.

В буржуазной психологической литературе довольно подробно проанализированы пути и средства социального влияния группы на поведение индивида, выделены его основные каналы: социальное подражание (повторение индивидом тех поступков, которые совершают другие, например поведение толпы — «делать как все»), социальная зависимость (одобрение или неодобрение поведения человека другими людьми), информативная зависимость (в трудных моральных ситуациях, когда индивид не знает, как ему поступить, он обращается за советом к другим и поступает так, как ему подсказывают).

Несмотря на довольно широкую популярность социально-групповой теории в современной буржуазной психологии морали и множество проводимых на ее основе эмпирических исследований, она не позволяет решить ряд вопросов. Прежде всего стало ясно, что поведение человека не целиком определяется его непосредственным окружением, что на него оказывает влияние не только та конкретная социальная группа, членом которой он является (профессиональная среда, семья, друзья и т. п.), но и та группа, к которой он хотел бы принадлежать и моральные нормы которой он хотел бы разделять. Для преодоления этой существенной трудности ученым пришлось ввести понятие так называемой референтной группы. Такой группой может быть передовое человечество или лучшие люди общества. Но это уточнение в сущности разрушает теорию социальных групп, поскольку теперь речь идет уже не о конкретной малой группе, которая может непосредственно влиять на индивида, а о широком круге лиц. Кроме того, совершенно непонятно, ка-

кими путями референтная группа может влиять на отдельного человека и почему это влияние распространяется на одних людей и не затрагивает других.

Возможности социально-групповой теории оказались, как видно, довольно ограниченными: единственное, что она может исследовать и объяснить, — это техника внутригруппового воздействия, тогда как она претендует на выявление законов социального и морального поведения в целом. Основной методологический порок социально-групповой теории состоит в подмене закономерностей морального поведения техникой социального и морального манипулирования людьми в узких рамках социально-групповой и профессиональной замкнутости¹⁵. Кроме того, в изображении сторонников социально-групповой теории человек предстает как конформист, лишенный всякой индивидуальности. В ней не учитывается, что при достаточно высоком уровне морального сознания человека его моральное поведение регулируется его самоконтролем, а не только внешним групповым воздействием и давлением. Такой человек продолжает поступать морально и тогда, когда об этом никому не известно, и делает это в силу личного морального убеждения, а не из страха наказания или порицания. Таким образом, напрашивается вывод, не согласующийся с утверждениями сторонников социально-групповой теории: не один только внешний авторитет или групповое давление, но и собственное убеждение человека определяет его моральное поведение.

В 1970 г. в Англии Независимая телевизионная компания (АВС) финансировала исследование, целью которого как раз и было выяснить представления людей об источнике их морального поведения. На вопрос «Откуда, по вашему мнению, люди знают, что правильно и что неправильно в поведении?» были получены следующие ответы: 43% назвали источником совесть, внутреннее «Я» или «бога»; 28% считали это знание результатом воспитания; 16% — здравого смысла; 13% видели его в инстинкте. Представленные здесь мнения, как ни странно, совпадают с вариантами теоретических концепций морального поведения, наиболее влиятельных в современной буржуазной психологии морали.

Ответы, в которых совесть и внутреннее «Я» названы источником знания о правильном и неправильном поведении, созвучны основным установкам психоанализа

в подходе к моральному поведению. Напомним, что психоанализ сосредоточивает внимание на существовании в сознании человека особой психической структуры, контролирующей его моральную деятельность, и называет ее «супер-эго». В психоанализе разработана целая теория сущности, природы, функций и развития «супер-эго», основное содержание которого составляет совесть. Она выполняет две функции: подавляет и нейтрализует те инстинктивные влечения, которые побуждают к разрушению моральных правил общества, и порождает такие идеалы поведения, которые общество считает достойными.

Обе эти функции есть выражение голоса общества (у детей — голоса родителей) внутри личности, способствующее идентификации ее поведения с требованиями общества путем подавления личных желаний и склонностей. Взаимоотношение личности и морали представлено в психоанализе весьма драматично. Человек раздирается внутренними противоречиями: с одной стороны, он испытывает аморальные влечения, с другой — осознает необходимость подчиняться суровым и жестким требованиям общества. Моральное поведение человека изображается как борьба с самим собой, приводящая к внутренним конфликтам и психическим заболеваниям¹⁶.

В основе фрейдистской и неопрейдистской интерпретации морального поведения лежат фактические данные, почерпнутые из области клинической психиатрии, а не из эмпирических исследований. Поэтому мы не будем здесь подробно останавливаться на ее критическом анализе, тем более что теоретические, этические основы этой концепции всесторонне рассмотрены в советской философской, этической и психологической литературе¹⁷. Отметим лишь, что фрейдизм оказал косвенное влияние на развитие современной буржуазной психологии морали, на все ее школы.

Третьей, наиболее распространенной теорией является теория социального научения (обучения). Исходным моментом этой теории служит простой факт: моральному поведению каждый человек научается (поскольку оно не передается по наследству) в процессе тренировки и обучения, в принципе так же, как и в любой другой области деятельности. Некоторые авторы даже метафорически сравнивают процесс научения человека (ребенка) моральному поведению с тренировкой циркового живот-

ного в проделывании различных трюков и при этом характеризуют поведение человека как комплекс условных рефлексов и усвоенных привычек.

Каков же механизм научения моральному поведению? Прежде всего он включает наблюдение за другими людьми. Рядом экспериментов, проводимых многочисленными сторонниками теории научения, было подтверждено, что новым формам поведения люди (особенно в детском возрасте) легко обучаются, если кто-то показывает их. Например, если показать человеку (особенно ребенку), как кого-то наказывают за какое-то действие, то он почти сразу отказывается от этого действия. Американский психолог Мишель провел целую серию экспериментов, в которых дети наблюдали высокоморальное действие, после чего их поведение изменялось в том же направлении. Однако столь же сильное влияние оказывают и примеры негативного морального поведения. Например, таким же путем передаются расовые предрассудки¹⁸. Другими формами научения являются наказание, поощрение и модель поведения. Во всяком случае все формы и механизмы научения ставят одну цель — привить ребенку слепое послушание, заставить его делать то, что требуют родители, воспитатели, общество.

Изложенные теории — социально-групповая, психоанализ и морального научения — при всех их различиях имеют ряд общих черт, что позволяет объединить их в одну группу. Общим для них является понимание сущности и целей морального поведения, которое рассматривается только как средство приспособления человека к требованиям общества, подавления его индивидуальных проявлений общепринятыми стандартами поведения, как форма обуздания его «Я» в интересах безразличного по сути дела к нему и его нуждам социального окружения, привязывания его к социальной группе, социальной среде и обществу в целом, как форма его дрессировки и манипулирования им в интересах общества. Психологов меньше всего интересует сам человек. Не происходит ли при этом деформации его личности, нивелирования индивидуальности, подавления его моральных возможностей? Что теряет и что приобретает человек, пропущенный через сито социально-группового воздействия, морального научения и психоанализа?

Подобные вопросы сторонниками этой теории даже не ставятся, хотя они, казалось бы, должны были в пер-

вую очередь подумать именно о человеке и его индивидуальном своеобразии.

Вместо этого внимание психологов, теоретиков и экспериментаторов направлено на разработку чисто технических приемов: как эффективнее, вернее, надежнее и основательнее сделать из каждой неповторимой человеческой индивидуальности некоего стандартного человека-конформиста, скроенного по образцам и правилам современного буржуазного общества и пригнанного по всем швам к моделям и трафаретам требуемого поведения. При этом молчаливо предполагается, что сами модели, стандарты, образцы и трафареты не подлежат изменениям (и нуждаются лишь в улучшении), дело только в том, чтобы как можно шире тиражировать эти модели. Конвейер морального воспитания должен работать все быстрее, не допуская ни простоя, ни брака. Всякий сбой и выпуск «нестандартной продукции» грозит многими бедами капиталистическому обществу, так как люди, не желающие соответствовать этим стандартам, могут вступить в непримиримую борьбу с ним.

Но это уже «личностный» аспект поведения, который мы рассмотрим позже. Моральное поведение, несомненно, неотделимо от личности как действующего субъекта поведения, но может и должно быть рассмотрено как самостоятельный предмет анализа. В современной буржуазной психологии «отделение», а точнее, отрыв поведения от личности является не просто рабочим приемом, а установочным принципом. Согласно этому принципу, поведение рассматривается как таковое, само по себе, без авторства, без действующего лица, которое только названо, но не учитывается и не изучается. Этот принцип органически вытекает из бихевиористской трактовки поведения как реакции на воздействие внешней среды, на влияние со стороны окружающих. Именно в этом состоит то главное, что объединяет три рассмотренные теории морального поведения. Если они и не входят в бихевиоризм, то, безусловно, тесно примыкают к нему, особенно если учесть, что бихевиоризм возник и развился в буржуазной психологии как ориентация на изучение именно поведения, а не сознания, мотивации личности и т. п.

Подобная установка заведомо лишает поведение его индивидуальных характеристик, личностного многообразия и сводит его к двустороннему отношению «воздействие — реакция». Она характерна для самой крайней

формы бихевиоризма — этологической интерпретации поведения, почти отождествляющей поведение человека (в том числе и моральное) с поведением животных, насекомых. На этих представлениях в их современном варианте имеет смысл остановиться, поскольку в них в наиболее резком и обнаженном виде отражены главные недостатки бихевиоризма; их критика может послужить ключом к пониманию всей современной бихевиористской теории психологии морали.

В новейшем варианте этология нашла опору и поддержку в некоторых теориях генетического программирования, механизмах приспособления к среде. Сторонники этой теории пытаются представить моральное поведение с точки зрения теории информации, приема и трансляции информации как установление определенного рода гомеостазиса внутри индивида. Этологи выступили против старого определения человека как «морального животного», доказывая, что животные обладают не менее, а даже более эффективными механизмами регулирования поведения отдельных особей в сообществе, воспитания потомства, подавления агрессии; что героическое самопожертвование ради ближних присуще не только человеку, но и другим биологическим видам. Мораль как свидетельство превосходства человека над животными исключается из его характеристики, и человек трактуется лишь как саморегулирующаяся система.

Кибернетическое моделирование личности и ее поведения, реально поставленное в повестку дня развитием современной науки, способствовало активизации психологических исследований поведения и их практической применимости. Техническая утилизация имеющихся, хотя и далеко не достаточных и даже не всегда проверенных, знаний о законах морального поведения человека, накопленных на сегодняшний день психологией морального поведения, сопровождает лабораторные исследования. Положение в этой области сложилось таким образом, что технические возможности моделирования психики опередили теоретические и экспериментальные достижения психологии. Кибернетика и технология подошли вплотную к фундаментальным этическим и психологическим проблемам, которые еще не решены в этой науке и ставят перед психологией такие вопросы, на которые она еще не может ответить. Кибернетика, биология и генетика требуют от психологических теорий совершенно

инного уровня научной точности и экспериментальной подтвержденности.

На основе достижений науки и техники уже в настоящее время создаются роботы с автономным мозгом — материальной основой искусственного интеллекта. Но как обучать, как программировать этих незаменимых искусственных помощников людей, если пока еще не известны программы идеального человеческого поведения, пригодные для самых различных, и в том числе неизвестных, условий? Как «воспитать» идеального кибернетического помощника, если еще не известно, как воспитать идеального человека?

Какие же варианты обучения моральному поведению на уровне кибернетики и робототехники может предложить бихевиоризм? Американские ученые М. Клайнс и Н. Клайни разработали один из вариантов, предложив создать киборгов — сочетание кибернетической машины с органами человека — путем соединения мозга погибших людей с механической оболочкой таким образом, что жизнь мозга продолжается в искусственных механических условиях. В этой модели проявилось чисто бихевиористское равнодушие к психологическому состоянию человеческого мозга, помещенного в чуждые ему, а может быть, и невыносимые для него условия «механического тела». Одобрение этой идеи, которая уже сегодня может быть осуществлена на практике, натолкнулось на ряд этических ограничений.

Другой вариант — эволюционное моделирование, т. е. сокращенное в миллионы раз повторение процесса эволюции, приведшей к появлению человека. Но и в этом случае не решается главная проблема, состоящая в создании высшего типа личности, да и какой должна быть эта личность как высшее проявление нравственного прогресса? Наконец, третий вариант, являющийся предпочтительным по техническим и моральным соображениям. Его исходные предпосылки заключаются в следующем: хотя программа идеального человеческого поведения и не известна, но с помощью экспериментальной психологии и техники тестирования можно определить, кто более талантлив, умен, изобретателен, кто сможет выжить и победить в самых трудных и опасных, экстремальных условиях, найдет выход из самых сложных, безвыходных ситуаций. На основании этих знаний и следует создать робота — кибернетического двойника именно такого че-

ловека. Он будет иметь основные психологические, интеллектуальные и моральные качества своего живого прототипа, но бесконечно бóльшие, чем у него, физические силы и возможности.

Осуществление подобного варианта — дело не столь уже отдаленного будущего. А пока кибернетика продолжает настойчиво ставить перед психологией такие вопросы: почему разные люди в одних и тех же условиях ведут себя по-разному? Почему один человек жертвует собой ради спасения других, а другой из-за малодушия и трусости предаёт своих товарищей? Почему один любит людей, а другой их ненавидит, один — честный, а другой — подлец?

Психологи отвечают на эти вопросы в самой общей форме: потому что в людях, говоря языком кибернетики, заложена разная социальная программа, т. е. их воспитывали по-разному, заложили разные поведенческие коды. Эти социальные программы — воспитание в семье и обществе, или «система социального программирования», — приносят разные результаты, поскольку накладываются на бесконечное разнообразие конкретных жизненных условий, в которых живут люди, и на анатомо-физиологические особенности организма каждого отдельного человека — темперамент, тип нервной системы, интеллектуальные способности. В процессе воспитания должны учитываться эти особенности людей, дифференцироваться по мере возможности общие социальные программы в зависимости от индивидуальных качеств людей. Но главная цель воспитания заключается в том, чтобы человек усвоил программы поведения, созданные обществом, в котором он живет, научился жить в обществе, занял в нем определенное место, т. е. нужно вложить в память каждого человека определенные правила поведения и образцы поступков людей в сложных и особенно в критических ситуациях. Накопленные сведения и методы решения различных моральных проблем составляют главную характеристику его поведения.

Перечисление основных данных о человеческом поведении, которыми располагает бихевиористская психология и которые она предлагает в качестве ответов на запросы кибернетики, еще раз убеждает в том, насколько упрощенной, плоской и одномерной является эта теория морального поведения. Дело даже не в том, что она отвечает некоторым кибернетическим потребностям

и сциентистским иллюзиям, а в том, что она глубоко механистична по своей сущности. Бихевиористы понимают человека в духе старых вульгарных механистов как машину («человек-машина»), хотя «машина» теперь стала умной, кибернетической.

История взаимоотношений современной буржуазной психологии и кибернетики позволяет более четко представить истинные специфические характеристики морального поведения человека. Если критика этологического отождествления поведения человека и животных способствует уяснению отличий человека от животного, то полемика против вульгарно-кибернетических представлений позволяет глубже осознать разницу между человеком и машиной. Бихевиористская интерпретация морального поведения человека исключает такие возможности: она одинаково легко позволяет отождествить поведение человека как с животным, так и с машиной. В отличие от этологии и кибернетики, располагающих многими верными наблюдениями и практическими достижениями, бихевиоризм таковых не имеет.

Бихевиоризм, однако, косвенно позволил избавиться от очень серьезного опасения. Успехи кибернетического моделирования человеческого поведения, покоящиеся на теоретической концепции бихевиоризма, вызвали у некоторых теоретиков страх перед бурным развитием этой науки, вернее, перед техническими возможностями моделирования, а значит, и манипулирования сферой морали, поведением. Стало казаться, что вполне реальна опасность замещения живой человеческой личности искусственной, практически бессмертной и послушной машиной, которая могла бы стать новым и очень опасным оружием в борьбе против человека в руках буржуазии. Фантастическая ситуация, изображенная в рассказе Р. Бредбери «Третья экспедиция», отнюдь не лишена основания. Но разница между роботом, или киборгом, внешне очень точно имитирующим человеческие поступки, и подлинно нравственной личностью столь же глубока, как и между бихевиоризмом и подлинно научной теорией поведения, между куклой и талантливым актером, между марионеткой и управляющим ею человеком.

В целом бихевиоризм обнаружил такие глубокие недостатки, как отрыв поведения от личности, противопоставление мотивации поведения его внешнему выраже-

нию и принципиальный отказ от изучения первой, рассмотрение поступка как механической реакции на воздействие извне, исключение из картины морального поведения его основополагающих характеристик — свободы и сознательно поставленных целей, неадекватный ответ на кардинальный вопрос о сущности и содержании понятия «моральное поведение» (толкуемого как слепое послушание). Все это породило многостороннюю критику бихевиоризма с самых различных точек зрения, в том числе и со стороны представителей буржуазной психологии морали. Не случайно поэтому, что бихевиоризм, хотя и удерживает еще свои позиции, оказывается потесненным на второй план другими интерпретациями морального поведения, авторы которых стремятся избежать его ошибок и предложить свои решения стоящих вопросов. К этим концепциям мы теперь и перейдем.

В качестве концептуальной основы этих теорий принимаются достаточно распространенные в буржуазном сознании идеи абстрактно-гуманистической этики. Они, как правило, довольно расплывчаты и аморфны, но имеют нечто общее, что их объединяет. Люди живут в обществе, являются его членами, имеют некоторые общие интересы и потребности: жить мирно, уважать права других людей, стараться служить им и не причинять вреда, чтобы и они не причиняли вреда тебе, т. е. вести себя как члены некой совместной общины, человеческого сообщества. Поэтому должны существовать некоторые общие принципы человеческого поведения, например готовность пойти на личные самоограничения и жертвы, испытывать чувство вины за аморальные поступки, вырабатывать в себе моральное понимание интересов других людей и сострадание к ним, умение различать правильные и неправильные поступки, добро и зло и т. п. Представители этих теорий исходят из того, что моральное поведение — это не слепое послушание, а одна из форм сознательного и активного творчества совместной жизни людей.

Однако эти теории не являются антиподом бихевиоризма, фундаментальные основы которого остались непоколебленными, хотя и представлены в смягченной, подправленной форме. Эти теории следовало бы назвать переходными от бихевиоризма к идущей ему на смену парадигме типа интеракционизма, но еще не сложившейся и неясной. Интерес представляют поэтому пути, по

которым идет изменение установок бихевиоризма, держащего приоритет в буржуазной психологии почти все двадцатое столетие.

Не преувеличивая кардинальной новизны этих теорий, их следует рассматривать как нечто достаточно отличное от традиционного бихевиоризма, как отказ от некоторых его принципов. Чтобы подчеркнуть это отличие, назовем эти теории «коммунитарными» или «коммунитарными теориями морального поведения».

Представители этих теорий, проводившие на их основе многочисленные эмпирические исследования, впервые в истории психологической науки попытались решить три проблемы: классифицировать и упорядочить виды морального поведения, его стили; выделить внутренне-психологический общий критерий морального поведения (и нарушения его); раскрыть содержание понятия «моральное поведение», выделить различные его грани.

Как мы уже отмечали, проблема дефиниции понятия «моральное поведение» относится к числу проблем, решение которых наталкивается на ряд значительных трудностей в каждой из наук, занимающихся его изучением, — в этике, психологии, педагогике, социологии, социальной психологии, кибернетике, социобиологии и др. Сам факт существования огромного количества его определений свидетельствует о сложности проблемы. Поиски определения не прекращаются, и каждая наука пытается выработать свой способ решения проблемы морального поведения и его дефиниции. Ответ на вопрос «Что такое моральное поведение?» предлагает и современная буржуазная психология, доказывая необходимость классификации основных видов морального поведения. Одним из ее вариантов является классификация Ч. Морриса, которая используется в настоящее время с некоторыми изменениями и уточнениями¹⁹.

Ч. Моррис начинает рассуждение с того, что человеческое моральное поведение являет собой бесконечное разнообразие образцов и моделей, поэтому первым и необходимым шагом на пути его изучения должна быть его классификация. Только снизив таким путем уровень многообразия, можно приступить к решению вопроса о специфике морального поведения и содержания этого понятия.

Для выделения основных структур морального поведения Моррис проанализировал главные морально-эти-

ческие и этико-религиозные системы мира и постулировал семь основных линий поведения. Однако, когда он начал составлять тест для измерения готовности людей выбирать ту или иную линию поведения и следовать ей, он был вынужден добавить некоторые смешанные, промежуточные типы и получил 13 стилей жизни. В эмпирическом исследовании Моррис дал описание каждого из них и выяснил степень предпочтения того или иного стиля различными людьми в зависимости от пола, возраста, образования и даже физической организации тела. Мы не будем описывать все стили (они уже приводились в советской литературе), остановимся только в качестве иллюстрации типа этой классификации на двух различных структурах морального поведения.

Стиль 3. Этот стиль жизненного поведения предполагает благожелательное отношение к людям. Главным в жизни должны быть любовь и привязанность к другим, причем любовь, не сопровождаемая желанием поставить себя над другими людьми или использовать их в своих целях. Должны избегаться жажда обладания, стремление к власти над другими людьми, не следует подчеркивать сексуальную сторону жизни, превозносить интеллект, чрезмерную заботу о себе. Это мешает благожелательной любви между людьми, которая одна только придает смысл жизни. Когда человек агрессивен, он блокирует свои внутренние личностные силы, от которых зависит развитие подлинной личности. Каждый должен не выпячивать себя, сопротивляться своему самоутверждению и стараться быть отзывчивым.

Стиль 10. Ключевым понятием жизненного поведения должен быть самоконтроль. И не самоконтроль, состоящий в уходе от мира, а контроль над собой как человеком, который живет в мире, знает окружающий мир и свои возможности, верит в конечную силу добра, но не создает социальных утопий. Слишком многого нельзя ожидать от поведения людей. Каждый может контролировать свои импульсы, понимать свое место в мире, управлять своими действиями с помощью разума, утверждать свою суверенную независимость. И на этом пути человек может сохранить свое человеческое достоинство и самоуважение и умереть достойно.

Рассматривая стили поведения как измерительный инструмент и шкалу оценок, Моррис предпринял ряд эмпирических исследований поведения. Анализ моделей

предпочтения привел его к выделению пяти основных ценностей поведения:

— ответственное, сознательное и разумное участие в человеческих делах, стремление к сохранению того, что было достигнуто в моральном, культурном и социальном отношении, а не к изменению существующего;

— решительные действия, направленные на изменение и преодоление недостатков, а не на сохранение существующего;

— богатая внутренняя жизнь, повышение самосознания, понимания и глубокой симпатии ко всему живому, отказ от контроля над людьми и вещами;

— отзывчивая и благожелательная ответственность за других, служение им, сочувствие их нуждам;

— чувственные радости всех видов.

Исследования стилей жизни по этим параметрам проводились во многих странах (в качестве опрошенных были студенты) — в США, Индии, Китае, Японии, Норвегии и др. Сравнительные данные подтвердили наличие тех же пяти основных ценностей поведения, хотя различными были и типы культуры, и стили жизни. Сопоставив данные с полом, возрастом, темпераментом и физическим типом личности, Моррис доказал наличие несомненной связи между личностью индивида, его доминирующими ценностями и стилем поведения.

Как видим, очевидным недостатком данной классификации является не только расплывчатость и аморфность выделяемых классификационных рядов, но, самое главное, нечеткость в формулировках целей поведения, замечаемых чисто описательным перечнем отдельных внешних видов поведения. Абстрактность и неопределенность скрывают социальные и классовые различия стилей поведения, полностью снимают вопрос о наличии в буржуазном обществе различных и даже антагонистически противоположных систем морали. Классификацию Ч. Морриса характеризуют, таким образом, абстрактный гуманизм и вербальное морализирование.

Вторая заслуживающая нашего внимания классификация морального поведения предложена известным английским психологом Д. Райтом²⁰. Он взял иную основу для своей классификации и предложил для нее не описание различных видов поведения, а выделение конкретных принципов морального поведения, лежащих в основе тех или иных поступков. Конечно, и моральных принципов

существует великое множество, если выделять их чисто описательным методом. Если же, наоборот, подойти к анализу морали с классовых позиций, то количество этих принципов можно было бы свести к нескольким, каждый из которых представлял бы собой исторически конкретный тип морали. Но научная методология чужда буржуазной психологии морали. Желая уйти и от безбрежной описательности, и от социально-классового анализа морали, Райт вынужден был искать некоторый набор моральных принципов с целью конструирования абстрактно-гуманистической морали, которая, как указывал еще Ф. Энгельс, рассчитана на все времена и для всех народов, но не применима нигде и никогда.

В качестве такого набора основных принципов морального поведения Д. Райт предлагает следующие: способность сопротивляться искушениям, альтруизм, моральные убеждения (представления о добре и зле, правильном и неправильном), вина, моральное понимание (моральные понятия и рассуждения). Довольно трудно понять, какова основа данной классификации, почему в качестве главных принципов морального поведения взяты именно эти пять, а не какие-либо другие, почему они предлагаются в такой последовательности, как изложены выше, какова связь между ними в данной системе? Автор не дает исчерпывающих ответов на эти вопросы. Поэтому можно предположить, что именно эти грани морального поведения кажутся ему основными.

Насколько обоснованной и полной является данная классификация? Почему в ней вообще не затрагивается такая важнейшая сфера морального поведения, как отношение к труду и профессиональной деятельности, к обществу и т. д.? Об этом, видимо, должны судить читатели. Но дело не только в характере классификации. Подводя итог рассмотрению классификации морального поведения в современной буржуазной психологии морали, можно сделать вывод, что эта проблема пока еще не решена и удовлетворительной классификации не существует, хотя поиск ее, очевидно, будет продолжаться. Ценность классификации состоит в том, насколько она способствует исследованию самого предмета (в данном случае — морального поведения), насколько позволяет раскрыть содержание изучаемого явления. Обратимся теперь к рассмотрению содержания морального поведения и его критерия.

Отметим с самого начала, что решение вопроса о критерии морального поведения, т. е. о том, какое поведение является моральным, а какое — аморальным и какова основная черта, характеризующая моральное поведение, имеет важнейшее значение для выяснения всей совокупности проблем психологии морали. Причем в отличие от этики психология должна дать свое решение этого вопроса: найти внутренний мотивационный критерий, выделить ту общую установку, которая в любых ситуациях, а особенно тогда, когда происходит конфликтное столкновение ценностных ориентаций и моральный выбор предельно заострен, гарантирует моральный характер поведения.

Большинство психологов морали интеракционистского, коммунитарного направления, которое мы рассматриваем, пришли к единому мнению: чтобы определить поведение как моральное или аморальное, следует произвести его контрольное измерение (на уровне эмпирических исследований и экспериментальных тестов) на сопротивление искушениям. Подобный критерий заимствован психологами морали из психиатрии и медицины. Как известно, точным показателем здорового организма является сопротивляемость болезням, иммунитет; критерием психического здоровья — способность выдерживать значительные психические нагрузки и благополучно переносить их без нарушения стабильности нервной системы. По аналогии критерием морального поведения, с точки зрения психологов морали, выступает способность человека стойко переносить всевозможные ситуации искушения, сохраняя верность моральным принципам и правилам.

Данный критерий морального поведения нашел практическое применение во множестве экспериментальных исследований. Что касается его теоретического обоснования, то оно в основном сводится к следующему: «независимо от целей морали — будь то установление гармоничных социальных отношений, достижение личной моральной зрелости или рая — от человека всегда требуется, чтобы он мог отказаться от совершения каких-то поступков, которые ему хотелось бы сделать, причем отказаться даже и тогда, когда нет никого, кто бы мог остановить его»²¹. Здесь подчеркивается абстрактно-всеобщий характер критерия, отражающий суть морали независимо от конкретно-социальных ее систем, такую ее специфическую особенность, как различие между должным и сущим. Все это необходимо для критерия.

Райт отмечает также, что люди сильно различаются по своей способности сопротивляться искушениям, причем эти различия варьируются по шкале, на одном конце которой находятся те, кто скрупулезно придерживается правил и постоянно борется с грехами в себе и других людях, на другом — те, кто легко относится к жизни, легкомысленно нарушает правила морали и считает каждое искушение неизбежным и непреодолимым. Как известно, в христианской религии такие понятия, как искушение, «соблазн», грех и моральное падение, находятся в центре учения о морали. В нем детализировано учение о грехах и пороках, о неискоренимой испорченности и моральной слабости человека и сделан вывод о недостижимости человеком и человечеством морального совершенства. Моральное поведение и способность противостоять искушениям составляют в нем атрибуты святости. Религиозное учение о морали, несомненно, не могло не оказать влияние на буржуазную психологию морали. Не в последнюю очередь благодаря этому ситуации искушения превратились в тест испытания моральной силы и устойчивости морального поведения.

С позиций этого критерия моральное поведение исследовалось следующим образом: во-первых, искусственно создавались ситуации, в которых субъект подвергался искушению нарушить некоторые моральные нормы, причем с минимальным, как полагал сам субъект, риском обнаружения. Когда наблюдения проводятся над маленькими детьми, то речь обычно идет об их непослушании взрослым, например о нарушении запрета брать определенные игрушки и т. п. В случае со взрослыми людьми ситуации искушения обычно связаны с ложью, кражей мелких предметов и денежных сумм, обманом на экзаменах. Во-вторых, субъекты опрашивались о совершенных ими нарушениях моральных правил в условиях, когда исключены причины для неискренности или лжи²².

В обоих случаях сравнивались самоотчеты субъектов с записями экспериментаторов об их поведении в ситуациях искушения. В эксперименте все субъекты проходят через одинаковые ситуации искушения, но не все выдерживают испытания. Каковы причины этого? Можно ли сделать вывод, что если человек не смог противиться искушению в одной ситуации, то это произойдет и во всех других случаях, т. е. что неспособность устоять перед искушениями — характеристика его поведения в

целом? И наоборот, если человек выдержал ситуацию искушения — проверку на честность, то значит ли это, что он будет вести себя честно всегда и что честность является постоянной чертой его морального поведения и характера?

Разные исследования дали неодинаковые ответы на эти вопросы. Одним из самых известных было исследование Хартсона и Мэя, включавшее более 10 тыс. детей; оно проводилось в 1928 г. и затем было повторено Кольбергом в 1963 г. Вывод, который сделали Хартсон и Мэй на основании более двадцати замеров воровства, лжи и азартных игр, был весьма скептическим: нельзя говорить о честности как общей, постоянной характеристике поведения; дети ведут себя честно в одних ситуациях и нечестно в других. Они честны не потому, что вообще честны, а потому, что их научили быть честными. Но другие исследования не подтвердили этот вывод. Кольберг, Айзенк, Маллер и Бартон показали, что у людей (детей) существует установка поведения «быть честным» и она не зависит от условий и ситуаций.

Сегодня в психологии морального поведения общепризнан вывод: есть все основания говорить об общей склонности «быть честным», определяющей поступки человека. Этот вывод, по нашему мнению, очень важен в моральном плане, ибо он подтверждает способность человека в своем поведении противостоять искушениям, осуществлять контроль над своими поступками, проявлять моральную стойкость. Человека можно учить и научить моральному поведению, и многое зависит от морального воспитания, а точнее, от целого ряда факторов. От чего же зависит способность противостоять искушениям? В эмпирических исследованиях выявлялись зависимости искушений от интеллекта, пола, возраста, типа личности.

Одна из зависимостей, найденная Хартсоном и Мэем и подтвердившаяся в других исследованиях, состоит в том, что более интеллектуально развитые субъекты были более честными. Исследователи объясняли это тем, что более умные люди лучше понимают риск разоблачения и что интеллектуально развитые люди могут достичь успеха легальными и социально одобряемыми средствами, поэтому у них меньше искушения обманывать и красть. Они отметили также связь между интеллектуальной активностью и развитием самоконтроля,

т. е. зафиксировали важность когнитивного фактора для моральной стойкости, а значит, и для морального поведения в целом. Большинство исследований подтвердили преимущество женщин перед мужчинами в способности противостоять искушениям. Объяснялось это их большей зависимостью от семьи, авторитета родителей и церкви. Что касается зависимости от возраста, то не было найдено существенных различий в возрасте от 6 до 17 лет, что послужило основой для вывода, что общей тенденции становиться честнее с возрастом (у детей) не существует. Исследования подтвердили, что моральная стойкость больше присуща взрослым, а не маленьким детям. С возрастом поведение людей становится более стабильным, но не более добродетельным.

Целый ряд зависимостей выявлен также между характерологическим типом личности человека и его способностью сопротивляться искушениям: люди со стабильной нервной системой, высокой самооценкой и самоуважением менее склонны поддаваться искушениям и нарушать моральные нормы.

Таковы некоторые результаты, полученные экспериментаторами в процессе исследований моральной устойчивости поведения, критерием которой была взята способность сопротивляться искушениям. Поскольку в нашу задачу не входит анализ техники и методики экспериментальной психологии, мы опускаем то, что связано с технической стороной этих исследований, и будем анализировать лишь некоторые выводы, которые имеют прикладное значение. В данном случае нас интересуют рекомендации педагогически-воспитательного характера, которыми психологи обычно заканчивают свои исследования. Такие важные качества морального поведения, как способность сопротивляться искушениям, проявлять моральную стойкость, буржуазные психологи предлагают воспитывать материнской любовью, подробным объяснением детям родителями ситуаций искушения и особенно характера и причин применяемых в этих случаях санкций, ознакомлением детей с моделями правильного поведения и с вариантами наказаний за нарушения моральных норм. Они подчеркивают, что развитие интеллекта играет важную роль в воспитании этих качеств поведения не в том смысле, «что, чем больше интеллекта, тем больше добродетели», а в том, что интеллект дает более обоснованное и стойкое моральное поведение²³.

Такого рода рекомендации могли быть сделаны и без отдельных интересных данных, полученных в ходе экспериментов. Во всяком случае какой-либо четкой концепции воспитания моральной стойкости и способности противостоять искушениям в буржуазной психологии морали не существует. Самое большее, что достигнуто, — это постановка проблемы и разработка ее отдельных деталей. Перейдем теперь к анализу разработки следующих аспектов морального поведения.

В буржуазной психологии долгое время дискутируется вопрос об идеальном моральном поведении и о моральных принципах, которые его характеризуют. Вместо ответа на этот вопрос буржуазные исследователи пытаются выявить сущность морального поведения путем анализа аморального (преступного) поведения, т. е. как бы методом доказательства от противного. Анализ аморального поведения тесно связан с тестом на искушения, о чем уже шла речь: поддавшись искушениям, не устояв перед соблазнами, человек совершает поступки, которые идут вразрез с моральными нормами и правилами, а часто и с законом.

Происходит моральное падение человека, превращение его в аморальную личность с отклоняющимся поведением и затем в преступника.

Прежде всего необходимо остановиться на квалификации и классификации видов аморального поведения: какие виды поведения следует считать отклоняющимися от норм (девиантными), какие — аморальными, какие — преступными. Сторонники психологии морального поведения ограничиваются в основном первыми двумя видами, в которых речь идет о нарушениях норм морали, а не о нарушении законов (последним занимается особая отрасль психологии — психология преступности). Хотя границы нарушения норм морали и норм права часто бывает трудно четко установить, главное внимание исследователи психологии морали сосредоточивают на анализе поведения, связанного с нарушением норм морали, а не права. При этом аморальное поведение может служить как бы негативным критерием состояния морального поведения. Что касается классификации видов неморального поведения, то в целях уточняющей дифференциации буржуазные психологи проводят деление аморального поведения на антисоциальное и антиаскетическое.

Антисоциальное поведение — это совокупность таких поступков, которые нарушают нормы морали, принятые в обществе, т. е. действия, направленные против других людей, которые ощущают вредные последствия этих действий, а действующее лицо стремится получить от них выгоду. Воровство, насилие, ложь ради личных целей подпадают под это определение. Антиаскетическое поведение — это действия, которые связаны с нарушением норм морали, направленных на охрану физического и психического здоровья и благополучия самого человека, и вредные последствия которых сказываются прежде всего на самом нарушающем их субъекте. Сюда относятся аморальное сексуальное поведение, курение, пьянство, наркомания. Эти виды поведения тесно взаимосвязаны и могут переходить один в другой, но их можно рассматривать отдельно в целях более точной и правильной оценки поведения.

В современной буржуазной, особенно американской, психологии проводится значительное число исследований всех видов аморального поведения (как среди подростков, так и среди взрослых). Результаты одного из наиболее серьезных исследований подростковой преступности были обобщены в книге американских психологов С. и Е. Глюк «Делинквенты и неделинквенты в перспективе»²⁴. По данным этих авторов, необычно большой процент опрошенных (по методу самоотчетов) рассказали о поведении, которое было бы строго наказано, если бы было обнаружено. Например, около половины мальчиков-учащихся показали, что были членами банд, нарушали закон и совершали действия, которые квалифицируются как преступные. Более половины студентов университета совершали кражи из университетской библиотеки и т. п.

При исследовании антиаскетического поведения большое внимание буржуазные психологи уделяли анализу различных форм аморального сексуального поведения, в том числе добрачным и внебрачным связям. В крупномасштабном исследовании М. Шофельда было отмечено широкое распространение добрачных сексуальных связей среди молодежи и выяснены причины этого явления; при этом учитывались возраст, пол, социальное происхождение и обстановка в родительской семье. Свыше 80% из опрошенных не состоящих в браке мужчин и подростков рассказали о своих сексуальных связях. Исследования

показали, что семейная обстановка имеет большее влияние на поведение девушек, чем юношей. Среди лиц с аморальным поведением мужчин всех возрастов в 5 раз больше, чем женщин²⁵. Прямых связей между прочностью родительской семьи и сексуальным аморализмом детей или между последним и принадлежностью к определенному классу установлено не было. Зато была обнаружена связь между сексуальной опытностью подростков и отсутствием контроля за их поведением со стороны родителей, а также между легкомысленным отношением к моральным нормам и гедонистическим препровождением свободного времени²⁶.

Стоит упомянуть также об очень обширной группе эмпирических психологических исследований, посвященных классификации видов делинквентного (правонарушающего) поведения и попытке выделить делинквентные типы личности (в основу этой типологии положены данные различных наук — криминологии, психиатрии, психологии, социологии). В отличие от принятой в юриспруденции классификации по типам преступлений в психологии берется за основу критерий характера самого преступника. Так, делинквенты прежде всего разделяются на одиночек и членов банд (в США почти 90% делинквентов от 6 до 14 лет действуют вместе со сверстниками при полной их поддержке, в Англии только 24% делинквентов действуют в группах; в то же время отмечено, что одиночки происходят из верхних социальных слоев общества). Деление проводится также по психическому состоянию человека. По данным одного исследования, 91% делинквентов чувствовали себя очень несчастными, одинокими и покинутыми.

Следующее деление — по типу личности: невротический делинквент — чувствительный, одинокий, тревожный. Для его поведения характерны, как правило, одиночные кражи, садизм, сексуальные отклонения. В другое время он апатичен, мечтателен и чувствует вину за свое поведение, дома и в школе обычно послушен. Анти-социальный, агрессивный делинквент презирует авторитеты, груб и дерзок по отношению к другим людям, редко испытывает чувства вины и раскаяния, сверстники его боятся и уважают, он становится лидером. Его протест против социального и культурного гнета выливается в антисоциальное поведение. Псевдосоциальный делинквент — лояльный член банды, любящий поступать

как все и хорошо приспособляющийся к другим членам своей возрастной группы. Для многих таких подростков банда заменяет семью, и мнение сверстников значит для них больше, чем мнение родителей или других взрослых. Следующий тип — психопат. Он не столько антисоциален, сколько асоциален. Его характерная черта — почти полное отсутствие симпатии и добрых чувств по отношению к другим людям. Он эгоцентрист, сосредоточен на себе и живет сегодняшним днем, не думая о будущем, не способен к продолжительному труду и постоянной работе, легко признает на словах моральные нормы, но глубоко аморален по существу. Это самый трудный из всех типов носителей аморального поведения²⁷.

Оценивая в целом исследования морального поведения, проводившиеся буржуазными психологами, необходимо отметить, что большинство из них подтверждают обоснованность тревоги по поводу увеличивающегося числа аморальных поступков и роста преступности среди молодежи капиталистических стран. Не приходится сомневаться, что большинство исследователей искренне хотят разобраться в причинах этих явлений, найти средства борьбы с ними. Однако их усилия приносят минимальные результаты.

Дело в том, что применяемая ими методология психологических исследований закрывает путь к глубокому анализу и выявлению подлинных причин аморальности буржуазного общества. Самое большее, что могут буржуазные психологи, — это констатировать, что аморальное поведение и делинквентность являются результатом и показателем серьезных деформаций морального облика личности, например доказательством отсутствия сопротивления к искушениям, ущербной совести, неразвитости чувства вины и ответственности, ложного выбора жизненного пути, психических расстройств и т. п.

Исследователи не ставят главные вопросы: почему происходит такая деформация личности, каковы причины увеличения аморального поведения и роста делинквентности? Если эти вопросы и возникают, то ответы на них имеют сугубо частный характер: ссылаются либо на недостатки семейного окружения, либо даже на психофизическую предрасположенность носителей аморального поведения к аморализму, т. е. на конкретные психологические причины. До отыскания социальных при-

чин и корней аморальных поступков исследователи не доходят.

Вопрос о социальных корнях аморального поведения и преступности, о том, что основной причиной этих явлений выступает само буржуазное общество, породившее целый набор видов аморального и преступного поведения, вообще не ставится. Поэтому, как мы видели, кроме психической терапии, да и то в весьма скудных размерах, буржуазные психологи ничего не могут порекомендовать для излечения этих опасных социальных болезней. Основной принцип современной буржуазной психологии морали, как это особенно явно обнаружилось при исследовании аморального поведения, состоит в подмене социальных процессов психологическими. Такой прием искажает сущность явлений. Отсутствие их подлинно научного объяснения не позволяет выработать действенные меры борьбы с ними.

Марксистско-ленинская методология требует диалектического подхода к исследованию общественных явлений, всестороннего их рассмотрения, выявления их сущности, подлинных причин. Она требует также анализа социальных явлений с позиций классовых интересов. Только в этом случае могут быть вскрыты их истинные источники и тенденции развития. Это относится к любой науке, будь то психология, социология или этика. Только на основе диалектико-материалистической методологии возможен системный анализ такого сложного социально-психологического явления, как моральное поведение.

Буржуазные психологи оказываются бессильными понять соотношение причин, которые действуют в сфере морального поведения: социальных, моральных, психологических. Они либо метафизически взаимозаменяют их, либо исследуют в отрыве друг от друга. Именно поэтому сущность морального поведения современные буржуазные психологи понять не смогли: они не сформулировали цели морального поведения, не выделили его виды, критерии, не вскрыли причины отклонения от него, не указали средств его воспитания и путей борьбы против аморального поведения. Они не дали и ответа на вопрос, ими самими поставленный: в чем состоит отличие морального поведения от аморального? Дело не в том, что первое характеризуется устойчивостью, а второе — шаткостью, и не в том, что для первого требуется

умение человека противостоять искушениям, а носитель второго поддается всем соблазнам, что первое связано с любовью к родителям, уважением к старшим, дружелюбием и симпатией, а второе — с ненавистью, презрением и неуважением к людям. Главное различие заключается в целях морального поведения. Если цель сводится к личному благополучию, то и способность избегать соблазнов, и рассчитанный альтруизм, и почитание авторитетов, и желание быть хорошим и всеми любимым теряют моральный смысл и становятся свидетельством конформизма и соглашательства: не важно, *как* поступать, важно поступать *как все*. Но если целью поведения являются служение людям, борьба за их счастье и справедливость против гнета, эксплуатации и неравенства, то эти характерные черты морального поведения приобретают высокий нравственный смысл.

При идеалистической узкопсихологической трактовке морального поведения современными буржуазными психологами оно сводится лишь к чертам характера отдельного человека — субъекта поведения. Но поведение человека зависит не только от него самого и даже не от воздействия непосредственного социального окружения. Его определяет в первую очередь характер общественных отношений. Так, поведение, когда индивид позволяет себе все, что заблагорассудится, или потребительское поведение, в основе которого лежит жадность к материальным благам, есть не только результат личной слабости индивида, но и итог массированного воздействия на него со стороны буржуазного общества, породившего культ потребления, вседозволенности, насилия, секса, гедонизма и сознательно развращающего человека всеми средствами массовой культуры и массовой информации. Буржуазные психологи, конечно, не могут не видеть этого. Но в своих теоретических построениях они не поднимаются до социальных обобщений.

Еще более сложной проблемой, чем моральное поведение, является проблема личности. К рассмотрению способов ее решения современной буржуазной эмпирической психологией морали мы и перейдем.

3. Антиномии буржуазной психологической теории личности

Проблема личности является одной из важнейших в психологии в целом и в психологии морали в частности. Психологию морали интересуют, естественно, моральные проблемы личности. Специфика психологии морали в подходе к личности проявляется в исследовании следующих вопросов: как происходит моральное становление личности? как личность становится моральной? каковы основные этапы становления моральной личности и его закономерности? как связано формирование морали с другими аспектами личности (возрастом, полом, интеллектуальным развитием, влиянием среды, уровнем образования и культуры и т. п.) и каковы основные деформации личности в моральном отношении?

Эти вопросы лишь косвенно затрагиваются другими науками, изучающими личность, — общей психологией, философией, этикой, педагогикой, социологией и др. Они составляют непосредственный предмет изучения именно психологии морали. Как уже отмечалось, трактовка проблемы личности во многом зависит от тех философских концепций, от тех теоретических позиций, исходя из которых осуществляется изучение личности. Так, в бихевиоризме личность предстает как безликая, стандартизированная, униформная, лишенная всякой индивидуальности, массовидная. В психоанализе личность характеризуется внутренне противоречивой, саморазорванной, напряженной конфликтностью. В теории социального научения она представлена как вариант все той же локковской «*tabula rasa*», на которой среда и воспитание запечатлевают свои «письмена», а человек остается пассивным адресатом моральных норм.

Мы не будем подробно останавливаться на этих концепциях личности, поскольку они, с одной стороны, достаточно подробно проанализированы в советской философской и психологической литературе, а с другой — обнаружили сегодня многие свои слабости и популярность их значительно меньше, чем 15—20 лет назад. Мы сосредоточим внимание на двух школах буржуазной психологии морали, которые признаны сегодня лидирующими и которые в силу их сравнительной новизны не привлекли еще достаточного внимания марксистских критиков²⁸. Самой популярной концепцией личности в современной

буржуазной психологии морали последних 10—15 лет является концепция так называемой развивающей психологии, которая изучает проблему развития и представлена, например, школой когнитивного морального развития личности и школой стадий морального развития личности.

Когнитивная теория морального развития получила свое название в связи с тем, что ее представители считали познавательный аспект определяющим в моральном развитии личности. Термин «когнитивный» понимается при этом довольно широко — как процесс понимания, рассуждения, мышления, восприятия, воспоминания, решения личностью моральных проблем. Познавательный аспект жизни личности трактуется широко, как необходимый элемент ее поведения и мировоззрения, поскольку он связан с пониманием морального значения окружающего мира, социальной среды и поступков окружающих людей. По мере накопления социального и морального опыта меняются знание человека о мире, восприятие поступков, поведения своих и других людей, глубина усвоения моральных идей, понятий и представлений. В связи с этим меняются и поведение самого человека, его моральное сознание, структура его личности в целом. Таким образом, в основу теории личности представители этого направления кладут ее когнитивную характеристику, а в основу морального развития личности — ее когнитивное развитие (тем более что оно заметно меняется с возрастом).

Крупнейшим представителем когнитивной теории морального развития личности является уже упоминавшийся Л. Кольберг. Разрабатываемая им и его школой концепция развития личности продолжает некоторые положения психологической теории Ж. Пиаже. И хотя когнитивная теория Кольберга имеет все признаки самостоятельности и своеобразия, для лучшего понимания ее имеет смысл кратко остановиться на основных положениях теории Пиаже.

В книге Ж. Пиаже «Моральное суждение ребенка»²⁹ содержатся пилотажные эмпирические исследования морального мышления детей (в исследовании участвовали швейцарские дети в возрасте от 4 до 12 лет) и теоретическое обобщение полученных данных. Цель исследования состояла в выяснении понимания детьми моральных правил — их природы и происхождения. Методика, приме-

ленная Пиаже, состояла в том, что он играл с детьми в распространенную детскую игру в шарики, имевшую сложные правила. Выбор игры как метода исследования позволял устранить влияние взрослых и изучить непосредственно мышление детей. Кроме того, можно было наблюдать, как связано понимание детьми правил с умением применять их на практике. Модель понимания правил игры представлялась Пиаже моделью понимания и усвоения моральных правил.

Играя с детьми, психолог старался постоянно нарушать правила и просил детей объяснять ему эти правила. В ходе игры он задавал детям вопросы: откуда берутся правила? кто их создал? можем ли мы изменить их? и т. п. Главная идея состояла в том, чтобы побудить детей задуматься над проблемой, которая раньше не приходила им в голову, — над природой правил и заставить их решать ее самостоятельно (при этом психолог отдавал себе отчет в том, что существуют немалые трудности в интерпретации ответов маленьких детей на «взрослые» вопросы).

В результате проведенных исследований были получены следующие данные: дети в возрасте от пяти до семи лет рассматривали правила как полученные от какого-то высшего авторитета — старших детей, взрослых и даже бога. Поэтому они считали правила священными и неизменными, существующими всегда (в то же время, играя, дети постоянно нарушали эти правила). Дети постарше (около десяти и более лет) уже понимали, что правила установлены самими детьми и что каждый должен усвоить их, хотя может и изменять их. В то же время они признавали всеобщий характер правил, считали необходимым, чтобы все придерживались их, и смысл их видели в том, чтобы была возможной игра и чтобы исключались несправедливости. На основании собранных данных и наблюдений Пиаже делал вывод: «Правила представляются сначала чем-то внешним для индивида и поэтому святы для него, затем он постепенно овладевает ими и начинает чувствовать, что они — результат совместного свободного соглашения, соблюдение которого основано на совести».

Пиаже описывает также исследования, основанные на другом методе: он знакомит детей с вымышленными ситуациями в виде коротких историй и просит их сказать, что было плохого в описанных действиях, и объяснить,

почему это плохо. Цель состояла в том, чтобы выяснить критерии, применяемые детьми в моральных суждениях. Ситуации обычно касались детей, которые либо говорили неправду, либо крали что-либо. Пиаже выяснил, что дети (и маленькие, и постарше) в основном обращали внимание на вполне реальные обстоятельства и последствия действий: лгать взрослым хуже, чем сверстникам. Маленькие объясняли это тем, что взрослые за это наказывают. Более старшие — тем, что нельзя жить вместе, если люди будут лгать. Пиаже с помощью того же метода выяснял и отношение детей к наказаниям и понимание ими справедливости. В конце книги он излагает свою теоретическую концепцию, называя ее теорией когнитивного развития. Каковы ее основные положения?

Во-первых, Пиаже связывает моральное развитие личности с развитием интеллекта, мышления и понятий ребенка, изменяющихся с возрастом. Во-вторых, выделяет две основные возрастные (и когнитивные) стадии в процессе морального развития личности. Моральное мышление совсем маленьких детей, т. е. их рассуждения о моральных проблемах и понимание ими этих проблем, Пиаже называет «моральным реализмом», для которого характерны очевидность, авторитарность и т. п. Моральное развитие более старших детей он называет «моралью кооперации» (как более развитую и высокую форму морали, основанную на понимании интересов других людей). Это рациональное понимание того, что мораль содержит руководящие принципы для достижения общих для всех людей высоких целей. Процесс становления морали личности Пиаже тесно связывает с развитием интеллекта ребенка, которое включает два важных этапа: превращение эгоцентрического мышления в операционное (начиная с 7 лет) и постепенное изменение процесса социализации ребенка, приобщение к общественной жизни.

Теория Пиаже с момента возникновения подвергалась критике во многих аспектах. В частности, отмечалось, что в ней не проведено четкого различия между теоретическим моральным мышлением и практическими решениями и поступками и недостаточно ясно представлено соотношение теории и практики, сознания и поведения, мышления и деятельности в сфере морали. Однако многие идеи и выводы Пиаже подтвердились позднейшими исследованиями и составили основу ряда психологических и педагогических теорий. Подтвердилось, напри-

мер, существование основных выделенных им стадий морального развития индивида (исследования проводились в разных странах — в США, Англии, Китае, Израиле, Ливане и др. *). Несмотря на то что Пиаже не уточнил, как он понимает интеллектуальное развитие, многие исследования подтвердили, что независимо от возраста более зрелые моральные суждения ребенка определяют его интеллектуальным развитием.

Важное значение для современной буржуазной психологии, несомненно, имела идея Пиаже о существовании стадий морального развития личности. После Пиаже многие психологи и педагоги пошли именно по пути выделения, уточнения, изменения и дальнейшего развития теории стадий. Эти идеи стали лидирующими в современной буржуазной психологии морали. Причин здесь несколько, прежде всего школа Пиаже по своим теоретическим установкам и основным методам в корне отлична от бихевиоризма, почти противоположна ему. Дело в том, что в буржуазной философии и психологии всегда сосуществовали две различные тенденции: тенденция подчеркивания индивидуализма и культа индивидуальности, воплотившаяся, например, в персонализме, и тенденция унификации, стандартизации личности — в бихевиоризме. Они всегда сосуществуют в буржуазном сознании и идеологии, но время от времени в силу как идеологических, так и теоретических причин преобладает то одна, то другая. После прошедших со времени работ Пиаже нескольких десятилетий, в течение которых господствовал бихевиоризм, снова настал черед его теории, началась ее дальнейшая разработка и развитие.

Вторая причина лидирующего положения теории Пиаже лежит глубже. Она связана с характером этой теории, а точнее, с тем, что она как бы синтезирует посылки и достижения двух важнейших теорий уже не узкопсихологического, а широкого, философского и этического свойства — персонализма и метаэтики. От персонализма она восприняла установки на изучение личности, ее развития, ее модификаций. От метаэтики заимствован интерес к когнитивным проблемам морали, к подчеркиванию роли познания, к вопросам об отношении личности к решению моральных проблем и к выбору моральных поступков.

* В то же время исследования некоторых буржуазных психологов не подтвердили выводы Пиаже.

Такая двойная ориентация — личностно-персоналистская и когнитивно-метаэтическая — придала теоретическое своеобразие этой теории и одновременно породила присущие ей недостатки.

Рассмотрим эмпирическую конкретику исследования проблемы моральной личности в буржуазной психологии морали в теории когнитивного развития Кольберга. Как пишет он сам, целью его исследования было получить «картину того, что такое моральное развитие личности и как оно достигается» и «противопоставить свою теорию (которую он называет теорией морализации. — Л. К.) тем теориям, которые рассматривают моральное развитие личности как результат социализации, или социального научения» (теории бихевиоризма и ее версии — теории социального научения. — Л. К.). Морализацией Кольберг называет процесс морального рассуждения, т. е. аргументацию, обоснование позиций, оценок и поступков — все то, что в свое время называлось резонансом; иными словами, морализация — это система доводов и рациональных доказательств в защиту той или иной точки зрения (то, что некоторые авторы называют «этическими рационализациями»), которые присущи каждому мыслящему существу, сознательно относящемуся к своим и чужим поступкам. Морализацией, таким образом, Кольберг называет моральную рефлексию, сопровождающую выбор, поступок, оценку поступков со стороны опрашиваемых, участвующих в исследовании.

Основная идея Кольберга состоит в изучении процесса изменения морализации в зависимости от стадий морального развития личности. Вслед за Пиаже он считает, что индивид в своем развитии проходит моральные стадии от нижней (1) до высшей (6). Ребенок в возрасте 7 лет вступает в стадию конкретного логического мышления, когда он уже может различать, классифицировать вещи и явления, устанавливать связи между ними. В подростковом возрасте многие (но не все) переходят на стадию формальных операций, на которой они могут рассуждать абстрактно. Многие подростки и взрослые лишь частично приобретают навыки стадии формальных операций.

Моральное рассуждение, пишет Л. Кольберг, несомненно является логическим рассуждением, поэтому его уровень зависит от достигнутого уровня логического рассуждения³⁰. У индивида логическая и моральная ста-

дии развиваются параллельно. Логическое развитие — необходимое условие морального развития, но недостаточное. Кольберг утверждает, что у многих людей развитие логической стадии может быть выше, чем моральной. В то же время никто не может находиться на высокой моральной стадии, если его логическая стадия недостаточно развита.

После стадии логического развития начинаются стадии социального развития (называемые иначе стадиями социальной перспективы или ролевыми стадиями)³¹. Ролевые стадии соответствуют уровню, на котором индивид понимает интересы других людей, интерпретирует их мысли и чувства и осознает свою роль, место в обществе. Эти стадии тесно связаны с моральными, но являются более общими, так как не зависят непосредственно от личной воспитанности и от выбора правильного или неправильного поведения. Судить о честности и воспитанности индивида на определенном уровне труднее, чем, скажем, о его представлениях об окружающем мире. Поэтому, как и в случае с логическими стадиями, развитие какой-либо стадии социального понимания протекает легче, чем развитие параллельной стадии морального понимания. Подобно тому как может происходить вертикальный переход от первой стадии морального развития ко второй, а от нее к третьей, может осуществляться и горизонтальное движение от логического к социальному пониманию и от него к моральному суждению.

Таким образом, человек прежде всего приобретает логическое развитие, скажем, на стадии отдельных формальных операций, которые позволяют ему видеть систему в мире, мир как систему. Затем он достигает уровня социального понимания, или ролевой стадии, где он понимает других людей, место каждого в системе мира. Наконец, он достигает следующей стадии — морального суждения, где благополучие и порядок всей социальной системы (или общества), т. е. общие интересы, являются исходным пунктом и основой для суждения о «честном» или «правильном». «Мы нашли в ходе нашей программы морального развития и воспитания, — отмечает Кольберг, — что люди, которые движутся по восходящей линии морального развития, уже имели развитую логическую способность, а часто и способность к социальному пониманию, необходимые для более высокой моральной стадии, к которой они движутся». Финальной ступенью в

этом горизонтальном переходе является моральное поведение. Оно выступает логическим следствием всех предшествующих стадий развития и вместе с тем неотделимо от них.

Это означает, что действие на морально высшем уровне, т. е. высоконравственное поведение, требует высшей стадии морального рассуждения, ибо человек не может следовать моральным принципам (стадии 5 и 6), если не понимает их и не верит в них. Конечно, весьма часто бывает так, что люди, рассуждая в терминах таких принципов и понимая их, не следуют им в реальной жизни. Самые различные факторы определяют, будет ли данный человек вести себя соответственно своей стадии морального понимания и суждения в конкретных ситуациях, однако несомненно, что моральная стадия является основой и предпосылкой для реальных действий в различных естественных и экспериментальных ситуациях. В целом Кольберг отстаивает убеждение, что моральная стадия развития личности связана с уровнем ее когнитивного развития и с моральным поведением, а моральное развитие — с уровнем морального мышления, морального понимания, морального суждения.

После этих предварительных замечаний перейдем к анализу содержания и системы стадий морального развития, предложенной Кольбергом. Шесть стадий сгруппированы им в три главных уровня: доконвенциональный (стадии 1 и 2), конвенциональный (стадии 3 и 4), постконвенциональный (стадии 5 и 6). Кольберг считает, что на первом уровне, как правило, находятся большинство детей в возрасте до 9 лет, некоторые подростки и взрослые с преступной ориентацией. На втором уровне — большинство подростков и молодежи. На третьем — некоторые наиболее развитые в моральном отношении молодые люди (но обычно в возрасте не ранее двадцати лет) и морально настроенные взрослые.

Термин «конвенциональный» означает, что человек разделяет, признает, усваивает моральные правила, требования и конвенции общества или авторитета, потому что они являются общепринятыми. Конечно, и на постконвенциональном уровне люди признают и поддерживают многие общепринятые правила, но уже на основе общих моральных принципов, которым подчиняются эти правила. Но эти моральные принципы иногда вступают в конфликт с принятыми в обществе правилами поведения.

Таким образом, моральное развитие личности, по Кольбергу, можно понять как различные типы связи между моралью и поведением, точнее, между моралью, принятой в обществе, и личным поведением или, еще точнее, между «Я» и правилами, требованиями общества, т. е. как процесс формирования моральных принципов и убеждений личности. С этой точки зрения три уровня морального развития есть уровни формирования индивидуального морального сознания.

На первом уровне находятся люди, для которых правила и требования общества есть нечто внешнее. Люди, достигшие второго уровня, идентифицируют себя с этими правилами или интернализуют их. Люди, развитие которых позволило им выйти на третий уровень, отделяют свое «Я» от этих правил и требований, предъявляемых другими, и определяют свои моральные ценности на основе самостоятельного, личного выбора моральных принципов.

Таблица, составленная Кольбергом, показывает, как каждая моральная стадия вычленяется и определяется с трех точек зрения: что, по мнению человека, является правильным, каковы основания, приводимые им в подтверждение этого, каковы социальные перспективы поведения человека, находящегося на той или иной стадии и рассуждающего тем или иным образом (т. е. определяется центральное понятие каждого вида морального рассуждения).

Социальные перспективы каждой стадии морального развития личности играют важную роль в теории стадий Кольберга. Он пытается выйти за рамки оценки индивидуального поведения, представить его возможные общественные последствия, дать ему социальную оценку. Такая конструкция якобы позволяет соединить моральное с социальным, как бы установить связь между моральным суждением и той ролью, которую играет индивид в обществе. Концепцию социоморальной перспективы Кольберг вводит для того, чтобы попытаться соотнести моральную оценку позиции индивида с социальной. Однако ему не удалось до конца преодолеть замкнутость теории морального развития индивидуальными рамками. В ней речь идет лишь об индивидуальной типологии личности, которая не дополняется анализом социальных типов личности, в основном определяющих иерархию моральных типов.

Стадии морального развития (по Л. Кольбергу)

Содержание стадий			Социальная перспектива
Уровни и стадии	Что является правильным	Основание для того, чтобы делать то, что правильно	
<p>Уровень I: доконвенциональный.</p> <p>Стадия 1 — гетерономная мораль</p>	<p>Избегать нарушения правил из-за боязни наказания, послушание ради него самого, избегание нанесения физического ущерба людям и собственноручности</p>	<p>Избегать наказания и признавать высшую силу авторитетов</p>	<p>Эгоцентрическая точка зрения: не считаться с интересами других или считать, что другие отличаются от тебя. Свои действия рассматривать скорее с чисто внешней стороны, а не с точки зрения интересов других</p>
<p>Стадия 2 — индивидуализм.</p> <p>Инструментальная цель и принцип взаимного обмена</p>	<p>Следовать правилам только тогда, когда это кому-нибудь нужно, поступать ради достижения собственных интересов и потребностей и ждать от других того же.</p> <p>Правильно то, что основано на взаимном обмене, взаимном согласии</p>	<p>Удовлетворять собственные интересы и потребности в условиях, когда ты должен признавать, что другие люди тоже имеют свои интересы и потребности</p>	<p>Индивидуалистическая перспектива. Убеждение, что каждый должен преследовать собственный интерес и что интересы людей вступают в конфликт, так что правильное — относительно (в индивидуалистическом смысле)</p>
<p>Уровень II: конвенциональный.</p> <p>Стадия 3 — взаимные межличностные требо-</p>	<p>Делать то, что требуют и ожидают от тебя люди или что вообще требуется и ожидается от людей в твоей роли — сына, брата, друга</p>	<p>Потребность быть хорошим человеком в своих собственных глазах и глазах других людей. Заботиться о других, ве-</p>	<p>Перспектива индивида в связи с другими индивидами. Признание, что конвенции и ожидания имеют перевес над индивидуальными интересами.</p>

вания (ожидания), свя-
зл. Межличностная кон-
формность

и т. п. «Быть хорошим» —
важно и означает иметь хо-
рошие мотивы, проявлять за-
боту о других. Это означает:
говорить правду, быть лояль-
ным, уважать других и быть
благодарным

Стадия 4 — социальная
система и совесть

Выполнять актуальные обя-
занности. Законы должны вы-
полняться, за исключением
крайних случаев, когда они
вступают в конфликт с дру-
гими зафиксированными со-
циальными обязанностями. Сле-
довательно, правильно то, что
способствует интересам обще-
ства, группы или института

рить в золотое правило.
Желать следовать пра-
вилам и авторитетам,
которые поддерживают
стереотипное хорошее
поведение

Поддерживать институ-
ты как целое, избегать
нарушений правил по
принципу «если каждый
так сделает», или импе-
ратив совести: выпол-
нять свои обязанности.
(Легко спутать со ста-
дией 3 — вера в прави-
ла и институты)

Уровень III: постконвен-
циональный, или прин-
ципиальный.

Стадия 5 — социальный
контракт или польза и
индивидуальные права

Понимание, что люди придер-
живаются различных ценно-
стей и мнений, что большинст-
во ценностей и правил отно-
сится к данной группе. Эти
правила тем не менее должны
поддерживаться в интересах
объективности и потому, что
они являются социальным
контрактом.

Чувство долга перед за-
коном, так как каждый
должен выполнять со-
циальный контракт и
законы ради блага всех
и для защиты человече-
ских прав.

Чувство контрактных
обязательств перед семь-
ей, другом, истиной, осо-

Соотнесение конкретной ситуа-
ции с золотым правилом мо-
рали (ставить себя на место
других). Общие перспективы
системы не рассматриваются

Дифференцирование общесо-
циальной точки зрения от
межперсонального согласия и
его мотивов. Принятие точки
зрения системы, которая опре-
деляет роли и правила.
Рассмотрение отнесенный ме-
жду индивидами с точки зре-
ния их места в системе

Перспектива приоритета обще-
ства. Перспектива рациональ-
ной индивидуальной защиты
ценностей, принадлежащих об-
ществу и социальному окру-
жению. Интегративные перо-
спективы, которые обеспечивают
яются формальными механизма-
ми соглашения, контракта,
объективной беспристрастности

Содержание стадий		
Уровни и стадии	Что является правильным	Основание для того, чтобы делать то, что правильно
	<p>Некоторые безусловные ценности, такие, как жизнь и свобода, должны соблюдаться в каждом обществе безотносительно к мнению большинства</p>	<p>знание обязанности трудиться. Согласие с тем, что законы и обязанности базируются на рациональном исчислении «общей пользы наибольшего числа людей»</p>
Стадия 6 — универсальные этические принципы	<p>Следование самостоятельно избранным этическим принципам. Отдельные законы и социальные соглашения общоценны потому, что они основаны на таких принципах. Если законы нарушают эти принципы, нужно действовать в соответствии с принципами, которые суть универсальные принципы справедливости: уважение достоинства прав и человеческого существа как индивидуальной личности</p>	<p>Перспектива моральной точки зрения, из которой вытекают социальные соглашения. Перспектива, что всякий рационально мыслящий индивид признает природу морали или тот факт, что люди являются целями сами по себе и должны рассматриваться как таковые</p>
		<p>Социальная перспектива</p>

Такого рода выход за рамки индивидуального поведения в социальную типологию и далее за пределы психологических и моральных мотивов, морального рассуждения, обоснования мотивации в сферу реальных поступков и поведения личности считается в психологии морали принадлежностью уже другой области исследования — социальной психологии, а точнее, социологии. Спецификой психологического морального исследования является сфера индивидуальной морали. Психолога морали интересует, как изменяется индивидуальная мораль одного и того же человека на протяжении его жизни, главным образом в тот период, когда идет процесс формирования и развития его личности, его индивидуальности, личных моральных представлений, понятий и убеждений. В центр внимания исследователя попадает при этом одна группа проблем: под влиянием каких факторов происходит изменение моральных представлений, убеждений и принципов личности, от чего зависят существующие между людьми одного и того же возраста, социального положения и рода занятий различия в моральных точках зрения, убеждениях и ценностных ориентациях, в понимании морали, в моральных оценках и принципах.

Сторонники теории когнитивного морального развития, отвечая на эти вопросы, утверждают, что в основе динамики личных моральных представлений лежит изменение (развитие, обогащение, углубление) когнитивных и социальных представлений, точно так же как причиной различий в моральных взглядах людей, схожих по многим другим параметрам, является неодинаковый уровень их когнитивного развития, а также их социальных и моральных знаний. Эта идея не нова, она принадлежит просветителям, которые были убеждены в том, что, приобщая людей к знаниям и просвещению, можно добиться исправления их нравов. Доказательству этой идеи и посвящены многочисленные экспериментальные, эмпирические исследования психологов морали — представителей школы когнитивного развития.

Основным методом эмпирических психологических исследований морали во многих школах буржуазной психологии, в том числе и в школе когнитивного развития, является метод проблемных ситуаций. Респондентам предлагается дать свое решение остроконфликтных, трудноразрешимых ситуаций, при формулировке которых искусственно моделируется столкновение различных мо-

ральных ценностей, или конфликт между моралью и правом, моралью и политикой и т. п. Как правило, эти ситуации вымышленные. Они подобны задачам со многими неизвестными и построены таким образом, чтобы заставить респондента приложить при их решении все моральные знания и выразить моральные убеждения. В качестве примера можно привести ситуацию, использованную впервые американскими психологами Хейнцем и Мэем и повторенную затем Кольбергом и другими исследователями: муж больной раком женщины крадет из аптеки лекарство, которое может спасти его жену от смерти, но купить которое он не в состоянии из-за его непомерной цены. Предлагается ответить, какая оценка этого поступка будет правильной с моральной точки зрения.

Для иллюстрации своей теории стадий морального развития Кольберг предлагал респондентам и другие вопросы, задавал им один и тот же вопрос в разные периоды их жизни. Так, одному из них было предложено ответить на вопрос: почему нельзя воровать в магазине? Джо в возрасте семнадцати лет ответил: «Воровать нельзя потому, что это вопрос закона. Это одно из наших правил. Это нечто, что необходимо в обществе, иначе люди стали бы воровать, они не стали бы работать, и все наше общество пошло бы насмарку». В данном случае, комментирует Кольберг, Джо рассуждает как член общества, его заботят интересы общества в целом, что выходит за рамки точки зрения Джо как конкретного, индивидуального существа. Эта конвенциональная перспектива «члена общества» отличается от доконвенциональной конкретной индивидуальной перспективы, с позиций которой выступал тот же Джо, когда он был опрошен в десятилетнем возрасте. Отвечая на тот же самый вопрос, он сказал: «Нехорошо воровать в магазине. Это против закона. Кто-нибудь может увидеть и вызвать полицию». Здесь, поясняет Кольберг, закон ассоциируется с полицией, со страхом перед наказанием.

Следующей — постконвенциональной — стадией, по Кольбергу, будет осознание приоритета общества над точкой зрения индивида, когда индивид лично заинтересован в поддержании тех стандартов поведения, на которых должно базироваться благо общества в целом. Вот ответ Джо в возрасте 24 лет: «Красть не должен никто, ибо это попирает права других, в том числе право собственности». Ясно, что Джо уже полностью «включился»

в систему буржуазной морали, одной из незыблемых ценностей которой является уважение «священного» права собственности. В рамках этой морали Джо достиг высшего уровня развития, т. е. стал полностью конформным по отношению к буржуазной морали, усвоил, интернализовал ее.

Конечно, ни Кольберг, ни другие буржуазные теоретики психологии морали не анализируют процесс дальнейшего развития морального сознания, когда, например, тот же Джо, став рабочим капиталистического предприятия, на собственном опыте поймет, что буржуазная собственность, нажитая за счет эксплуатации чужого труда, сама по себе является замаскированной формой воровства и что подлинно нравственным является не способствовать ее защите и умножению, а встать в ряды борцов за уничтожение ее как основы буржуазного строя, а также эксплуатации и несправедливости. Вопрос о сопротивлении человека обстоятельствам, о перерастании его морального сознания в социальное и политическое даже не ставится в рамках буржуазной психологии морали. В буржуазной социологии он искусственно помещен в разряд «девиантного» поведения и низведен до уровня «отклоняющегося от нормы».

Обратимся вновь к содержанию теории стадий морального развития. Кольберг задавал респондентам вопрос: «Что означает «моральное» или «морально правильное», как вы считаете?» «Признание прав других индивидов, прежде всего их права на жизнь, и следование тому, что морально правильно, пока это не противоречит чьим-либо другим правам». Таков был ответ. Здесь требования закона и общества выводятся из универсальных моральных прав, тогда как источником моральных норм являются законы общественной жизни. На вопрос, например, «Почему всегда нужно выполнять обещание?» Джо в 17 лет ответил: «Дружба основана на доверии. Если вы не будете верным человеком, не будете выполнять свои обещания, с вами никто не захочет иметь дело».

На конвенциональном уровне своего морального развития Джо понимал, по утверждению Кольберга, что, как член общества, он должен сам быть обязательным, выполнять обещание, и ожидает того же от других. На постконвенциональном уровне индивид, по Кольбергу, начинает понимать, что всякая социальная общность, или общество, предполагает верность, и поэтому каждый,

если он включен в общество, должен быть верным своему слову. В 24 года Джо ответил так: «Я думаю, что человеческие отношения в целом строятся на доверии, на вере в другого человека. Если вы никому не доверяете, вы останетесь в одиночестве. Все, что вы постоянно делаете, связано с кем-то еще, и, если вы не будете действовать на честной основе, вы попадете в хаос».

Разъясняя свое понимание высшего уровня развития морального сознания, Кольберг подчеркивал, что на постконвенциональном уровне индивид считает, что он должен ориентироваться не просто на социальную роль, но на «моральную точку зрения». Если моральная и социальная точки зрения вступают в конфликт, предпочтение отдается моральной. На просьбу оценить поступок мужа, укравшего лекарство для жены, Джо в 24 года дал такие ответы: «Долг мужа заботиться о своей жене. Тот факт, что ее жизнь в опасности, превышает всякий другой стандарт ценностей. Жизнь является более важной, чем собственность»; «С моральной точки зрения каждый индивид имеет право на жизнь, и, если есть способ спасти его, он должен быть спасен»; «Это плохо с легальной точки зрения, но хорошо с моральной. Справедливость гласит: «Рассматривай каждого человека как цель, а не как средство»». Эти ответы, по оценке Кольберга, свидетельствуют о том, что моральная точка зрения основана на принципе «Рассматривать каждого человека как цель, а не как средство», который является более общим, чем социальная точка зрения, и из которого могут быть получены все другие принципы³².

Но вернемся к тому пониманию морали, которое лежит в основе данного эмпирического психологического исследования. «Чтобы четко определить мораль, — писал Л. Кольберг, — мы вернемся к моральным категориям, анализируемым моральной философией. Эти категории делятся на «моральные» (права, обязанности, ответственность и т. п.) и «сущностные» (благо, свобода, равенство, правила, социальный порядок). У каждой морально-философской теории есть свои главные моральные категории. Существуют четыре возможные группы главных категорий, называемых моральными ориентациями. Они присущи всем моральным стадиям и определяют четыре вида возможных вариантов принятия решений, каждый из которых фокусируется в одном из четырех универсальных элементов в любой социальной ситуации»³³.

Основные ориентации и элементы сводятся к следующим: 1) нормативный порядок: ориентация на правила и роли, предписываемые социальным или моральным порядком. При выборе и принятии решений центральным элементом являются правила; 2) утилитарные последствия: ориентация на хорошие или плохие последствия действий для блага других или своего; 3) справедливость или честность: ориентация на взаимосвязь свободы, равенства, на взаимодействие и контракт между людьми; 4) идеал — «Я»: ориентация на образ самого себя как на хорошего человека, или человека с совестью, и на свои мотивы и добродетели.

Представители философии морали в истории этики имели разные ориентации, пишет далее Кольберг. Действительно, Кант, Дюркгейм, Пиаже считали главным в морали понятие закона и уважение к закону; Милль, Дьюи — благо других людей; Бредли, Ройс, Болдуин идентифицировали понятие морали с идеализированным моральным «Я». Что касается Кольберга, то он и Роулс считают главным понятием морали справедливость. «Справедливость, — пишет Кольберг, — является главным понятием для решения конфликтов интересов. Справедливость — это нормативная логика социальных действий и отношений. Кто-то может действовать морально и ставить под вопрос все правила, кто-то может действовать морально и ставить под вопрос наибольшее добро, но никто не может действовать морально и ставить под вопрос потребность в справедливости»³⁴.

По каким основным рубрикам шла классификация полученного исследовательского материала? Кольберг выделил следующие наиболее важные с его точки зрения моральные ценности, которые к тому же, как он утверждал, свойственны морали в любом обществе, в любом типе культуры: законы и правила; совесть; значение аффектов в жизни личности; авторитет; гражданские права; взаимные права, справедливость, истина; наказание и справедливость; ценность жизни; право и ценность собственности; секс и сексуальная любовь.

При этом, как подчеркивает Кольберг, измерение морального развития личности имеет как философский, этический, так и психологический аспект, т. е. предполагает, что на более высокой моральной стадии появляется философски более зрелый способ рассуждения о моральных проблемах, чем на более низкой стадии. Здесь — речь

о способе мышления, а не о градации моральной силы индивида. Предполагается, что каждая более высокая стадия рассуждения позволяет более правильно решать моральные проблемы с точки зрения морально-философского критерия. При этом не всегда существует прямая зависимость от возраста. Ибо не все взрослые являются морально зрелыми.

Кольберг специально останавливался на важном для защиты своей теории вопросе: «В каком смысле стадии морального развития являются «истинными»?» Утверждая, что стадии являются истинными, он имел в виду ряд моментов. Во-первых, стадии жестко определены эмпирическим критерием понятия стадий. Многие возможные стадии могут быть концептуализированы, но только определенный набор их предстает «в качестве длительной инвариантной последовательности». По мнению Кольберга, каждый, кто расспрашивает детей о моральных дилеммах и следует за ними в течение длительного времени, должен прийти к выделенным им шести стадиям, и ни к каким другим³⁵.

Во-вторых, по Кольбергу, концептуальная структура стадий не связана с какой-то одной психологической теорией. Она является скорее предметом адекватного логического анализа. Кольберг уверен, что правильность стадий как описаний морального развития личности есть вопрос точности эмпирического наблюдения и анализа логических связей в представлениях детей и взрослых, а не социальной науки. Хотя сами по себе стадии не являются теорией, но при описании морального развития личности они могут быть использованы для создания теории морали и социально-психологической теории. Они подтверждают теорию когнитивного развития и противостоят теории социализации. Использование какой-либо концепции стадий и составляет характерную черту теории когнитивного развития.

Другими ее особенностями являются следующие:

- 1) моральное развитие имеет базисный когнитивно-структурный компонент, или компонент моральных суждений;
- 2) главной мотивацией в пользу морали является мораль согласия и одобрения, компетенции, самоуважения, самореализации, а не мотивы удовлетворения биологических потребностей или освобождения от страха и тревоги;
- 3) главные аспекты морального развития универсальны, свойственны всем культурам, так как все культуры имеют

некоторые общие виды социального взаимодействия, социальных конфликтов, конфликтов ролевых функций, которые требуют морального рассуждения и решения; 4) основные моральные принципы, лежащие в основе понимания сути этих проблем с моральной точки зрения,— это структуры, возникающие из опыта социального взаимодействия, из законов жизни людей в обществе, а не из простого усвоения правил, существующих в качестве внешних структур. Поэтому моральные стадии — это стадии не усвоения (интернализации) правил, а понимания сущностных законов социального и морального поведения человека в окружающей социальной среде, стадии понимания глубинных структур взаимодействия «Я» с другими.

Эти пояснения к теории стадий морального развития личности, даваемые ее представителями, имеют целью показать, что эта теория качественно отличается от других теорий психологии морали, и прежде всего от теории социализации (социального научения) и теории ролей. Качественная особенность теории когнитивного развития состоит в том, что усилия ее сторонников сосредоточены на стремлении сохранить содержательный подход к морали, учитывать ее специфику, не растворять мораль в чисто внешнем рисунке поведения, в простой реакции на одобрение и неодобрение, т. е. в конечном счете не упустить мораль как предмет исследования. Это, несомненно, составляет положительную черту теории стадий морального развития личности.

Популярность этой школы и ее ведущее положение в современной буржуазной психологии морали объясняются, конечно, не только этим. Пожалуй, более важным является другое, а именно практическая применимость этой теории в практике морального воспитания и педагогике. Известно, какое широкое распространение в Соединенных Штатах Америки и других буржуазных странах приобрели различного рода тесты и психологические проверки. Тестирование широко проводится в школах для определения уровня способностей детей (так называемый тест Ай-Кью — IQ), при определении профессиональной пригодности, при назначении на руководящие должности, при прохождении воинской службы и т. п. Теория стадий морального развития представляет собой работающую на практике методику когнитивно-психологического тестирования морального развития личности, дающую воз-

возможность в какой-то степени теоретически определить и эмпирически нащупать связи и закономерности в моральной сфере личности. В практике воспитательной работы эта теория, по мысли ее создателей, дает в руки воспитателей и педагогов как бы развернутую характеристику моральных качеств личности, знание которых полезно при выборе дифференцированных методов воспитательного воздействия.

Однако анализ этой теории позволяет выделить ее главный недостаток, который заключается в отсутствии реальной связи между стадиями и уровнями морального развития личности, с одной стороны, и ее реальными поступками и поведением — с другой. Как мы видели, индивид в теории когнитивного развития выступает как думающий над моральными проблемами, рассуждающий по их поводу человек, рефлексирующий и медитирующий, но не как реально действующий, совершающий те или иные поступки, принимающий решения, осуществляющий жизненно важный выбор человек, т. е. не как деятельный субъект, определяющий собственное моральное поведение. Агент, действующее лицо в теории Кольберга,— это, по его выражению, «моральный философ». Конечно, философ не в профессиональном, а в житейском смысле, человек, охотно рассуждающий о моральных проблемах.

При этом в теории когнитивного развития личности мораль присутствует только в сфере сознания (причем сознания индивидуального, а не общественного), а не в сфере личной и общественной деятельности, не в сфере практики, поведения. Указывая на недостаточную связь стадий морального развития с поступками и действиями людей, представители других школ буржуазной психологии морали считают это лишь слабой стороной, да и то вполне устранимой именно этой данной теорией психологии морали.

Но так ли это? Дело в том, что теория когнитивного развития личности по сути воспроизводит коренной порок буржуазной идеалистической теории и методологии анализа моральных проблем, а именно непреодолимый, принципиальный разрыв между моральным сознанием человека и его поведением. Явный разрыв между когнитивным и моральным развитием человека и его реальными поступками, присущий теории стадий морального развития, отражает реально существующий в буржуазном обществе разрыв между теорией морали и действитель-

ной моральной практикой, отчуждение морали от поведения. Мораль оказывается не более чем абстрактными рассуждениями и благими пожеланиями, оторванными от жизни, а практическое поведение не только сплошь и рядом оказывается нарушением морали, но и в принципе заставляет усомниться в возможности ее реального осуществления, что в конечном счете приводит к отказу от морали. Именно идею устранения морали из жизни личности настойчиво пытаются доказать представители ряда школ современной буржуазной психологии морали, исследующие проблемы поведения методами конкретно-психологического анализа. К рассмотрению этих школ мы и обратимся.

Как отмечалось, наиболее распространенными являются теория социализации и теория ролей. Остановимся более подробно на последней, но отметим, что нас будет интересовать лишь применение теории ролей к анализу моральных явлений. Эта теория, относящаяся к числу наиболее влиятельных в социальной психологии и социологии, привлекает исследователей заявкой на анализ социальных пружин морального развития личности и ее реального поведения.

Представители этой теории считают своей задачей дать ответ на вопрос: почему, под влиянием каких причин люди, совершенно разные по многим психологическим параметрам, отличающиеся по возрасту, уровню интеллектуального и морального развития, по роду занятий, в некоторых схожих ситуациях ведут себя удивительно одинаково, как бы следуя неким стандартам поведения? Чем определяются эти стандарты и что побуждает людей следовать им?

Сторонники ролевой теории предлагают вычленять не индивидуально различное, а общее в людях и в качестве основы такого вычленения предлагают концепцию роли. Ее применение к объяснению процессов социализации личности и усвоения общих стандартов поведения позволяет сторонникам этой теории утверждать, что унифицирующей основой личности является принятие и выполнение ею некоей социальной и моральной роли, например роли руководителя, мужчины, отца, пассажира, друга, беспристрастного советчика и т. д. При этом именно характер роли определяет тип личности и структуру поступков человека независимо от его индивидуально-психологических, личностных особенностей.

Исследования теоретиков — сторонников концепции роли — многочисленны. При всех различиях в содержании и методике экспериментов они имеют ряд общих черт. Рассмотрим их на примере эксперимента, проведенного известными американскими психологами Хани, Бэнксом и Зимбарго³⁶. Среди студентов колледжа было тщательно отобрано необходимое число пожелавших принять участие в условном эксперименте «тюрьма» продолжительностью в одну неделю. На роль «стражи» путем широкого интервьюирования и диагностических тестов были взяты самые образцовые студенты, не проявлявшие ранее никаких антисоциальных тенденций. Тем не менее уже в течение одной недели эти студенты-охранники продемонстрировали крайне антисоциальное поведение.

Авторы эксперимента были достаточно осторожны в выводах. В частности, они признавали, что некоторые поступки «стражи» объяснялись не только заданной им ролью, но и индивидуальными моральными качествами людей (такими, как послушание, преданность конвенциональным ценностям, способность к сопереживанию, склонность к макиавеллизму и т. п.), существовавшими до того, как субъекты начали играть свои роли. Однако в конце концов они пришли к выводу, что в данном случае и вообще поступки личности имеют ситуационный характер и полностью детерминируются «условиями игры», выполнением заданной роли.

В подтверждение этой мысли приводятся высказывания многих участников эксперимента после его окончания. Вот заявление одного из них: «Я понял, что люди могут легко забывать, что другие — человеческие существа». Авторы эксперимента подчеркивают, что, как только эксперимент «тюрьма» остался позади, «стражи» «забыли» свое грубое поведение и, отвечая на вопросы о морали, давали вполне корректные ответы. Это, по мнению авторов эксперимента, лишь еще раз доказывает внутреннюю противоречивость морального мира личности, неустойчивость моральных убеждений, отсутствие единства в поведении личности и особенно тот факт, что мораль не имеет прямого отношения к поведению и поступкам человека³⁷.

Среди сторонников ролевой теории личности немало крупных ученых. Ими проведено много интересных наблюдений, собрано большое количество эмпирического материала. Однако в их исследованиях поведения лично-

сти не раскрываются мотивы поступков. Кроме того, сосредоточивая главное внимание на анализе внешней стороны поведения, они совершенно не учитывают социальные и моральные типы личности и их влияние на поведение и по сути дела исключают мораль из движущих сил человеческих поступков.

В последние годы представители ролевой теории личности стремятся избежать крайностей, подвергавшихся постоянной критике. В русле ролевой теории начинают выдвигаться различные моральные проблемы, исследоваться отдельные моральные чувства, эмоции и аффекты и проследиваться их конкретная роль в жизни личности. Среди этих новых веяний стоит упомянуть довольно интересные исследования способности людей к сопереживанию и ее влияние на поведение.

Несомненно, способность человека к сочувствию, состраданию имеет очень большое значение в моральном мире личности. Умение поставить себя на место другого, т. е. как бы влезть в его шкуру, всегда считалось необходимым для взаимопонимания. Еще Т. Гоббс правильно понимал природу сострадания: «Сострадание есть воображение, или фикция, нашего будущего несчастья, порожденное чувством чужого несчастья»³⁸. Способность к сопереживанию — это такое личностное моральное качество, которое противоположно безразличию, равнодушию, черствости и эгоизму. В литературе по морали все чаще вместо слова «сострадание» употребляется слово «сопереживание», причем подразумевается, что сопереживание шире, чем сострадание, и включает в себя последнее. В этой связи имеет смысл напомнить, слова Ф. М. Достоевского о том, что сострадание — это первейший закон человеческой жизни, без него не только человек, но и само общество огрубевает, засохнет, впадет в порок и разврат.

Но непосредственным толчком к исследованию буржуазными психологами чувства сострадания послужила не столько его важность как морального качества, сколько сама жизнь. Статистика буржуазного общества среди прочих грустных явлений зафиксировала, что все большее количество несчастных случаев, происходящих с людьми, остается без внимания со стороны окружающих: люди, находящиеся поблизости и оказывающиеся свидетелями несчастных случаев, все чаще проходят мимо, не оказывая помощи пострадавшим³⁹. О подобных (часто

весьма драматических) фактах регулярно появляются сообщения в буржуазной прессе.

Систематизировав и обобщив данные статистики за 10 лет и проведя самостоятельные исследования, социальные психологи Б. Латен и Дж. Дарли сделали вывод, что помощь пострадавшим оказывается лишь в шести случаях из пятидесяти. В книге с эмоциональным названием «Безответственный очевидец: почему он не помогает»⁴⁰, посвященной этой стороне моральной жизни американского общества, авторы описывают несчастные случаи, жертвы которых не получили помощи. Среди них и дети, похищенные в корыстных целях, и люди, попавшие в дорожную аварию, и просто одинокие, старые, нуждающиеся в помощи люди, и жертвы сенсационных убийств, тщетно взывавшие о помощи.

Авторы книги задают риторические вопросы: почему окружающие люди, которые вполне могли вмешаться, отказались прийти на помощь? Куда девался библейский образ доброго самаритянина, притчу о котором каждый американец слышит с раннего детства? Неужели стали постепенно исчезать из жизни такие необходимые каждому человеку моральные качества, как сострадание, взаимопомощь, желание помочь попавшему в беду? И что же произошло в моральной атмосфере американского общества, что привело к их исчезновению? Авторы стремятся быть объективными в своем исследовании, скрупулезно разбирая все аргументы самооправдания, которые приводят оставшиеся равнодушными очевидцы драматических событий. Некоторые свидетели происходившего просто не могли решить для себя моральную проблему, должны ли они вмешиваться, или смогут ли они помочь. Однако в заключение анализа авторы вынуждены сделать вывод, что моральная атмосфера жизни в их стране оставляет все меньше надежды на проявление сострадания, на взаимопомощь и другие прекрасные моральные качества. В составленной ими таблице моральных качеств, которыми должен обладать человек, чтобы быть всегда готовым прийти на помощь другим людям, они показали, что именно эти качества проявляются людьми все реже.

Выводы, к которым приходят авторы, могут послужить убедительным опровержением теории ролей. Ведь с позиций этой теории само функциональное выполнение роли заставляет людей поступать так, как того требует

роль, и их индивидуальные моральные качества оказываются ни при чем. Но если бы это было так, то тысячелетиями существующая в каждом обществе роль очевидца несчастного случая должна была бы заставить каждого оказавшегося в этой роли автоматически и без долгих раздумий помогать пострадавшему. Однако на деле все происходит иначе: человек, оказавшись в «роли» свидетеля, ведет себя сообразно своим моральным качествам, личным моральным принципам, а также моральной атмосфере, существующей в обществе. «Добрый самаритянином», оказывается, может быть лишь добрый человек, способный прийти на помощь в силу своих моральных качеств, а не в силу выпавшей ему роли очевидца. Это-то и опровергает главное утверждение ролевой теории, что моральные качества личности определяются ее ролью. Оказывается, нет: роль и ее исполнение зависят от моральных качеств человека.

Основной недостаток ролевой теории состоит в том, что на ее основе поведение личности объясняется чисто функционально, без учета моральной стороны дела. Этот путь изучения личности не позволяет дать ее адекватную интерпретацию. В теории ролей человек сводится к марионетке, лишенной моральных убеждений, личных чувств, индивидуальных нравственных качеств. Мораль при этом выступает как кодекс ритуалов поведения, за которым не стоит ничего, кроме условного соглашения. Как писал один из представителей ролевой теории, «идеалы и моральные ценности сравнимы с большей частью норм типа когда надевать галстук или фрак, но они более непосредственно касаются межличностного поведения»⁴¹. Все это еще раз свидетельствует о том, что буржуазная психология весьма далека от решения проблемы усвоения морали личностью.

При исследовании буржуазными психологами процессов становления и формирования моральной личности возникал вопрос о высшем типе личности, своего рода идеале человека как цели, на достижение которой должно быть направлено развитие и воспитание личности. Этот вопрос достаточно важен и поэтому составляет предмет самостоятельных эмпирических психологических исследований. В качестве методологического ключа к его решению буржуазные психологи предлагали типологизацию личности, классификацию ее моральных качеств, выделение основных типов личности, служащих упорядочению

многообразие индивидуальных, личностных характеристик. За несколько десятилетий существования эмпирической психологии морали было выдвинуто немало вариантов классификации типов личности.

Широко известны некоторые варианты типологизации личности. Например, Т. Адорно с сотрудниками провел анализ огромного эмпирического материала популярных стереотипов американского радио и телевидения, в результате которого была написана интересная книга «Авторитарный человек»⁴². В ней были названы такие стереотипы личности, как конформист, брюзга, чудака, джентльмен, авторитарная личность. Авторитарный человек — это общая характеристика наиболее массового типа личности, порождаемого буржуазной социальной действительностью и моралью, для которого характерны чувства одиночества, отчужденности, подавленности и поведение которого характеризуют покорность и податливость, перемежаемые взрывами психопатии и мятежности.

Другая известная классификация типов личности современного буржуазного общества была предложена Э. Фроммом в книге «Человек для самого себя»⁴³. Он выделял такие типы личности, как конформист, носитель «рыночного» сознания, некрофил, сильная личность, романтик и др., и утверждал, что различные качества личности возникают в ответ на массовое воздействие определенного типа общества. Широкое распространение в психологии получила также классификация типов личности на экстравертов и интравертов (Айзенк)⁴⁴, а также на людей с открытым и закрытым типом мышления. Однако эти классификации имеют лишь косвенное отношение к моральным качествам личности, поэтому мы не будем делать их предметом анализа. Мы выделим лишь два варианта типологии личности, имеющих непосредственное отношение к моральному статусу личности. Один из них, наиболее известный и наименее громоздкий, принадлежит Ч. Моррису, второй — известному английскому психологу Д. Райту.

Моррис предлагал выделять три компонента личности, которые могут либо сосуществовать в одном человеке, но проявляться с различной силой и в различных сочетаниях, либо каждый из них может преобладать у разных людей. Эти компоненты следующие: «дионисов» — стремление позволить себе удовлетворять возникающие

желания и прощать любые прегрешения; «прометеев» — желание изменять и переделывать мир и окружающую среду; «буддистский» — тенденция подавлять свои желания, отказываться от них и самоограничивать себя.

Не останавливаясь на описании каждого из предложенных Моррисом типов личности, мы отметим крайне абстрактный характер данной типологии и ее претензии на предельно широкие обобщения. Особенно важно подчеркнуть, что в данной классификации типов уже не только социально-психологические характеристики заменяются характерологическими, но и эти последние растворены в образно-мифологических, весьма далеких от всякой научной строгости.

Вариант типологии личности с точки зрения моральных качеств, предложенный Д. Райтом, представляет собой попытку связать воедино ее психологические (характерологические), моральные и социально-групповые параметры ⁴⁵.

В этой классификации представлено шесть главных моральных типов личности, объединенных в две группы. Авторитарный и конформистский типы, подчеркивает Райт, являются порождением современных социальных отношений, а не индивидуальной свободы выбора и решения; они имеют смысл только в социальном контексте. Авторитарная личность полностью идентифицирует себя с установленной в обществе социальной структурой, с ее сохранением. Она конвенциональна и консервативна, стремится ассоциировать себя с обществом и господствовать над другими. Конформистский тип личности складывается в результате сильного влияния конкретной социальной среды: в детстве — родителей, в школе — возрастной группы. В его основе лежат такие чувства, как страх, уважение и зависимость, в то время как чувства личной ответственности, собственного достоинства и самоуважения развиты слабо.

Любопытным в данной типологии является довольно редкое для буржуазных психологов выделение коллективистского типа личности. Объясняется это тем, что в буржуазном обществе этот тип личности действительно довольно редко встречается. Но в последние годы буржуазные психологи все чаще обращают внимание на понятие этого типа личности. У. Бронфенбреннер, написавший работу, содержащую сравнение морально-психологических качеств советских и американских детей, стал

особенно последовательным пропагандистом этого понятия⁴⁶.

Он указывает, что для коллективистского типа личности характерно преобладание влияния коллектива на человека, превышающее влияние родителей, учителей или возрастной группы. Коллективизм противоположен индивидуализму, несовместим с желанием лично прославиться, выделиться, с противопоставлением своих интересов интересам коллектива, предполагает самопожертвование во имя общих целей.

Дефицит этих моральных качеств у людей современного буржуазного общества заставляет психологов пристальнее всматриваться в содержание коллективизма, придавать ему определенную ценность. Однако при всем их желании противопоставить коллективизм как альтернативу индивидуалистским, конформистским и аморальным типам личности в условиях буржуазного общества в массовых масштабах сделать этого они не могут. Поэтому на вершину типологии личности они помещают в качестве идеала (хотя и недостижимого, но тысячелетиями провозглашаемого христианской религией) тип личности альтруиста, автономно (!) решающего свои моральные проблемы.

Было сделано несколько как прямых и непосредственных, так и косвенных попыток эмпирической проверки упоминавшихся схем. В результате был вскрыт целый ряд их недостатков, обнаружены их спекулятивный характер, относительность, неточность, поскольку многие люди не подпадают под выделенные рубрики, находятся где-то между ними. Однако, пока не найдены более совершенные типы классификации, буржуазные психологи продолжают использовать их в рабочем порядке для организации огромного разнообразия типов личности, характеризующих реальных людей.

Подлинные недостатки этих и подобных классификаций типов личности, предлагаемых современными буржуазными психологами, конечно, гораздо серьезнее. И дело не только в сложности данной проблемы и в тех реальных трудностях, которые встают перед исследователями при создании классификации моральных типов личности. Дело в идеалистической методологии эмпирически-психологических исследований проблем морали, которая заставляет исследователей «очищать» психологию от социально-классового анализа. Тем самым психо-

логические особенности разных типов личности как бы повисают в пустоте, становятся причиной самих себя. В действительности они являются не первичными, а вторичными и отражают в первую очередь социальные детерминанты личности — социальную и классовую принадлежность, отношение к собственности, имущественное положение, профессиональную деятельность, а уж потом — и в значительно меньшей степени — половые, возрастные, интеллектуальные, характерологические и другие показатели.

В буржуазной психологии социальная характеристика личности вообще, как правило, не учитывается, если не считать, что, согласно ее методологии, не общество в целом, не классовое положение личности, а лишь микро-структура, так называемая субкультура, непосредственное окружение включаются в используемое в ней понятие «социальная среда». Это понятие нередко искусственно суживается до размеров «группы сверстников», «соседей», «ближайших друзей» и т. д.

Только марксизм впервые дал научную методологию решения проблем личности, указав, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁴⁷. Марксистская методология при решении проблем личности требует исходить из того, что «человек — это *мир человека*, государство, общество»⁴⁸. Только такой масштаб измерения личности, ее поведения и моральных качеств позволяет вскрыть глубинные процессы психологии морали. Иначе она обречена на схоластику. Превращение этики в ветвь психологии обедняет теорию морали, лишает моральные явления социального звучания. Идеологическая функция буржуазной психологии морали состоит (вольно или невольно) в сведении морали как социального явления к более или менее «глубокому психологизму».

Конечно, необходимо иметь в виду, что моральное становление личности, периоды и стадии морального развития человека, воплощение морали в поведении — исключительно сложные, многосторонние, нередко противоречивые процессы. Психология морали, сфера человеческого поведения — одна из самых сложных проблем. Для ее решения необходимы строго научная теория личности, развитая теория морали, развитая теория поведения. Этика, психология, социология, педагогика пока еще не

владеют полным объемом знаний по этим вопросам. Тем более необходимо сосредоточить усилия на взаимодействии различных наук, на интеграции всех имеющихся знаний. Нужны углубленные теоретические и эмпирические исследования, уточнение многих исходных понятий, корректировка методов и способов изучения, поиск новых путей исследования.

Но каковы в этом отношении возможности буржуазной психологии морали? Как мы показали, ей свойственны недостатки, сужающие ее эвристические возможности. К их числу относятся прежде всего фрагментарность, эклектичность ее этико-теоретических оснований, отсутствие единой этико-психологической теории морали. Ограничен и социальный, идеологический потолок этой теории: моральному развитию личности в условиях буржуазного общества положен определенный, довольно узкоограниченный предел, обусловленный самой системой морали буржуазного общества. Это общество заинтересовано лишь в воспроизведении заданных его социально-экономической природой образцов поведения, моральных типов личности, в тиражировании вариантов конформного поведения, в элиминации и подавлении тех «нестандартных» поступков и поведения, которые разрывают узкие горизонты буржуазной морали.

Буржуазная наука о морали не в состоянии преодолеть порожденный буржуазным строем разрыв между моралью и поведением. Различные ее теории концентрируются поэтому на изучении либо морали без поведения, либо поведения без морали. Мораль остается абстрактной теоретической конструкцией, которой личность овладевает на уровне когнитивного рассуждения, а поведение оказывается подчиняющимся не законам морали, а своим собственным законам. На долю личности, а вместе с ней и на долю ее научного интерпретатора — ученого-психолога остается лишь констатировать это раздвоение без всякой надежды соединить мораль с поведением, воплотить мораль в действительных высоконравственных поступках. Таким образом, современная буржуазная психология морали воспроизводит на теоретическом уровне разрыв между личностью, моралью и поведением, реально существующий на практике.

Лишь некоторые проблемы личности, морали и поведения оказались теоретически освоенными буржуазными психологами, что позволило практически их приме-

нить. Американские психологи, например, добились определенных успехов в исследовании средств и методов воздействия на поведение в нужном направлении, в овладении техникой манипулирования массовым сознанием. В организации политического, идеологического и морального давления, в сфере массовой культуры и технологии организации человеческих отношений нашли практическое применение как бихевиористские «промыватели мозгов», так и специалисты по общественному мнению и «знатоки» моральной психологии.

В буржуазной психологии морали не исследуются самые кардинальные проблемы морального поведения: как в условиях буржуазного общества личность оказывается способной воспротивиться деморализующему влиянию среды, как человек обретает силы сопротивляться обстоятельствам, как личность возвышается до понимания аморального характера буржуазной системы, в силу чего человек приходит к такому пониманию морали, которое заставляет его встать на путь борьбы и воплотить свои личностные моральные качества в поведении.

Таким образом, «психологизирующий» вариант этики, предлагаемый в качестве альтернативы метаэтике, оказался в такой же степени неудовлетворительным. Если «анализирующей» этической науке, скрупулезно разрабатываемой в течение многих десятилетий метаэтикой, явно не хватало опоры на факты морального поведения и интереса к моральной жизни личности, то «психологизирующей» этической науке, созданной психологией морали, недостает не только общей этической и философской теории, но и понимания первичности социального по отношению к психологическому, она не в состоянии выяснить истинные корни психических явлений.

Заключение

Буржуазная этика 70—80-х годов XX столетия, отразившая кризис не только буржуазной идеологии, но и идеалистической философии, имеет ряд особенностей. Как мы старались показать, характерные черты современной буржуазной этики определяются прежде всего поисками выхода из кризиса, попытками обрести какую-то опору для пошатнувшихся основ буржуазной морали и этического идеализма.

Отличительной чертой буржуазной этики XX в., почти полностью отсутствовавшей ранее в истории этики, является, на наш взгляд, образование на месте общей теории идеалистической нормативной этики ряда новых концепций: метаэтики, возникшей на базе этики, лингвистики и отчасти формальной логики; психологии морали, явившейся результатом дополнения этики эмпирической психологией; социологии морали, объединившей этику с социологией. Можно предположить, что создание подобных комплексных концепций в буржуазной этике будет продолжаться. Подтверждением этого предположения может служить появление в самое последнее время еще одного симбиоза — так называемой экологической этики, соединившей этику с экологией.

Неправильно было бы считать, по нашему мнению, главной причиной этого явления идущий в современной науке процесс дифференциации и интеграции научного знания. Она лежит глубже — в кризисе традиционной идеалистической этики. К началу нашего столетия стало очевидным банкротство традиционных форм идеалистической этики, обнаружилась неспособность ее основных школ и направлений дать решение главных этических и моральных проблем. Ни одна из ведущих школ этического идеализма не смогла создать философскую теорию, адекватно объясняющую моральные явления, стать основой общей идеалистической теории морали. В ходе осознания этого факта начались *процесс разрушения традиционной этики*, поиски новых путей ее развития.

Создание названных выше новых концепций следует понимать поэтому как **разрушение философской теории**

этики, как попытку заменить ее философскую основу теориями других наук — лингвистики, психологии, социологии, экологии и т. д. Характерно, что образование этих межнаучных комплексов идет по линии соединения этики с эмпирическими науками. Это не случайно. Отказав этике в статусе философской науки, разочаровавшись в возможностях этической теории, буржуазные этики обратились к фактам, рассчитывая создать фундамент для своей науки. Однако переход от теории к эмпирии не спас идеалистическую этику: каким бы богатым ни был эмпирический материал, на его основе при отсутствии философской теории невозможно создание единой этики; напротив, он раздробляет ее на отдельные виды прикладных этик, довершая процесс разрушения ее как цельной философской теории. В результате этика как философская наука о морали перестает существовать, превращается в свою противоположность, в своего рода антиэтику.

Это не означает, конечно, что современная буржуазная этика упраздняется. Нет, она продолжает существовать в новых обличьях — в лингвистическом, экспериментально-психологическом, конкретно-социологическом, экологическом, клинически-психиатрическом, биолого-экологическом. Подобные превращения этики еще более осложняют ее анализ, ибо требуют от исследователя овладения новыми областями прикладного знания. Это свидетельствует не только о попытках прикрыть идеалистическую сущность этики, лихорадочных поисках выхода из кризисного тупика. В множасьихся вариантах «новых» этик выражаются действительное изменение характера современного этического идеализма, его приспособление к новым открытиям науки, попытка выработать более широкие концепции.

В противоположность современной буржуазной этике марксистско-ленинская этика выступаст как *философская наука*. Она интегрирует на основе материалистической диалектики знания о морали, добываемые другими науками, основывает свои выводы на результатах общественных и естественных наук. Марксизм-ленинизм совершил подлинную революцию в этике, ибо выявил зависимость этой науки от законов жизни общества и классовой борьбы, показал ее глубокий мировоззренческий характер, связал этику с социальной практикой, с борьбой за коммунизм и воспитанием нового человека. В этом плане марксистско-ленинская этика идет рука об руку с педа-

гогией и социологией, с психологией и кибернетикой, с логикой и историей, с экономикой и экологией, но при этом остается цельной философской наукой.

В борьбе за коммунизм и формирование нового человека особо важное значение приобретает критика современной буржуазной этики и морали. Целью этой критики является решение двух взаимосвязанных задач: разоблачение реакционной сущности различных концепций современной буржуазной этики, выявление их классового апологетического характера, идеологической направленности, с одной стороны, и противопоставление ложных по содержанию и внутренне противоречивых по форме решений моральных проблем в буржуазной науке научному подходу к их решению в марксистско-ленинской этической теории, с другой стороны. Марксистско-ленинская этика, фундаментом которой является диалектический материализм, плодотворно решает сложнейшие моральные проблемы и выступает наследницей лучшего, передового, прогрессивного, что было создано тысячелетней историей этики.

Современный этический идеализм представляет немалую опасность: представители современной буржуазной этики в большинстве своем являются изоэченными, активными в защите своих позиций идеологическими противниками, убежденными антимарксистами и антикоммунистами. Попытки подвести под этику эмпирическую базу, заимствованную из других наук, не спасают современную буржуазную этику от ее основных пороков. Более того, их стремление использовать эмпирические методы в исследовании проблем морали порождает новые антиномии и углубляет коренные противоречия современного этического идеализма. Применение методологических принципов марксистско-ленинской критики к анализу современной буржуазной этики позволило выделить систему ее противоречий, и в том числе ее основное противоречие.

Выделяя противоречия как буржуазной этики в целом, так и отдельных ее теорий, нужно иметь в виду два момента: во-первых, противоречия между конкретной теорией и реальной социальной действительностью, общественно-исторической практикой; во-вторых, внутреннюю логико-гносеологическую противоречивость этой теории.

Важнейшим методологическим принципом марксистской критики идеализма в целом и современного буржу-

азного этического идеализма в частности является выделение в исследуемом объекте *системы* важнейших противоречий и *основного* противоречия. Следование этому принципу необходимо для раскрытия *сущности* изучаемого явления, в данном случае — современной буржуазной этики. Выделение основных противоречий, антиномий и парадоксов современной буржуазной этики усиливает эффективность ее критики, упрочивает марксистские позиции в борьбе идей.

В советской этической литературе буржуазная этика подверглась серьезному критическому анализу. Например, в книге К. А. Шварцман «Этика... без морали» в самом названии зафиксировано основное противоречие современной буржуазной этики. В ней показано, что буржуазные этики вместо того, чтобы изучать реально существующую мораль, занялись изучением истории и теории этики, превратив ее в науку, не имеющую прямого отношения к морали. Другое противоречие выявлено в общей характеристике современной буржуазной этики, данной в книге «Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность». Это противоречие между задачами этой науки, состоящими в исследовании морали, и реальными возможностями, ограниченными рамками буржуазной идеологии и методологии.

А. И. Титаренко метко охарактеризовал современные буржуазные этические концепции как «антиидеи». Неоднократно обращался к анализу противоречий буржуазной этики О. Г. Дробницкий. Он стремился выделить наиболее важные и острые противоречия, определяющие саму сущность буржуазной этики, и выстроить систему ее противоречий. Так, уже в работе «Критика современных буржуазных этических концепций»¹ (в соавторстве с Т. А. Кузьминой) были выявлены семь противоречий, названных «антитезами» современной буржуазной этики: антитезы материальной практики и идеальных мотивов, действительного и должного, свободы и необходимости, цели и средства, человека как высшей цели и человека-средства, целесообразности и свободного целеполагания, добра и долга, свободы и рациональности. Каждая из них рассмотрена довольно подробно. Однако не было дано обоснование системности этих противоречий, не указано, почему выделены именно эти противоречия и как они логически связаны между собой. На наш взгляд, выделенные противоречия характеризуют идеалистическую этику

в целом и сложились они не менее двухсот лет назад. Несомненно, они существуют и в современной буржуазной этике, но не являются специфическими для нее, не делают ее отличной от традиционной идеалистической этики.

Попытка выделить противоречия современной буржуазной этики содержится в коллективном труде болгарских этиков «Современная буржуазная этика. Развитие, проблемы, критика»². Заслуживает положительной оценки тот факт, что авторы стремятся дать определение сущности этических антиномий, выделить основные из них. Таковыми они считают сущее и должное, целесообразность и целеполагание, этику и нравственность. Выделенные антиномии иллюстрируются материалами из современной буржуазной этики, но и они сложились в идеалистической этике несколько столетий назад и, продолжая существовать сегодня, не являются специфическими противоречиями новейшей этики.

Представляется необходимым попытаться выделить именно такие противоречия, которые характеризуют сущность современной буржуазной этики. Объективно эти противоречия вытекают из тех процессов и явлений, которые присущи этическому идеализму в эпоху кризиса капитализма, разложения основ его морали. В этих условиях должен был сформироваться «новый образ» современной буржуазной этики. Он складывался с начала века, и в его выработке участвовало несколько школ, возникших в тот период в Англии, Франции, Германии, Австрии, США. Общей исходной предпосылкой при этом было осознание — во многом под влиянием марксистской критики идеализма — необходимости обновления идеалистической этики, освобождения ее от наиболее явных ошибок и крайностей, поиск новых путей развития буржуазной этики.

Одним из первых работать в этом направлении начал Дж. Э. Мур в Англии. Прежде всего он подверг критике четыре наиболее значительные школы классического идеализма в этике — метафизическую, утилитаристскую, эволюционистскую, натуралистическую. Итогом этого анализа был вывод, что ни одна из названных школ не может дать удовлетворительное решение этических проблем и поэтому необходимо создать новую этическую теорию. Мур предложил перейти к логическому анализу языка морали, отныне этика должна была заниматься

анализом не поведения людей, а логики и специфики морального языка, этических терминов, понятий и суждений³. Данный метод этического исследования определил и характер основанной на нем этики — она как бы избавлялась от теоретических спекуляций и обретала прочный эмпирический базис в виде фактов, «материализовывала» мораль в языке. Этика превратилась в метаэтику.

Почти в тот же период в Германии осуществлялся поиск «нового образа» этики, но уже на других основаниях. У Г. Зиммеля, М. Вебера и других исследователей разочарование в традиционных идеалистических системах этики также вылилось в попытку подвести под этику эмпирический фундамент, но на этот раз в виде входившей тогда в моду социологии⁴.

Эти попытки совпали с предпринятыми во Франции Э. Дюркгеймом и Л. Леви-Брюлем усилиями по конституированию социологии. Французские ученые пошли дальше Зиммеля и сформулировали смелую идею относительно необходимости создания качественно новой этики, которая должна была ~~стать частью~~ социологии. Они считали, что только «подведение» этики под общий социологический знаменатель может спасти зашедшую в тупик старую, традиционную этику, сделать ее наукой, подобной естествознанию, опирающемуся на факты.

Несколько иной вариант «спасения» этики был предложен известным австрийским философом-позитивистом, одним из основателей Венского кружка — М. Шликом. В работе «Вопросы этики» он выдвигал идею присоединения этики не к социологии, а к психологии в качестве ее составной части⁵. Психология выступала в качестве «спасительницы» этики по двум причинам: в этот период и в этой стране (в Австрии работал З. Фрейд и его ученики) происходило ее бурное развитие; сам Шлик был убежден, что «все проблемы этики являются по сути своей психологическими»⁶.

В США ведущие ученые того периода У. Джеймс и Дж. Дьюи предложили свой вариант этики. Они считали, что основной функцией этики является воспитание людей в духе моральных принципов. Отсюда они делали вывод, что этика должна отказаться от своих старых, метафизических рассуждений и вплотную заняться решением педагогических задач, а поэтому стать частью педагогики.

При всех различиях предложенных вариантов общим

является, во-первых, пересмотр старой этики и, во-вторых, замена традиционной идеалистической этики, спекулятивной и морализаторской, какой-либо разновидностью эмпирической науки, подкрепление ее фактами и опытными данными.

По такому пути и пошло развитие буржуазной этики в XX в. Возникшие школы в большей или меньшей степени разделяли черты «нового образа» этики, альтернативного классической идеалистической этике. Каковы же наиболее характерные черты новейшей идеалистической этики?

Прежде всего это отказ от общетеоретических проблем, изучение отдельных разрозненных, часто второстепенных, не связанных друг с другом сторон морали, отдельных деталей морального сознания, абсолютизация частных и сведение к ним морали в целом. Эмпиризм, который по замыслу создателей «новой» этики должен был влить новые силы в старую науку, на самом деле привел к противоположным результатам — к разрушению этики как философской, теоретической науки, лишил ее необходимого общетеоретического фундамента, отрезал путь к пониманию сущности морали. Буржуазная этика потеряла свой философский статус и вследствие этого не выработала единой теории морали, не смогла объяснить сущность моральных явлений.

Только марксизм является подлинным преемником и продолжателем традиций классической теоретической этики прошлого. Он рассматривает этику как систему знаний о морали, дает анализ морали как целостного социального института, как вида общественных отношений, а этику определяет как философскую науку о сущности и специфике морали, опирающуюся на все богатство и разнообразие принципов материалистической диалектики.

Таким образом, по нашему мнению, главным противоречием современной буржуазной этики можно считать противоречие между целями и задачами этической науки как науки о сущности морали, о ее роли в жизни общества и человека и тем «образом» этики, который сложился в современной буржуазной этике. Выявление данного противоречия послужит ключом к пониманию тех школ, направлений и концепций, которые входят в современную буржуазную этику (некоторые исследователи насчитывают в ней уже свыше 50 отдельных школ), к пониманию

причин изменчивости ее внутренней структуры, динамики ее развития в будущем и других ее особенностей.

Главные школы современной буржуазной этики внутренне противоречивы. Так, ее ведущее теоретическое направление — метаэтика — породило следующие существенные противоречия: 1) представители этой теории, поставив задачу дать новое понимание этики, пришли к отрицанию этики как науки и по сути дела предложили заменить ее лингвистикой и формальной логикой; 2) сформулировав в качестве главной задачи этики определение добра, долга, правильного, идеала и т. п., метаэтики не смогли дать научное определение этих основных понятий морали и по сути отказались от их определения; 3) задавшись целью создать строго научную теорию морали, они заменили ее иррациональной интуицией. Очевидно, что с метаэтики началось разрушение этики как философской науки путем ее замены другими научными дисциплинами.

В современной буржуазной этике видна явная тенденция к переходу от теории к эмпирии, к использованию методов социологии, к замене этики психологией, футурологией, экологией и т. д. Важно подчеркнуть, что данная тенденция возникла в XX столетии, поскольку ранее для исследования морали не применялись эмпирические методы, и породила стремление превратить этику из философской науки в эмпирическую.

Применение эмпирических методов, накопление большого экспериментального материала еще недостаточно для решения проблем морали. Необходим теоретический фундамент, позволяющий глубоко осмыслить и систематизировать имеющиеся данные. Отсутствие общей теории, лежащей в основе науки, порождает лишь новые противоречия и трудности. Именно поэтому буржуазные психологи и социологи морали не могут дать ответ на коренные вопросы: что такое мораль? Что такое морально зрелая личность? Что такое моральное поведение? Каков критерий нравственного поступка и морального поведения? Что происходит с моралью в современном буржуазном обществе?

Выделение системы противоречий, присущих современной буржуазной этике, позволяет, на наш взгляд, сформулировать ее основное противоречие: отказ от статуса философской науки и от методологии социально-философского исследования морали привел современную

буржуазную этику к отрицанию этики как единой науки о морали, к разрушению классической этики, к раздроблению ее на отдельные теоретические концепции и направления.

Такого рода плюралистически-лоскутная этика оказывается наиболее удобной для обслуживания нужд буржуазной идеологии, для апологии морали империализма, для защиты буржуазного мировоззрения, для борьбы против марксистско-ленинской этики и коммунистической морали. Она представляет собой не меньшую, а даже бóльшую опасность, чем монолитные теории традиционного этического идеализма, ибо она более подвижна, мобильна, изменчива, быстро реагирует на меняющуюся конъюнктуру буржуазного идеологического рынка, труднее уловима для критики. Поэтому критика современной буржуазной этики, защита марксистско-ленинской этической теории и коммунистической морали должны быть целеустремленными и носить наступательный, бескомпромиссный характер.

Список цитированной литературы

К Введению (с. 3—24)

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. (Новая редакция). М.: Политиздат, 1985. С. 15.

² *Thenbruck Fr. G.* Alltägliche Normen und Lebenssinnig der Leuten in BRD. Berlin, 1978.

³ По различным проблемам выходили работы советских авторов: по критике новейшей буржуазной этики работы К. А. Шварцман, в том числе «Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность» (М., 1983); О. Г. Дробницкого «Понятие морали» (М., 1974); А. И. Титаренко, в том числе «Антиидеи» (М., 1984); по критике теории морали Э. Дюркгейма работа Е. В. Осиповой «Социология Эмиля Дюркгейма» (М., 1977); по критике буржуазного индивидуализма работы Ю. А. Замошкина, в том числе «Личность в современной Америке» (М., 1980); по критике элитизма работа Г. К. Ашина «Доктрина «массового общества»» (М., 1971); работа Л. И. Анцыферовой «Материалистические идеи в зарубежной психологии» (М., 1974); В. И. Добренкова «Неофрейдизм в поисках «истины»» (М., 1974); сборник «Этика и идеология» (М., 1983); работа Ю. Н. Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия» (М., 1983) и др.

⁴ *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1980. С. 91—92.

⁵ Эти и некоторые другие высказывания приводятся в книге «Общество против человека» (Минск, 1980).

⁶ *Fromm E.* Die Revolution der Hoffnung. Hamburg, 1974. S. 38, 39.

⁷ *Socialist humanist.* An International Simposium. N. Y., 1965. P. 299.

⁸ *Bell D.* The Cultural contradictions of capitalism. N. Y., 1969.

⁹ *Toffler A.* Futuroshock. Frankfurt a. M., 1973. S. 256.

¹⁰ *Die gesellschaftliche Konstruktion der Entfremdung.* Frankfurt a. M., 1977. S. 9.

¹¹ *Strauß Fr. J.* Gebote der Freiheit. München, 1980. S. 33.

¹² *Тоффлер О.* Третья волна (реферативное изложение)//США: экономика, политика, идеология. 1982. № 7. С. 85.

¹³ *Винер Н.* Творец и робот. М., 1966. С. 62—63.

¹⁴ *Lorenz K.* Die acht Todsünde der zivilisierten Menschheit. München, 1973. S. 35.

¹⁵ *Lorenz K.* Was wird aus dem Menschen. Graz etc., 1974. S. 294.

¹⁶ Ibid. S. 299.

¹⁷ Ibid. S. 294.

¹⁸ *Hawken P., Ogilvy J., Schwartz P.* Seven tomorrows. Toronto etc., 1982. P. 85, 103—104.

¹⁹ Ibid. P. 139.

- ²⁰ Ibidem.
- ²¹ См.: Ленс С. Бедность: неискоренимый парадокс Америки. М., 1976. С. 119.
- ²² Hollander P. Soviet and American Society. A comparison. N. Y., 1973.
- ²³ Raines G. Illusions of success. Middle Class realities. Villey Forge, 1975. P. 11.
- ²⁴ Ibid. P. 13.
- ²⁵ Hawken P. et al. Op. cit. P. 24.
- ²⁶ Hacker F. Aggression. Die Brutalisierung der modernen Welt. Reinbeck bei Hamburg, 1973. S. 17.
- ²⁷ Havas L., Pauwels L. Die letzten Tage der Monogamie. Die Geschlechtsmoral von Morgen. Wien etc., 1976. S. 8.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Hawken P. et al. Op. cit. P. 45.
- ³⁰ Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 381.
- ³¹ Hawken P. et al. Op. cit. P. 32, 39.
- ³² Kahn G., Brown W., Mariel L. The next 200 years. A scenario for America and the World. N. Y., 1976.
- ³³ Hawken P. et al. Op. cit. P. 41.
- ³⁴ Koslowski P. Ethik des Kapitalismus. Tübingen, 1982.
- ³⁵ Ibid. S. 10.
- ³⁶ Ibid. S. 57.
- ³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 4.

К главе I (с. 25—121)

- ¹ Simmel G. Einleitung in die Moralwissenschaft. Berlin, 1892.
- ² Lévy-Bruhl L. La morale et science de moeurs. Paris, 1903.
- ³ Ross A. Kritik der sogenannten praktischen Erkenntnis. Upsala, 1933. S. 436.
- ⁴ Ibid. S. 446, 447.
- ⁵ Dewey J. Theory of Valuation. Chicago, 1939. P. 15.
- ⁶ Ibid. P. 17, 25.
- ⁷ Ibid. P. 51.
- ⁸ Durkheim E. De la division du travail social. Paris, 1893. P. 448.
- ⁹ Ibid. P. 470.
- ¹⁰ Ibid. P. 448.
- ¹¹ Французский журнал «Année Sociologique» в течение многих лет выделяет рубрику «Социология морали». В учебнике по социологии под редакцией Ж. Гурвича содержится особый раздел под названием «Проблемы социологии моральной жизни» (Traité de sociologie/Ed. by G. Gurvitch. Paris, 1960).
- ¹² Lévy-Bruhl L. Op. cit. P. 161.
- ¹³ Подробнее смотри об этом: Дробницкий О. Г. Указ. соч.
- ¹⁴ Особой резкостью отличаются оценки капиталистического общества, которые даются с позиций протестантизма, экзистенциализма, Франкфуртской школы (подробнее см.: Этика и идеология).
- ¹⁵ Cook Fr. G. The Corrupted Land. The Social Morality of Modern America. N. Y., 1967.
- ¹⁶ Ibid. P. 15.
- ¹⁷ Ibid. P. 310.
- ¹⁸ Reich Ch. The greening of America. N. Y., 1972. P. 16.

- ¹⁹ Ibid. P. 78.
- ²⁰ Ibid. P. 140.
- ²¹ Ibid. P. 223.
- ²² *Fulbright J.* The crippled Giant. N. Y., 1972. P. 161.
- ²³ Ibid. P. 202.
- ²⁴ Ibidem.
- ²⁵ Ibid. P. 204.
- ²⁶ Ibid. P. 207.
- ²⁷ Ibidem.
- ²⁸ *Hollander P.* Op. cit.
- ²⁹ Ibid. P. 174.
- ³⁰ Ibid. P. 190.
- ³¹ Ibid. P. 110.
- ³² Ibid. P. 117.
- ³³ Ibid. P. 310.
- ³⁴ Ibid. P. 342.
- ³⁵ Social Surveys//Gallup Poll Ltd. 1974.
- ³⁶ *Wright D.* Morality and religion — a review of empirical studies//*Rationalist Annual.* L., 1973. P. 26—36.
- ³⁷ Ibidem; *Tomeh A. K.* Moral Values in a cross — cultural perspective//*Journal of Social Psychology.* 1978. Vol. 174. P. 137—138.
- ³⁸ *Reiss J. L.* The Social context of Premarital Sexual Permissiveness. N. Y. etc., 1976.
- ³⁹ *Linney B.* Sex and Society in Sweden. Jonathan Cape, 1968.
- ⁴⁰ *Packard V.* The Sexual Wilderness. L., 1968.
- ⁴¹ *Yankelovich D.* The New Morality: A Profile American Youth in the Seventies. N. Y., 1974.
- ⁴² *Packard V.* Op. cit. P. 15.
- ⁴³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 497.
- ⁴⁴ *Yankelovich D.* Op. cit. P. 60.
- ⁴⁵ *Stein P.* Single. N. Y., 1976.
- ⁴⁶ *Pawley M.* The private future. Causes and consequences of community collapse in the West. L., 1973.
- ⁴⁷ *Kollow Ch.* The anti-society. An account of the victorian underworld. Boston, 1970; *Hornik Ed.* The drinking Woman. N. Y., 1977.
- ⁴⁸ *Bechvar R.* Skills for effective communication. A guide to building relationships. N. Y., 1974; *Heun L., Heun R.* Developing skills for human interaction. Mervill, 1978.
- ⁴⁹ *Rushton J. Ph.* Altruism, socialization and society. Prentice — Hall, 1980.
- ⁵⁰ *Yankelovich D.* Op. cit.
- ⁵¹ *Friedan B.* The Feminine Mistigue. N. Y., 1972.
- ⁵² *Baroch G., Burnet R., Rivers C.*//New York Times magazine. 1980.
- ⁵³ Ibidem.
- ⁵⁴ *Bell D.* The cultural contradictions of capitalism. L., 1976. P. 69, 71.
- ⁵⁵ American Workingclass Culture. Explorations in american Labor and Social History/Ed. by M. Cantor Washington; L., 1979.
- ⁵⁶ *Berk R. A.* Collective behaviour. Brown, 1979.
- ⁵⁷ *Lasch C.* The Culture of Narcissism. American Life in an Age of diminishing Expectations. N. Y., 1979.
- ⁵⁸ См.: *Фонер Ф.* Рабочий класс и американская революция. М., 1980. С. 55.

- ⁵⁹ См.: США: экономика, политика, идеология. 1981. № 5. С. 58—62.
- ⁶⁰ См. там же. 1978. № 4. С. 27—36.
- ⁶¹ Brzezinski Z. Between two ages. N. Y., 1970.
- ⁶² Ibid. P. 69.
- ⁶³ Ibid. P. 18.
- ⁶⁴ Yankelovich D. New rules: searching for selffulfilment in a world turned upside down. N. Y., 1981.
- ⁶⁵ Ibid. P. XIV.
- ⁶⁶ Lasch C. Op. cit.
- ⁶⁷ Yankelovich D. Op. cit. P. XVII.
- ⁶⁸ Ibid. P. 8—9.
- ⁶⁹ Ibid. P. 10.
- ⁷⁰ Ibid. P. 19.
- ⁷¹ Ibid. P. 23.
- ⁷² Ibid. P. 24.
- ⁷³ Ibid. P. 25.
- ⁷⁴ Ibid. P. XV.
- ⁷⁵ Ibidem.
- ⁷⁶ Ibid. P. 5.
- ⁷⁷ Ibid. P. 99, 100.
- ⁷⁸ Ibid. P. XIV.
- ⁷⁹ Ibid. P. XVI.
- ⁸⁰ Ibid. P. 31.
- ⁸¹ Ibid. P. 93—96.
- ⁸² Ibid. P. 6.
- ⁸³ Ibid. P. 164—182.
- ⁸⁴ The United States in the 1980's/Ed. by P. Duignan and A. Rabbushka. Hoover Institute on Stanford University, 1980.
- ⁸⁵ Ibid. P. 10.
- ⁸⁶ Yankelovich D. Op. cit. P. 184.
- ⁸⁷ Ibid. P. 185—186.
- ⁸⁸ Ibid. P. 203—204.
- ⁸⁹ Ibid. P. 187, 188.
- ⁹⁰ Ibid. P. 220.
- ⁹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 402.
- ⁹² Там же. С. 418.
- ⁹³ Yankelovich D. Op. cit. P. XIX.
- ⁹⁴ Ibid. P. XX.
- ⁹⁵ Ibidem.
- ⁹⁶ Ibid. P. 3.
- ⁹⁷ Ibid. P. 5.
- ⁹⁸ Ibid. P. 46.
- ⁹⁹ Ibid. P. 54.
- ¹⁰⁰ Ibid. P. 60—61.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 62.
- ¹⁰² Ibid. P. 31.
- ¹⁰³ Ibid. P. 115—117.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 120—123.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 27—28.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 148.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 31.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 152.
- ¹⁰⁹ Riesman D. The Lonely Crowd. New Haven, 1969.
- ¹¹⁰ Yankelovich D. Op. cit. P. 192.

- ¹¹¹ *Lasch C.* Op. cit. P. 30.
- ¹¹² *Yankelovich D.* Op. cit. P. XIX.
- ¹¹³ Ibid. P. XX.
- ¹¹⁴ Ibid. P. 242.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 239.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 244.
- ¹¹⁷ Ibid. P. 245—250.
- ¹¹⁸ *Уайлдер Т.* Мост короля Людовика Святого. Мартовские иды. День восьмой. М., 1982. С. 304—308.
- ¹¹⁹ См.: *Философия и прогностика.* М., 1971. С. 18—21; *Назаров В. Н.* Проблемы моральной прогностики//Философские науки. 1978. № 3.
- ¹²⁰ *Marcuse H.* Das Ende der Utopie. Frankfurt a. M., 1967.
- ¹²¹ *Skinner B.* Beyond freedom and dignity. N. Y., 1972.
- ¹²² *Fromm E.* The Anatomy of Human Destructiveness. N. Y., 1973.
- ¹²³ *Lewis J.* The Uniqueness of Man. L., 1974.
- ¹²⁴ *Moral Problems in Contemporary Society. Essays in Humanistic Ethics.* N. Y., 1969.
- ¹²⁵ Ibidem.
- ¹²⁶ Ibid. P. 51, 75, 230.
- ¹²⁷ *Frankl V. E.* Psychoterapie and Existentialism. Harmondsworth, 1973. P. 90.
- ¹²⁸ *Гоббс Т.* Избр. произв.: В 2-х т. Т. 1. М., 1964. С. 475.
- ¹²⁹ *Ethics and Problems of the 21st Century/Ed. by K. E. Goodpaster and K. M. Sayre.* Indiana; L., 1979.
- ¹³⁰ Ibidem.
- ¹³¹ Ibidem.
- ¹³² Ibidem.
- ¹³³ Ibid. P. 21.
- ¹³⁴ *The Ecological Conscience/Ed. by Disch.* N. Y., 1970; *Exploring New Ethics for Survival.* L., 1972; *Schumacher.* Small is Beautiful. N. Y., 1973; *Philosophy and Environmental Crisis/Ed. by Blackstone.* Athens, 1974.
- ¹³⁵ *Meadows D.* Towards Global Equilibrium. Cambridge, 1973; *Laszlo E.* Goals for Mankind. N. Y., 1977.
- ¹³⁶ *Meadows D.* Op. cit. P. 348.
- ¹³⁷ *Gill D.* From here to where. Technology, Faith and Future of Man. Geneva, 1970.
- ¹³⁸ *Picht G.* Prognose, Utopie, Planung. Stuttgart, 1967.
- ¹³⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.

К главе II (с. 122—203)

¹ *Bull N.* Moral education. L., 1969; *Bandura A.* Social learning theory. N. Y., 1971; *Moral education: interdisciplinary approaches.* Toronto, 1971; *Mischel W.* Introduction to personality. N. Y., 1971; *Wright D.* The psychology of moral behaviour. Baltimore, 1971; *Eysenck H.* Psychology is about people. L., 1972; *Social Science and Social welfare.* N. Y., 1973; *Moral Development and Behaviour: Theory, Research and Social Issues/Ed. by T. Lickona.* N. Y., 1976; *Kohlberg L.* Recent research in moral development. N. Y., 1977; *The school years. Current issues in the socialization of young people.* L., 1979.

² *Moral Development and Behaviour...*

³ Freud S. The Ego and the Id. L., 1923; *Idem*. Civilization and its Discontents. L., 1930.

⁴ Yilligan G. The Death of Morality; Eysenck H. Op. cit.; Loevinger Y. Ego development. San-Francisco, 1976.

⁵ Piaget G. The moral Yudgement of the Child. L., 1932.

⁶ Skinner B. Op. cit.

⁷ Bronfenbrenner U. Two worlds of childhood. USA and USSR. N. Y., 1970. Эта книга переведена на русский язык (см.: Бронфенбреннер У. Два мира детства. М., 1976).

⁸ The school years... P. 46.

⁹ Moral Development and Behaviour... P. 6.

¹⁰ Rawls J. A Theory of Justice. Oxford, 1971.

¹¹ Moral Development and Behaviour... P. 7.

¹² Ibidem.

¹³ Wright D. Op. cit. P. 21.

¹⁴ The Handbook of Social Phychology/Ed. by G. Lindzey and E. Aronson. Vol. I. N. Y., 1969; Handbook of Socialization: Theory and Research/Ed. by D. A. Goslin. Chicago, 1969.

¹⁵ Общую критику групповой и ролевой теорий, а также теорий социализации, близких к социально-групповой теории, см., например, в книге «Этика и идеология». Мы еще вернемся к критическому разбору этих теорий.

¹⁶ Психоаналитическая интерпретация совести подробно изложена, например, в статье С. Р. Malmguist «Conscience development», помещенной в специальном психоаналитическом журнале «The Psychoanalytic Study of the child» (1968. Vol. 23).

¹⁷ См., напр.: Добренъков В. И. Неофрейдизм в поисках «истины»; Бородай Ю. М. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины//Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.

¹⁸ См. о теории научения моральному поведению: Bandura A., Walters. Social Learning and Personality Development. N. Y., 1963; Aronfreed J. Conduct and Conscience. N. Y., 1968; Bandura A. Principles of Behaviour Modification. N. Y., 1969.

¹⁹ Morris C. Varieties of Human Value. University of Chicago Press, 1956.

²⁰ Wright D. Op. cit.

²¹ Ibid. P. 50.

²² Задолго до начала научных экспериментов в этой области такими способами пользовались писатели. Например, Ф. М. Достоевский в романе «Идиот» подробно описывает сцену откровенных признаний разных людей в своих неблагоприятных поступках на вечере у Настасьи Филипповны. А сцена подбрасывания денег Лебедевым генералу Иволгину представляет пример типичной ситуации искушения воровством (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 8. М., 1973. С. 123—130, 406—409; см. также рассказ «Бобок»).

²³ Kohlberg L. State and Sequence: the cognitive-developmental approach to Socialization//Handbook of Socialization...

²⁴ Glueck S., Glueck E. Delinquents and Nondelinquents in Perspective. Harvard University Press, 1968.

²⁵ Cowie J., Cowie V., Slater E. Delinquency in Girls. Heinemann, 1968.

²⁶ Schofield M. The Sexual Behaviour of Young People. Longmans and Penguin Books, 1965.

- ²⁷ *Ferdinand T. N. Typologies of Delinquency. N. Y., 1966.*
- ²⁸ Разбор некоторых концепций дан К. А. Шварцман в книге «Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность».
- ²⁹ *Piaget G. Op. cit.*
- ³⁰ *Kohlberg L. Moral Stages and Moralization. The cognitive-developmental Approach//Moral Development and Behaviour...*
- ³¹ *Ibidem.*
- ³² *Ibidem.*
- ³³ *Ibidem.*
- ³⁴ *Ibidem.*
- ³⁵ *Ibidem.*
- ³⁶ *Haney C., Banks C., Zimbardo P. Interpersonal dynamics in a simulated prison//International Journal of Criminology and Penology. 1973. N 1.*
- ³⁷ *Ibidem.*
- ³⁸ *Гоббс Т. Указ. соч. Т. 1. С. 482.*
- ³⁹ *Beyond the laboratory: Field research in social psychology/Ed. by L. Bickman and T. Henchy. N. Y., 1972.*
- ⁴⁰ *Latane B., Darley J. The unresponsive bystander: Why doesn't he help? N. Y.; Appleton, 1970.*
- ⁴¹ *Argyle M. The psychology of interpersonal Behaviour. L., 1970.*
- ⁴² *Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. Y. and Sanford R. W. The Authoritarian Personality. N. Y., 1950.*
- ⁴³ *Fromm E. Man for himself. N. Y. etc., 1947.*
- ⁴⁴ *Eysenck H. Y. and Eysenck S. Y. Personality: Structure and Measurement. Routledge and Kegan Paul, 1969.*
- ⁴⁵ *Wright D. Op. cit. P. 207.*
- ⁴⁶ *Bronfenbrenner U. Op. cit.*
- ⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.*
- ⁴⁸ *Там же. Т. 1. С. 414.*

К Заключению (с. 204—212)

- ¹ *См.: Дробницкий О. Г., Кузьмина Т. А. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1967. С. 36—66.*
- ² *Современная буржуазная этика. Развитие, проблемы, критика. София, 1980. С. 122—176.*
- ³ *Moore G. E. Principia ethica. Cambridge, 1903. Эта книга переведена на русский язык (см.: Мур Дж. Э. Принципы этики. М., 1984).*
- ⁴ *Simmel G. Op. cit.*
- ⁵ *Schlick M. Fragen der Ethik. Wien, 1930.*
- ⁶ *Ibid. S. 24.*

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ «ОБОСНОВАНИЕ» АМОРАЛИЗМА	25
1. Буржуазная мораль в зеркале эмпирической социологии	34
2. «Новая» мораль на старый лад	55
3. «В мире, перевернутом вверх дном»	72
4. Античный миф о Нарциссе и современная сказка о самосо осуществлении	88
5. Будущее морали или будущее без морали	106
Глава II. ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПСИХОЛОГИИ МОРАЛИ	122
1. Мозаика школ и направлений	124
2. Поведение без морали или мораль без поведения	141
3. Антиномии буржуазной психологической теории личности	173
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	213

Коновалова Л. В.

К 64 Растерянное общество: Критика современной буржуазной социологии и психологии морали. — М.: Мысль, 1986.— 220 с.— (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

В пер.: 1 р. 10 к.

Книга является исследованием современной буржуазной социологии и психологии морали. Дается критический анализ их основных школ и направлений; раскрывается картина нравов и моральных ценностей мира капитала; показываются такие характерные для морали буржуазного общества явления, как индивидуализм, отчуждение, одиночество, ослабление семейных и дружеских связей, усиление антисоциального характера поведения, агрессивности, жестокости и т. д.

К 0302020300-109
004(01)-86 71-86

ББК 87.7

Людмила Васильевна Коновалова
РАСТЕРЯННОЕ ОБЩЕСТВО

Критика современной
буржуазной социологии
и психологии морали

Заведующая редакцией **В. Е. Викторова**
Редактор **М. А. Рыжова**
Младший редактор **О. А. Рябенко**
Оформление художника **В. П. Григорьева**
Художественный редактор **А. М. Павлов**
Технический редактор **Л. В. Барышева**
Корректор **Г. С. Михеева**

ИБ № 2649

Сдано в набор 31.01.86. Подписано в печать 05.05.86. А09659.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. печ. листов 11,76. Усл. кр.-отт. 11,76.
Учетно-издательских листов 12,47. Тираж 40 000 экз. Заказ № 77. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.

НОВАЯ КНИГА

**В 1987 г. издательство «Мысль»
выпускает в свет:**

Национально-освободительное движение и идеологическая борьба/Под ред. акад. Г. Ф. Кима.— 20 л.— 2 р. 30 к.

Работа представляет собой третью книгу, издаваемую под рубрикой «Идеология в современном мире». В ней критически анализируются различные буржуазные и ревизионистские концепции по ключевым вопросам развития освободившихся стран, по проблемам выбора ими пути исторического развития, перехода на путь социалистической ориентации.

Рассчитана на ученых-обществоведов, пропагандистов, лекторов.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».